

~~54092~~

~~30293~~

К. БАЛЬМОНТЪ

ГДѢ МОЙ ДОМЪ?

ПРАГА

~~78~~

Издательство «ПЛАМЯ»

въ Прагѣ

подъ общимъ руководствомъ

профессора Е. А. Ляцкого

Печатано въ тип. «Легіографія»
Praha-Vršovice, Sámova ul. 665

06/10

~~30293.~~

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ГДѢ МОЙ ДОМѢ

ОЧЕРКИ
(1920—1923)

~~54092~~

ПРАГА
1924

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Д 5(2=Р)53-646

Л. Д. БИРЮКОВ

Л. Д. БИРЮКОВ

5103

Л. Д. БИРЮКОВ

Львівська державна
наукова бібліотека
189

Л. Д. БИРЮКОВ

189

ТОЛЬКО

Ни радости цвѣтистаго Каира,
Гдѣ по ночамъ напѣвенъ муэzzинъ, —
Ни Ява, гдѣ живетъ среди руинъ,
Въ Боро-Будуръ, Свѣтильникъ Бѣлый міра, —

Ни Бенаресъ, гдѣ грозового пира
Желаетъ Индра, мча огнистый клинъ
Средь тучевыхъ лазоревыхъ долинъ, —
Ни всѣ мѣста, гдѣ пѣла счастію лира, —

Ни Римъ, гдѣ слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звукъ улада,
Тѣнь Мекки, и Дамаска, и Багдада, —

Мнѣ не поютъ завѣтныя слова, —
И мнѣ въ Парижѣ ничего не надо.
Одно лишь слово нужно мнѣ: Москва.

БѢЛЫЙ СОНЪ

1

Вотъ ужъ нѣсколько дней съ парижскимъ небомъ что-то случилось необыкновенное. Я люблюсь на снѣжныя бѣлыя крыши, прохожу по хрустящему снѣгу, ломаю тонкія льдинки. И нѣжно-молочная даль своей мглой говорить о силѣ снѣга, о внутреннемъ колдованіи зимы. Парижъ хорошъ всегда, а облеченный въ необычное, онъ чаруетъ особенно. Лица проходящихъ женщинъ дышатъ торжествомъ, точно это онѣ набросили такую подвѣчную вуаль на зримое.

Но я знаю. Это не надолго. Не всякій нарядъ умѣетъ носить парижанка; хоть во многихъ она хороша. Этотъ нарядъ съ нея спадаетъ, потому что онъ не для нея. Много у нея и силы, и прелести, но не для нея эта чара, моя сѣверная единственная святыня снѣга и жуткій трагизмъ льда, то тихій, то звонкій, но всегда ворожащій.

Моя мысль уходитъ далеко. Туда, въ бѣлую Москву и подмосковныя мѣста, гдѣ мнѣ было трудно, какъ никогда, но гдѣ душа моя пѣла, гдѣ въ жестокой рамѣ единственныхъ судьбинныхъ испытаній я терзался, я изнемогалъ, но гдѣ душа моя пѣла.

Тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Лютый зимній холодъ. Подмосковное мѣстечко Н., все занесенное снѣгомъ. И березы, и дубы, и липы, и ели

въ бѣлой бахромѣ. Дома холодно. И, какъ ни морозно на дворѣ, надѣваешь рваную шубу и идешь грѣться среди снѣжныхъ пространствъ, усыпанныхъ алмазами, покрытыхъ осыпью хризолитовъ, на которые смотришь — и вотъ цвѣтной сонъ, голубой и алый, и бѣлый завладѣваетъ черезъ глаза сердцемъ, и душа уходитъ въ міръ, гдѣ нѣтъ ни холода, ни тепла, а лишь цвѣтистыя видѣнія и ткущая сила воспоминаній и надеждъ.

Но прогулка прогулкой, а мнѣ нужно сдѣлать дѣло, довольно трудное и безотложное. Въ домѣ нѣтъ воды. Водопроводъ, снабжающій всѣ дома мѣстечка водой, замерзъ. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ воды, кромѣ двухъ домовъ, при которыхъ есть колодезь. Туда и ходятъ за водой всѣ. И колодцы не всегда въ силахъ всѣмъ дать воды. Приходится ждать, пока снова, безъ конца вздымая и опуская спасительный рычагъ, вызовешь подъемъ благодѣльной влаги. Въ одномъ колодезѣ вода мутная и пахнетъ болотомъ. Я туда не хожу. Въ другомъ вода хорошая, всегда свѣжая, но нужно, — это я считалъ не однажды, — качнуть тридцать или сорокъ разъ, прежде чѣмъ вода начнетъ течь, и нужно цѣликомъ качнуть девяносто или сто разъ, чтобы ведро наполнилось до краевъ. Если же, не наполнивъ ведра, вздумаешь отдохнуть, вода уходитъ внизъ, и нужно снова качать и качать, какъ-будто этой предварительной работы не было.

Мое сердце расширено. Такая работа совсѣмъ не для меня. Но объ этомъ не приходится думать. Воды нѣтъ, а ѣду приготовить нужно. Та, кого я

зову Колибри, бьется около непокорной печки, потому что сырые дрова не загораются. Дѣвочка моя, маленькая поэтесса Мирра, оцѣпенѣлая отъ голода и холода, лежить въ постели. Я беру два пустых ведра, — у насъ только одно, но, спасибо, хозяйка добрая и одоужаетъ еще другое, — принимаю небрежно-важный видъ и иду за водой. Я радуюсь, что приходится идти за водой утромъ, — тамъ недалеко отъ колодца собачья конура; я по природѣ своей — кошка и рѣдко люблю собакъ, о чемъ собаки освѣдомлены своимъ чутьемъ и наблюдательностью и отвѣчаютъ мнѣ сообразной взаимностью, иногда ведущей къ осложненіямъ, — но днемъ собака привязана, и, врагъ цѣпей, я благословляю ея цѣпь. Я даже не смотрю въ ея сторону. Я мурлычу про себя какую-то неопредѣленную пѣсенку, ставлю ведра и начинаю качать.

Все же, это довольно трудное занятіе. Ну-ка, еще, еще. Я вспоминаю народный заговоръ на тридцать три тоски и загадываю число тридцать три. Превосходно. На тридцать третьемъ взмахѣ тонкая струйка съ успокоительнымъ звономъ падаетъ на дно ведра, и остальная работа не такъ уже трудна. Одно ведро готово. Горе, что надо упустить воду. Но, если бы мнѣ кто и подставилъ тотчасъ второе ведро, не хватить силы на столько взмаховъ подрядъ. И руки замерзли. Я вынимаю ихъ изъ перчатокъ, отогрѣваю дыханіемъ, снова надѣваю перчатки, снова принимаюсь качать.

Но второй разъ колодецъ менѣе великодушень и не откликается на загаданное число. Тридцать

пять, сорокъ. Нехорошо. Сорокъ два — вода течетъ, а я радуюсь на то, что и въ данномъ случаѣ со мной символика: вѣдь въ древнемъ Египтѣ на судѣ Озириса число судей было сорокъ два.

Однако, почему-то сегодня я очень устаю. Можетъ быть, это оттого, что я еще ничего не ѣлъ. Я смотрю съ мученіемъ на свое второе ведро, которое никакъ не хочетъ наполниться до краевъ. «Ну, пожалуйста, пожалуйста», говорю я ему, какъ-будто это отъ него зависитъ, чтобъ я пересталъ задыхаться, чтобъ сердце мое укротило бѣшенную свою пляску. Девяносто восемь. Сто. Наконецъ.

Я почти падаю на срубъ колодца, и теперь, когда не нужно больше дѣлать усилій, я издаю громкій стонъ и повторяю его нѣсколько разъ. Такъ легче, но мнѣ страшно, что кто-нибудь въ чужомъ домѣ услышитъ мой голосъ и выйдетъ посмотрѣть, что тамъ такое. Я замолкаю. Тяжело дышу. Вотъ ужъ и легче. Я беру ведра, я положительно гордъ и счастливъ. Обрызгивая себя и справа, и слѣва, я начинаю свое обратное шествіе, но черезъ каждыя двѣ-три минуты осторожно ставлю ведра на промерзлую дорогу и отдыхаю. До дома мнѣ почти полверсты.

Снѣжинки играютъ. Пустынно и бѣло кругомъ. Хорошо въ человѣческой душѣ, когда она спѣшитъ къ другой и несетъ ей что-нибудь благое. Сейчасъ меня будутъ жалѣть. А я буду любить и жалѣть ту, которая жалѣетъ, и еще тѣхъ желанныхъ, которыя далеко, съ которыми я разлученъ.

Я сижу въ своей комнатенкѣ у стола, на которомъ въ стройномъ порядкѣ лежатъ мои любимыя книги. Ихъ не такъ много, но каждая говоритъ съ душой. Мудрость Индіи, «Вѣды», мудрость Парсовъ, «Зендъ-Авеста», маленькая книжечка, отрывки мыслей лучезарнаго Гераклита, большой томъ Евангелія въ подлинникѣ, на этомъ странно волнующемъ, неправильномъ и живописномъ греческомъ языкѣ, большіе тома драмъ Кальдерона. Испанская рѣчь кажется вдвойнѣ горячее и поющей въ этой холодной моей малой хранилѣ. Я смотрю на раскрытую страницу «Волшебнаго Мага» и я смотрю также на морозное окно.

Есть сказочная сила въ морозныхъ узорахъ окна. За стѣной слышенъ кашель той, которая мучается около непослушной печки. И мнѣ безконечно жаль ее, но я не могу помочь. Я знаю, что и она, и мой ребенокъ, и я самъ, мы въ снѣжномъ царствѣ зимы и, голодные, стынемъ, и въ царствѣ безбрежнаго злосчастья, гдѣ убиваютъ и умираютъ. Все это знаю и стыну. Но цвѣтные морозные узоры, играющіе передъ моими тоскующими глазами и отдѣляющіе меня отъ безмѣрнаго бѣлаго міра, что тамъ за окномъ, говорятъ мнѣ о призрачности всего, что я переживаю, и о дѣйствительности чего-то иного, большого, безмѣрнаго, поютъ о независимой красотѣ мірозданія. Я вижу въ этихъ узорахъ причудливые лѣса; оттуда все исходитъ и туда все возвращается. Я

чувствую, какъ высокое Солнце идетъ своимъ путемъ, далекимъ отъ моихъ маленькихъ дорогъ. Я знаю, что, если я вѣрю въ путь Солнца, тогда и мои маленькія дороги совпадаютъ съ этимъ великимъ путемъ. И не холодъ стынущаго тѣла я слышу, а чувствую, какъ мысли мои полны цвѣтныхъ узорныхъ голосовъ.

Мой взглядъ падаетъ на испанскую страницу. Люциферъ, ниспавшій съ неба и принявшій чело-вѣческій ликъ, говоритъ Кипріану: —

Sí, que de una patria soy,
Donde las ciencias más altas
Sin esturdiarse se saben.

Да, я изъ родины такой,
Гдѣ тайну знаній высочайшихъ
Безъ изученья познають.

Кто видѣлъ Небо и видѣлъ Преисподнюю, знаетъ все.

Хорошо человѣческой душѣ, когда она несетъ другой душѣ что-нибудь благое. Пусть это будутъ только два жалкія ведра воды. И быстрые, хотя и окоченѣвшіе, пальцы начинаютъ писать. Сцена за сценой, я перевожу «Волшебнаго Мага». И тѣнь Кальдерона усмѣшливо утѣшаетъ меня, что не только мои русскіе стихи вѣрно передаютъ его испанскія чувства, но что также нѣкій человѣкъ дастъ мнѣ за эти страницы какія-то монеты, а я на нихъ куплю у скупыхъ и прижимистыхъ мужиковъ нѣкія земныя поросли и не помру съ голода и накормлю голодныхъ.

Но два ведра воды. Вы думаете, ихъ хватаетъ надолго, когда нужно и готовить ѣду, и пить, и мыть посуду, и самому быть чистымъ?

Лунный вечеръ, а воды въ домѣ опять нѣтъ. Моя двѣнадцатилѣтняя поэтесса, поѣвши, совершенно воспрянула духомъ и убѣждаетъ меня снова пойти за водой, на этотъ разъ вмѣстѣ съ ней. Я беру свои классическія ведра, она беретъ большой кувшинъ, и мы идемъ. Я радуюсь и тому, что мы щебечемъ, весенней прихотью нашихъ душъ опровергая окрестную зиму, и тому, что моя дѣвочка любитъ собакъ, — слѣдственно, и они ее любятъ, слѣдственно, спущенная съ цѣпи собака не раздеретъ на мнѣ послѣднія прикрытія моего тѣла.

И дѣйствительно. Вотъ этотъ песъ, который не любить ни кошекъ, ни нелюбящихъ его людей. Онъ обнюхиваетъ вѣтромъ подбитую, дѣтскую шубейку и самымъ учтивымъ образомъ повизгиваетъ и виляетъ хвостомъ. Тѣмъ временемъ я овладѣваю холоднымъ рычагомъ, но, такъ какъ около меня живое, милое существо, я не считаю взмаховъ руки и не играю въ числовую символику.

«Второе ведро — я», — кричитъ ревнивый дѣтскій голосъ.

«Второе ведро — ты», — соглашаюсь я охотно.

И мы идемъ, злополучные водоносы, подъ высокою Луной, среди оснѣженныхъ елей. И мы снова

возвращаемся къ колодцу, чтобъ накачать воды ужъ и назавтра.

Я тащу свои ведра. Она тащитъ свой кувшинъ. А чтобъ намъ не было скучно, мы превращаемъ небо и землю въ сказку. Луна глядитъ изъ огромнаго бѣлаго облака. «Смотри», говорю я, «это глазъ кита». — «А ниже большая змѣя», говоритъ она. — «Они плывутъ», говорю я. — «Они дерутся», говоритъ она со смѣхомъ.

Мы минутку молчимъ.

«А мы сами ѣдемъ въ кибиткѣ», говоритъ дѣвочка. И вотъ именно этого, только этого слова хотѣла моя душа. Она въ одну секунду раскрылась отъ этого слова: «въ кибиткѣ».

Нѣсколько мгновений молчанья и бѣлой зачарованности, и я говорю: «Малютка, я тебѣ скажу стихи».

Она идетъ и ласково слушаетъ. И оба, ступая осторожно, мы стараемся не расплескать воду. И оба мы въ эту минуту такъ любимъ другъ друга. Лунный призракъ, она слушаетъ. Лунный призракъ, я говорю.

Луна глядитъ, какъ глазъ кита,
Который, жутко-бѣлый,
Плыветъ и лоскутомъ хвоста
Бьетъ въ дальніе предѣлы.

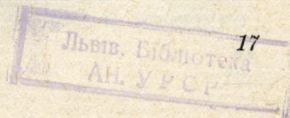
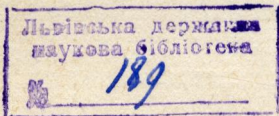
И нѣтъ, не бьетъ хвостомъ тотъ китъ,
А, въ воздухъ упирая,
Плыветъ, и глазъ его, какъ щитъ,
Среди морей безъ края.

Ты думалъ, это облака
Плывутъ лазурью ночи.
А то китовьи лишь бока,
И съ ними даль короче.

Я ѣду-ѣду. Мерзлый видъ
Налѣво и направо.
И виснеть круглый сталактитъ
Безмѣрнаго удава.

Схлестнулся съ бѣлымъ онъ китомъ,
И вгрызлось чудо въ чудо.
Разстался китъ съ своимъ хвостомъ,
И сдавленъ змѣй, какъ груда.

Молчу. Смотрю. И нѣтъ кита.
И больше нѣтъ удава.
Лишь голубая пустота
И золотая слава.

ФАКЕЛЪ ВЪ НОЧИ

Я живу среди чужихъ. Уже семь мѣсяцевъ я живу въ Парижѣ и люблю этотъ красивый городъ, независимо отъ его теперешнихъ жителей. Мнѣ нравятся также и жители его. Привѣтливые, умные, совсѣмъ не обременительные и не обременяющіе собою иностранца. Я жилъ въ Парижѣ годами, и у меня есть здѣсь добрые знакомые. Есть и такіе, что мы считаемся друзьями. Если я захочу, я могу пойти въ гости къ лучшему французскому санскриптологу, или къ превосходному знатоку древняго Египта, или къ французу, безукоризненно говорящему по-русски и влюбленному въ Гоголя, или къ двумъ-тремъ лучшимъ французскимъ поэтамъ. Меня встрѣтятъ ласково, со мной будутъ говорить учтиво и умно. А изучатель Гоголя даже будетъ говорить по-русски. Но отчего-же, когда я уйду отъ этихъ своихъ друзей, за мной закроется дверь, совсѣмъ не рѣзко и не громко закроется дверь, а въ ту же секунду я услышу въ душѣ, что вотъ въ этой моей тоскующей душѣ захлопнулись цѣлыя ворота?

Между нами не можетъ быть настоящаго разговора, ибо нѣтъ соучастія душъ. Я знаю французскій языкъ, французскія особенности, французское искусство, подробно знаю французскую литературу. Они не знаютъ того же русскаго. И быть можетъ, только тотъ одинъ, который любитъ Гоголя, пойметъ часть меня, но не подойдетъ ко мнѣ вплотъ,

потому что между нами волны событій, океанская буря разнородности.

Я радъ, что со мной вѣжливы. Но не нуженъ я парижанамъ низачѣмъ. А нужны-ли они мнѣ, объ этомъ я молчу, изъ скромности и вѣжливости.

Здѣсь есть русскіе. Мнѣ говорятъ, ихъ много. Кто говоритъ, ихъ тридцать тысячъ, кто утверждаетъ, что ихъ цѣлыхъ сто тысячъ. Допустимъ, что ихъ тридцать тысячъ. Кто они эти десятки тысячъ людей, для которыхъ, какъ и для меня, первыя слова, услышанныя въ дѣтствѣ отъ родной матери, были словами красивѣйшаго могучаго русскаго языка? Это — дружное самосознающее себя цѣлое или арифметическая сумма? Если цѣлое, въ чемъ же оно проявляетъ себя? Не въ томъ ли, что лучшіе писатели, поэты и художники, перекочевавшіе изъ безжалостной русской дѣйствительности въ Парижъ, живутъ здѣсь, какъ полунищія, нуждаясь въ самомъ необходимомъ и не находя примѣненія для своего генія, таланта и трудолюбія?

Нѣтъ, здѣсь цѣлаго нѣтъ, а есть лишь арифметическая сумма, причеиъ слагаемыя — съ одной стороны скромныя единицы, съ другой — единицы съ уважительнымъ количествомъ нулей по правую сторону. Взаимо-бесѣда врядъ-ли тутъ возможна.

Я хотѣлъ привести нѣсколько примѣровъ здѣшняго своеобразія душевной арифметики. Но это удушливо.

Представители честнаго русскаго мышленія и свободнаго русскаго творчества систематически истребляются въ современной Россіи. Прямо и косвенно

ихъ просто-на-просто тамъ изводятъ. Не такими свирѣпыми средствами, но прямо и косвенно ихъ изводятъ и здѣсь. Коммунистическая блокада творческой мысли — тамъ, буржуазная блокада художественнаго творчества — здѣсь.

Когда безжалостный Старый Годъ кончился и на смѣну ему пришелъ безсердечный Новый Годъ, и потомъ, всѣ эти томительныя недѣли, когда меня преслѣдовало ощущение пустоты и бесполезности изгнанныческой жизни, меня ласково преслѣдовало также одно воспоминанье, три благихъ призрака въ рамѣ жуткой зимней ночи и неоглядной оброченности. Три человѣка, которыхъ я не знаю и не узнаю никогда, но которые одну минуту были со мной человѣчески добрыми. Три солдата-красноармейца.

Въ томъ подмосковномъ мѣстечкѣ Н., гдѣ я провелъ часть зимы въ 1919-мъ году и гдѣ я погибалъ со своими отъ голода и холода, былъ однажды особенно тяжелый вечеръ. Та, которая дѣлила со мной всѣ случайности жизни и уже успѣла перенести три воспаленія легкаго, нѣсколько часовъ подрядъ безуспѣшно раздувала печку, чтобы согрѣть промерзшія комнаты и приготовить ѣду. Но сырыя дрова не хотѣли горѣть, и согрѣться было нельзя, и поѣсть было нечего, и часъ за часомъ проходилъ въ бесполезной борьбѣ съ непослушнымъ огнемъ, и мучительный кашель той, которая имѣла мужество не жалѣть себя, терзалъ меня нестерпимо, терзалъ меня тѣмъ болѣе мучительно, что я хотѣлъ помочь и былъ безсиленъ помочь. Если женщина не

можетъ раздуть огонь въ печкѣ, мужчина-ли это сумѣетъ.

Еще, и еще долгія усилія. Еще, и еще срывный кашель и тоскующіе вздохи. Я подхожу и говорю: —

«Брось, все равно ничего не выйдетъ. Мы можемъ сегодня обойтись безъ ѣды».

«Мы можемъ», рыданьемъ раздается отвѣтъ. «Дѣвочка не можетъ, она должна поѣсть».

Дѣвочка давно уже, истомившись ожиданьемъ и голодомъ, легла одѣтая на постель, чѣмъ-то прикрылась и дремлетъ.

«Мама», лепечетъ она въ полу-снѣ, «брось. Я не хочу ѣсть».

Мгновенье молчанія.

«Мама, скоро будетъ готова ѣда?»

Мать безсильно садится на полъ около тлѣющихъ, но не горящихъ дровъ, и заливается долгими безмолвными слезами.

Я дѣлаю нѣсколько шаговъ въ этой холодной полутьмѣ и чувствую, что вѣрно такъ ходятъ лунатики. Я чувствую также, что нужно чѣмъ-то на время пресѣчь пытку. Я надѣваю шубу и шапку, невнятно произношу какія-то утѣшенія и какъ пьяный выхожу изъ дома.

Что ведетъ иногда человѣка, какъ не тайная благая сила, о немъ заботящаяся? Все кругомъ спало. Пойти не къ кому. Уже ночь. Зимняя стужа. Бѣлесоватая снѣжная тьма. Хоть темно, а все же что-то видно, не только громады оснѣженныхъ елей. Тамъ, вдали, развѣ нѣтъ чего-то, что зоветъ?

Эти послѣднія слова, только что мною сказанныя, суть поздній теперешній домысль. Тогда я просто пошелъ впередъ, какъ заводная кукла, съ несознаваемой, но чувствуемой, мгновенной радостью. Тамъ вдали былъ огонекъ, мерцавшій и пропадавшій подъ вѣтромъ и снова загоравшійся.

Я дошелъ до огня. Это около замерзшей водопроводки, охраняя ее отъ невѣдомыхъ злоумышленниковъ, три солдата развели костеръ и грѣлись и молча смотрѣли въ прыгающее пламя.

Не знаю, откуда у меня явилась тѣ слова, которыя я тогда сказалъ, но, вплоть подойдя къ костру, я имъ сказалъ: —

«Товарищи, хозяйка моя сидитъ сейчасъ и плачетъ около печки, и никакъ не можетъ развести огонь. Дайте мнѣ какую-нибудь головню отъ вашего костра.»

Солдаты молча посмотрѣли на меня. Одинъ опустилъ голову, какъ бы чуждаясь меня. Другой сказалъ: «Да берите, товарищъ, любую». Третій всталъ и, разгребая какой-то палкой костеръ, вытащилъ полуторааршинную, лишь на половину обгорѣлую, пылающую доску, и сказалъ: «Вотъ, эта лучше всѣхъ».

«Вы курите?» спросилъ я. «Курю». Я вынулъ изъ портсигара двѣ остававшіяся тамъ папиросы и протянулъ минутному своему другу.

«Насъ трое», сказалъ онъ.

Но моя лѣвая рука уже доставала изъ кармана шубы коробку, гдѣ было нѣсколько папиросъ. Я ихъ отдалъ всѣ, и глаза всѣхъ троихъ свѣтились благодарностью.

Я шелъ по пустынной снѣжной улицѣ, и въ бѣлесоватой ночи ярко пылалъ подъ вѣтромъ странный мой факель. Дикарь, впервые несшій къ себѣ огонь, врядъ ли былъ счастливѣе меня. Черезъ время, показавшееся мнѣ минутой, печка пылала, и ѣда была готова.

Кто они, эти трое, и что съ ними сейчасъ? Угнали ли ихъ на одинъ изъ безчеловѣчныхъ фронтовъ и они давно уже убиты? Или они — въ злой ткани, которую соткали и ведутъ они, но не они?

Не знаю. Но живы они или мертвы, мое сердце чувствуетъ къ нимъ только братское устремленіе.

ЗАВТРА

1921. VI. 24.

Завтра минетъ ровно годъ съ того дня, какъ я простился съ моей родной Москвой. 25-го іюня 1920-го года я уѣхалъ, черезъ Петербургъ, въ Нарву и въ Ревель. Полный кругъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Я прожилъ мѣсяцъ въ Ревелѣ. Я узналъ тамъ, что Европа нашихъ дней — не та свободная благочестная Европа, которую я зналъ цѣлую, достаточно долгую, жизнь, а исполненная духа вражды, подозрѣній, перегородокъ, преградъ, равнодушная, бездушная пустыня, безъ духовной жизни, безъ вольнаго генія, который озарялъ бы жаждущую душу неожиданнымъ новымъ свѣтомъ. Я ушелъ изъ тюрьмы, уѣхавъ изъ Совѣтской Россіи, и конечно, въ сравненіи съ тѣмъ невѣроятнымъ Сатанинскимъ царствомъ, которое представляетъ изъ себя Россія текущихъ дней, Европа, начиная ее хотя бы съ Эстоніи, царство благословенное. Но это только на тѣ дни, которые нужны замученному человѣку, чтобы опомниться послѣ трехъ лѣтъ невѣроятнаго кошмара. Душа хочетъ больше, чѣмъ чистое, сытое тѣло и основныя данныя уравновѣшенной, внѣшне свободной жизни. Она хочетъ высокой правды и неустанной пряжи творческаго духа, она хочетъ чистаго воздуха довѣрія и полетныхъ созиданій. Гдѣ они? Ихъ нѣтъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ люди убивали другъ друга, хитрили,

лгали, возвѣщали великія обѣщанія, изъ которыхъ ни одного не исполнили, созидали то тутъ, то тамъ неправосудныя отдѣльныя богатства, превращая убійство и грязь въ круглые капиталы, и, безъ конца, безъ конца пороча слово недостойнымъ его употребленіемъ, безъ конца, безъ предѣла уходили и уходять въ марево духовнаго оцѣпенѣнія, въ обостреніе звѣриной вражды — страны противъ страны, народа противъ народа, класса противъ класса, мысли противъ мысли, человѣка противъ человѣка.

Изойдя изъ проклятой берлоги, гдѣ дьяволы мучаютъ всѣхъ, кто на нихъ не похожъ и не хочетъ походить, я пришелъ къ людямъ, которые забыли, сколько достойной радости въ томъ, чтобы помочь другому и встрѣтить приходящаго съ свѣтлымъ до-вѣрчивымъ лицомъ.

Кто скажетъ одно слово: «виза», тотъ скажетъ «тюрьма», тотъ скажетъ «поднадзорный», скажетъ «прочь», скажетъ «издѣвательство». Онъ скажетъ еще много оскорбленій, человѣкъ, имѣющій неправосудную возможность требовать у меня визы, у меня, у свободнаго человѣка, къ которому этотъ, новаго образца, плантаторъ возможностей подходитъ съ арапникомъ въ рукѣ.

Первый мой шагъ въ нынѣшнюю Европу былъ ознаменованъ хлопотами о визахъ. И если Франція тотчасъ же, черезъ благую вѣсть телеграфа, гостепріимно раскрыла мнѣ свои двери, Англія сдѣлала полицейское лицо и убила во мнѣ желаніе ѣхать въ эту, когда-то мнѣ желанную, страну, а маломысленный нѣмецкій консулъ города Ревеля, пообѣщавъ

дать мнѣ визу, въ послѣднюю минуту чего-то испугался, налгалъ мнѣ, и когда очередной пароходъ отбылъ въ Штеттинъ, въ немъ остались четыре, незанятые, мной оплаченные, койки, и въ улетающемъ дымѣ этого корабля развѣялись мои 20.000 эстонскихъ марокъ, добытые, можно себѣ представить, съ какими трудностями. А черезъ нѣсколько часовъ послѣ отплытія парохода одинъ мой пріятель случайно познакомилъ меня съ находившимся тогда въ Ревелѣ вице-президентомъ германскаго рейхстага, Вильгельмомъ Дитманомъ, и этотъ честный добрый человѣкъ, узнавъ о моемъ злополучіи, тотчасъ подошелъ къ телефону, разобралъ консула, сказалъ ему, что онъ слѣпецъ, не умѣющій различать то, что у него передъ глазами, и приказалъ ему тотчасъ же дать мнѣ визу. Виза тотчасъ и была мной получена — черезъ шесть часовъ по отбытіи моего корабля, а слѣдующаго пришлось ждать еще двѣ недѣли. Нужно было соединеніе двухъ такихъ именъ, какъ Бальмонтъ и Дитманъ, чтобы произошло звѣздоносное ниспаденіе съ невозможнаго неба того дьявольскаго уродца, который называется женскимъ именемъ Виза. Сколь удобно и легко, значить, существовать путешествующимъ русскимъ, лишеннымъ возможности создать столь планетарное событіе. Это было первое мое ознакомленіе съ новой Европой, не умножившее моей нѣжности къ ней. Пришелъ изъ берлоги — ну, и будь доволенъ всякой непопребностью, которую ты встрѣтишь на пути.

Я встрѣтилъ много на пути за эти двѣнадцать мѣсяцевъ. Я встрѣтилъ столько, что долженъ пе-

ресмотрѣть цѣликомъ свой основной взглядъ на человѣческую природу, взглядъ цѣлой жизни. И вижу, что или вся эта жизнь была сновидѣніемъ простодушнаго человѣка, упорно видящаго только свой свѣтлый сонъ, или же за эти чудовищные нѣсколько кровавыхъ лѣтъ человѣческая природа по существу опрокинулась, извратилась, и душа человѣка умерла; одни тѣла, слѣпо-тѣлесныя, блуждаютъ по землѣ, дожидаясь и своей смерти, и каждое говоримое слово есть ложь, и каждая благая улыбка — обманъ.

Но почему я говорю объ этомъ? Проживъ полстолѣтія на землѣ, я никакъ не разучусь, говоря, говорить правду и, слушая людей, я никакъ не могу перестать вѣрить ихъ словамъ. Да, такова моя судьба. И, тысячу разъ обманутый, я хочу снова вѣрить, и не вѣрить не могу. Леопарди въ своихъ строкахъ «*A se stesso*» «Къ себѣ самому», сказалъ, обращаясь къ собственному сердцу: «*Assai palpitasti*» «Довольно ты билось». Но я никогда не скажу этихъ словъ своему сердцу. Оно просто однажды перестанетъ биться.

Сейчасъ оно бьется любовью къ покинутой. Я сдвигаю своею мыслью покровъ чудовищности, закрывшій мою желанную, и вижу ее такъ, какъ я ее хочу видѣть, какъ видѣлъ ее цѣлую жизнь, какъ ее люблю.

Долгій колокольный звонъ. Спокойный вечеръ. Сейчасъ, высоко надъ моимъ окномъ, пронзительно свистятъ, въ веселомъ летѣ, стрижи. Они такъ же свистятъ и носятся въ бѣшенномъ полетѣ и тамъ. Въ желанномъ тамъ — куда я не могу достгнуть.

Я вижу ушедшихъ въ невозвратный путь. Они смотрятъ на меня честными глазами, и въ этой душевной честности безграничная ласка. Благой трудъ былъ ими выполненъ, и колосья, ими взрощенные, все еще золотятся и шелестятъ, они не могутъ быть убиты ничьей рукой.

Женщина съ ликомъ Византійской царицы, дѣвушка, дѣлившая со мной первыя дѣвическія зори, смѣлый поэтъ, съ которымъ мы носились между звѣздъ, вѣрный другъ, случайный прохожій, заговорившій со мной звучнымъ радостнымъ голосомъ, работникъ, свершающій свою работу, — я вижу васъ отсюда, черезъ дали пространства и времени, я вижу васъ ясно и четко, хотя въ глазахъ моихъ дрожатъ слѣпящія меня радуги, возникшія не изъ капель дождя.

Завтра. Настанетъ-ли когда-нибудь настоящее завтра, и кто-то скажетъ: «Здравствуй. Жизнь вернулась».

Завтра минетъ годъ, какъ душа моя разлучилась съ тѣломъ. Сегодня, засыпая, я буду молиться, чтобы хоть эту одну только ночь я спалъ спокойно и увидѣлъ во снѣ, что это — воскресенье, и я въ Россіи.

ГДѢ ПРАВДА?

Въ воздухѣ, изломанномъ бурей, всѣ очертанія, утративъ обычное свое состояніе, невѣрны, измѣнчивы, и ведутъ чувство и мысль по новымъ путямъ. Облако не облако, а туча. Рушится въ небѣ изорванная сѣрая стѣна. Изъ расщелинъ этой плывущей стѣны вырываются водопады огня и скаты воды. И если облако баюкаетъ мечту, грозовая туча пробуждаетъ всю душу къ новой жизни, въ которой страхъ и пляска, ужасъ и восхищеніе, пѣсня и вопль существуютъ въ одной нераздѣльности.

Вѣтки деревьевъ, во время грозы, не вѣтки деревьевъ, увѣшанныя гирляндами и кружевами зеленыхъ листьевъ, а бѣшено переплетающіяся змѣи, или кривыя копья, палицы и бумеранги странныхъ древесныхъ духовъ. Даже камышъ, подъ грозой, принимаетъ особо воинствующій видъ и шуршитъ не съ таинственнымъ зловѣщіемъ, а съ явной угрозой. Даже малые побѣги травы, эти невинныя изумрудныя нити и ленточки, создаютъ зыбь, которая похожа на безмѣрные бока куда-то уползающаго удава.

Гроза прошла. Дождь пролился. Воздухъ освободился отъ долго и трудно готовившихся колдованій зноя, испареній, удушья и предчувствій. Воздухъ прохладенъ и успокоенно чистъ. Вѣтви деревьевъ свѣжо ароматны. Зеленая трава, цвѣтъ надежды и залогъ безмѣрной жизни, зоветъ къ веселью дѣтей и стада. Отдѣльныя капли, качая въ

себѣ на мгновенье вселенскую радугу, падаютъ съ листьевъ и съ крыши дома; они падаютъ внизъ, чтобъ утонуть въ землѣ, поящей корни, они падаютъ внизъ, чтобы сказать глазамъ и сердцу о связи высокаго съ тѣмъ, что внизу, — чтобы дать счастье краски, чтобы дать радость малаго звука, чтобъ шепнуть безглагольно, что есть и веселыя слезы.

Какъ хорошо явленіе грозы въ природѣ, — какъ оно ужасно и безчеловѣчно въ мірѣ человѣческомъ.

Революція — гроза. Не я-ли самъ тоже говорилъ это? И я? Да, и я сказалъ эту невѣрность не однажды. Но сердце мнѣ говоритъ теперь, что это невѣрно. Ибо гроза приходитъ и уходитъ, осіянная въ началѣ и концѣ изломнымъ огнемъ и тысячецвѣтною радугой. Гроза всегда приноситъ утolenіе и правду новой жизни. Никакая революція не даетъ ничего, кромѣ того, что было бы въ свой часъ, и въ недалекой часъ, достигнуто и безъ нея. А проклятія, которыя всегда приводитъ съ собой, и за собой, каждая революція, неисчислимы. Они, какъ тѣ уродливыя чудища, что вырвались изъ раскрытаго сундука злой колдуньи. Они неистребимы, какъ полчища саранчи, которую не убьешь цѣпами, не отгонишь молитвой, не разстрѣляешь пушками, не заговоришь волхвованіями. Они неисчислимы, какъ песчинки убивающей пустыни, изъ которыхъ желтоликіе дьяволы крутятъ веревки и удавки для утопающихъ въ прахъ обезумленныхъ каравановъ.

Братъ, предай брата. Сынъ, убей отца. Мужъ, покинь жену. Эти заповѣди — малая, малая доля

тѣхъ отравныхъ выдыханій, которыя ползуть, вотъ, и по моей странѣ, оттого что и я, малая песчинка, зазывалъ съ цѣлымъ полчищемъ безумныхъ пришествіе насилія, во имя гибели насилія, пришествіе умалишенности, во имя торжества разума, пришествіе лезвія, во имя пролитія злой крови, какъ-будто не одной солнечной кровью наполнены жилы всѣхъ людей, какъ бы они ни заблуждались.

Изъ пролитія крови всегда возникнетъ лишь новая пролитая кровь. И будетъ она теперь перекидываться и проливаться, то справа налѣво, то слѣва направо, и опять налѣво, и снова направо, пока, никѣмъ не слышимый, но надъ всѣми властный, голосъ Судьбы не скажетъ: «довольно».

Смотря въ честные глаза ребенка, который изъ дѣтства завтра уйдетъ въ сознательность, я всегда скажу: «Не вѣрь насилію ни въ какомъ ликѣ. Есть пути духа, которые болѣе властны, чѣмъ ножъ и мечъ».

Дважды и трижды разсудивъ съ своей душою свою жизнь, я знаю, что никогда болѣе я не смогу повѣрить ни въ какую революцію. Я ихъ видѣлъ три, и мнѣ довольно. Три тысячи разъ, быть можетъ, я видѣлъ таинство грозы въ природѣ, и каждый разъ оно было цѣльно, правдиво и зиждительно. Три раза я соприкосался съ грозой человѣческой, и былъ въ ней не только зрителемъ, и трижды я видѣлъ, что послѣ нѣсколькихъ часовъ гнѣвной правды выползали изъ нѣдръ человѣческаго духа отвратительныя чудовища, изготовители грозъ, нарочитые ихъ устраиватели, углубители распада, лжецы, бо-

лѣе всего любящіе неправосудную власть, основанную на крови, слѣпотѣ и лжи.

Празднества крови истощатъ свою сатанинскую силу. Какую же новую пѣсню, въ день радуги, я спою о правдѣ и жизни?

Быть можетъ, я не спою никакой. Но ребенокъ, который смотритъ честными глазами, споетъ тогда пѣсню о вѣрномъ желѣзѣ, разрѣзающемъ землю, и о безуміи желѣза и свинца, изливающего кровь.

ВѢТЕРЬ

Wiatr nauczyłem nauki słowa —
i słońcu kazalem obnieść ja po świecie.
Słowacki.

«Вѣтеръ научилъ я вѣдѣнью слова и Солнцу повелѣлъ обнести его по міру».

Это говорить самый воздушный изъ польскихъ поэтовъ, Словацкій, лютня котораго соткана изъ лунныхъ лучей, и жужжать по струнамъ этой лютни, скользять по звонкимъ золотыя пчелы Солнца, медоносныя. Врываются въ ихъ звонъ орлиныя клики и клетоты, возгласы-вскрики сраженныхъ рыцарей, стонъ бандуры степного кобзаря, вѣтъ завѣтъ грядущимъ поколѣньямъ, лукавится нѣжный поцѣлуй свѣтловолосой дѣвушки, проносится вѣтеръ, въ которомъ сіяютъ знамена, проносится вѣтеръ иной, шелестящій снѣгами взметенными и мерзлыми мертвыми травами, надъ могилой изгнанниковъ, вѣтеръ Сибирскихъ пустынь, и снова качаются чаши цвѣтовъ, согрѣтыхъ свѣтлою весной, и снова взрывается буря, и снова лунная, лунная, свѣтлая, холодная, въ холодности ласковая, слышится баллада, рыданіе погибшаго, проклятiе врагамъ, отреченье отъ проклятiя, благословенье своей жертвы, взнесенье жертвенной свѣчи во имя Единственной.

Вѣтеръ научилъ я вѣдѣнью слова.

«Wiatr ojciec, a woda matka», «Вѣтеръ отецъ,

а вода мать», говоритъ польскій крестьянинъ. «Вѣтеръ господинъ», говоритъ русскій крестьянинъ. «Вѣтеръ — Божье дыханье», говоритъ житель Галиціи. «Вѣтеръ — легкая птица», говоритъ германецъ, «Der Wind ist ein leichter Vogel». «Вѣтра изловить нельзя», говоритъ закавказскій татаринъ. А изящный итальянецъ подтверждаетъ съ танцующей ироніей: «Вѣтеръ никогда не входитъ въ мѣсто, откуда не можетъ уйти», «Il vento non entra mai in luogo di dove non possa uscire».

Вѣтеръ любитъ вольность и любитъ шелестъ, вѣяньемъ своимъ велитъ возвращаться звукамъ въ волнообразно-повторной напѣвности. Взвихривъ свѣжіе свитки воздуха, съ высотъ вдругъ прилетаетъ буря, встрѣчные бьются вѣтры, мгновенные срывные свисты и взвизги, спутанная свита сердитыхъ привидѣній, своевольное воленье сраженія, — было внутри, вынеслось во-внѣ, — вѣютъ и выются враждующія воинства.

И вотъ снова, свирѣльно довѣтся, властный, но вкрадчивый, не свирѣпый, а влюбчивый, вѣстникъ свѣтлой весны, вьюнокъ-вѣтерокъ.

Винтообразно, вѣтерокъ превращается въ вѣтеръ. Вороватый вьюнокъ — свистунъ — перевертышъ. Вѣтеръ свертѣлся въ вихрь. Вращаясь и варварство свое высвистывая, вихрь превращается въ бурю. Взоетъ буря, и летитъ ураганъ. И вотъ онъ, вотъ онъ, вѣщій громъ.

Водоворотная волна воздушныхъ силъ. Взбрызги сверкающихъ молній. Отъ безшумнаго дыханья — до раскатнаго грома. Отъ неувовимаго вѣянья —

до сорвавшагося обвала звуковъ и воды, — и молнія, какъ вѣнецъ всего.

Воистину велить вѣтеръ возвращаться звукамъ въ волнообразно-повторной напѣвности. Возьми слово пѣвчее. Увидишь подтвержденъе.

«Oh wild West-Wind», «О, безумный Западный Вѣтеръ», восклицаетъ Шелли въ своей «Пѣсни къ Западному Вѣтру», и въ этомъ тройномъ в-в-в мы явственно чувствуемъ вѣянье вѣтра. И дальше этотъ воздушный свирѣльникъ поетъ: —

«Wild Spirit which art moving everywhere»,
«Взметенный Духъ, ты движешься повсюду».

Едва слово заговорить о вѣтрѣ, оно невольно играетъ легковѣйнымъ звукомъ в или цѣпкими, шуршащими, шероховатыми звуками с, з, ш, щ, живописующе передающими шорохи листвы.

«Вѣй по вѣтру, а впротивъ, а всупротивъ — глаза запорошишь». (*Русская поговорка.*)

«Выше вѣтра головы не носи». (*Русская поговорка.*)

«Попутный вѣтеръ — святой воздухъ». (*Каспійская поговорка.*)

«Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами... пороси поля прикрываютъ». (*Слово о полку Игоревъ.*)

«О, вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши?» (*Тамъ же.*)

«Повѣй, повѣй, вѣтеръ,
Изъ чистаго поля.
Изъ чистаго поля,
Изъ синяго моря.
Суши, суши, вѣтеръ,
Всѣ стежки, дорожки».

(*Русская народная пѣсня.*)

«... Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ меня
привѣтствовалъ...» (Пушкинъ.)

«Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя».

(Пушкинъ.)

«Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка...»
(Лермонтовъ.)

«Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ впрахъ».

(Кольцовъ.)

«Въ няньки я къ тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла...
Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?»

(Майковъ.)

«Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ,
Какъ шорохъ стаи журавлиной,
И въ шумѣ листьевъ замеръ онъ».

(Тютчевъ.)

«Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью».

(Фетъ.)

Вѣялъ вѣтеръ и говорилъ. Слушалъ пѣвецъ и выслушалъ. Вывѣдалъ тайновѣсть — и вложилъ ее въ слова. И вотъ слова, перевиваясь, поютъ, вѣщая, и вложенная въ ихъ буквы звуковая повѣсть, повторно вертя своимъ веретенѣмъ, ведетъ.

37

ніи, оно прежде всего исходило отъ Пушкина, отъ кого тянется неисчислимость внушеній и зачарованій.

Кто выросъ въ деревенской тиши и съ дѣтства внималъ вѣщимъ шопотамъ деревьевъ и ворчливому ропоту бурь, проносящихся по нашимъ неогляднымъ пространствамъ, тотъ, и только онъ, понимаетъ сполна, сколько въ Пушкинѣ вѣтра, сколько въ немъ волнъ и древесныхъ шороховъ, сколько въ немъ той звуковой тайны, которая свѣжо журчитъ въ его стихахъ, какъ въ весенней рощѣ, послѣ грозы, переливается віолончельное пѣніе иволги.

«... По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...»

«Брегамъ отлогимъ»... Какая гордая твердость звука. И эта полногласная смѣна нотъ «ви—во—вѣ». Тутъ визгъ вѣтра и ржавой части устарѣвшей мельницы. Тутъ воротъ ветхій возвращается, тяжелый воротъ, навой.

Я слушаю, что говоритъ мнѣ вѣтеръ, и съ нимъ уношусь въ воздушныя пространства, и, вѣтру повинуюсь, я воленъ видѣть все. Слышу, какъ древній индусъ говоритъ къ Огню-Агни, говоритъ къ Вѣтру-Вайю. И такъ какъ древній индусъ сполна осуществилъ священный союзъ со Стихіями Міра, и такъ какъ онъ, понимающій, до сегодня исполняетъ завѣтъ «Землю цѣлуй», — не простые, а вѣще это звуки, когда я говорю: «гори, гори, Огонь! вѣй, вѣй, Вѣтеръ!»

Я смотрю въ затоны моей весны, туда, гдѣ купавы, заглядываю, и нѣжный голосъ поетъ.

Я — вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
Волную волны, ласкаю ивы,
Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, нѣмѣю,
Лелѣю травы, лелѣю нивы.

Съ вѣтромъ связано все въ моей повѣсти. Съ вѣтромъ, котораго изловить нельзя.

О, невѣрный! Вѣтеръ, вѣтеръ,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мнѣ забвенья, вѣтеръ,
Дай стремленья твоего.
Вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Ты прекраснѣе всего.

Вспоминаю пути свои отъ океана до океана. Вѣчная взволнованность довременной Воды. Синезеленый міръ неогляднаго Тихаго океана. Буря рветъ снасти, а я вспоминаю строки сильного и одинокаго брата моего, Юргиса Балтрушайтиса.

«Въ морѣ, въ полѣ — та же воля,
Всюду звонокъ свистъ и вой, —
Весела земная доля
Въ часъ тревоги грозовой.
Ширить вихрь, свирѣль живая,
Звонъ вблизи и звонъ вдали, —
Воетъ, вѣетъ, раздувая
Искру свѣтлую въ пыли».

Съ свистомъ-присвистомъ вѣтеръ врывается въ сѣдые паруса. Путающимъ движеніемъ смѣшавши взбрызги волнъ, закрутилъ вуали пѣны, завертѣлся вмѣстѣ съ чайкой, измялъ ея малыя крылья, выпря-

милъ смѣлый полеть альбатроса, которому весело въ вихрѣ, не смѣющему смять его, суроваго, и, едва освободивъ мечту въ этой поющей симфоніи, какъ нашептываетъ что-то о домѣ, о полѣ, о брошенномъ милomъ обвѣтренномъ краѣ, гдѣ рожь и мои васильки.

Изъ рукъ моихъ выпала книга Яна Каспровича, «Chwile», «Минуты». Я прочелъ строки: «Snuje sie wiatr po polu», и, прозвучавъ по-польски, они превестились и стали русскими.

Онъ мечется по полю, вѣтеръ,
Средь жита онъ путь свой проносить,
Гдѣ хочетъ, вздохнетъ, отдохнетъ тамъ,
О томъ никого онъ не спросить.
Метнется къ болотамъ, проворный,
Склонясь надъ рѣкой шевельнется,
Смутить въ ней покой серебристый
И въ дальнія зори замкнется.

МЫСЛИ СЛОВАЦКАГО

Мы, русскіе, раньше, говоря о нашихъ поэтахъ, наиболѣе сильныхъ, почти неизмѣнно сопоставляли два имени — Пушкинъ и Лермонтовъ. За послѣдніе лѣтъ двадцать пять къ двумъ этимъ славнымъ именамъ, въ сопоставленіи, присоединились, какъ равноправныя, два благородныя имени — имена, не менѣе лучезарныя, чѣмъ тѣ прежнія звѣзды — Тютчевъ и Фетъ. Пушкинъ — Заря наша, Лермонтовъ — Комета, Тютчевъ — звѣздная Ночь, Фетъ — любовный Садъ, звонкая отъ птичьихъ пѣсенъ роща. Безъ этихъ четырехъ не быть нашему чувству свѣтлымъ, тонкимъ, утонченнымъ, музыкальнымъ. Они, какъ востокъ и западъ, какъ сѣверъ и югъ, четыре угла нашего поэтического Эдема.

Иные пѣвцы, старые и новые, намъ дороги. Ихъ перечислять, значить — называть драгоцѣнные камни, и благовонные цвѣты, называть свирѣльниковъ, трубачей, и играющихъ на могучемъ рогѣ, и виртуозовъ скрипки. Но я говорю сейчасъ о краугольномъ, и, такъ говоря, надо назвать Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета.

Подобно этому, если мы будемъ говорить о польской поэзіи, мы можемъ назвать много блестящихъ именъ. Выспянской, Каспровичъ, Пшибышевскій изъ позднѣйшихъ — имена звучныя. И найдутся у поляковъ имена, столь же драгоцѣнныя для нихъ, какъ для насъ имя Кольцова или Баратынскаго. Но, если

говорить о краеугольномъ, мы должны назвать троезвѣздіе — Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій.

Безъ «Дзядовъ» Мицкевича, «Лилли Венеды» и «Балладины» Словацкаго, и «Небожественной Комедіи» Красинскаго невозможно помыслить польскую душу. Безъ этихъ трехъ лучистыхъ звѣздъ нѣтъ сада съ польскими цвѣтами и мечтами.

Изъ трехъ геніальныхъ польскихъ поэтовъ мнѣ болѣе всего любъ нѣжный, изысканный, проникновенный, и умно-язвительный, и несравненно-музыкальный Словацкій, воплотившій въ своихъ драмахъ стрѣлометность и многогранность польской души.

Въ своей книгѣ «Три Драмы Словацкаго», изданной М. и С. Собашниковыми въ Москвѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я далъ русскій переводъ «Лилли Венеды», «Балладины», и «Геліона-Эоліона» (отрывки изъ «Самуэля Зборовскаго»). Есть другіе переводы Словацкаго, сдѣланные другими лицами. Но Словацкій не только драматургъ и не только лирикъ въ прозѣ и стихахъ, равнаго которому въ смыслѣ пѣвучести трудно найти среди самыхъ большихъ міровыхъ поэтовъ. Онъ также и мыслитель въ точномъ смыслѣ этого слова, и его «Fragmenty Filozoficzne» и «Notatki i zapiski w raptularzu», — весьма примѣчательны. Привожу нѣкоторые изъ этихъ философскихъ отрывковъ и замѣтокъ, занесенныхъ въ дневникъ. Они не только опредѣлительны по отношенію къ польской душѣ и къ генію Словацкаго, но, будучи безукоризненно изящными по формѣ, хранятъ въ себѣ и цѣнныя мысли, подобно тому,

какъ широкая волна океана не только звучить и переливается красками, но еще и выбрасываетъ, намъ на радость, краснорѣчивыя диковинки изъ морскихъ глубинъ.

Римъ городомъ былъ до конца — каждая деревня сегодня можетъ начать быть Польшей; что говорю... — человекъ одинъ можетъ это сдѣлать... ужъ сдѣлалъ.

Каждая революція, прежде чѣмъ выявиться въ тѣлѣ, должна напередъ обнаружиться въ духѣ. Итакъ, наибольшая перемѣна міра и дѣяніе наибольшее должны быть предупреждены революціей людского вѣдѣнія, установленіемъ на достовѣрныхъ законахъ — чувства людского, высвобожденіемъ и вѣдѣнія и чувства изъ-подъ вліянія мнѣнія или инстинкта.

Изъ словъ этихъ, что все черезъ духа и для духа сотворено, — а ничего не существуетъ для тѣлесной цѣли, — выйдетъ будущій творческій Божій народъ — вождь народовъ и законодатель.

Мысль эта есть духъ — по ея слѣдствіямъ узнаете ее — кто приметъ духа, будетъ расти, кто не приметъ, будетъ мельчать.

Не тяжесть грѣха, а недостатокъ полетнаго пламени любви удерживаетъ тебя на землѣ съ громадой тебѣ подобныхъ.

Черезъ чистоту добывается Божій огонь.

Я говорю тебѣ: вылечи въ горбатомъ горбатость духа. Ибо если только тѣло выпрямишь на крестѣ и желѣзномъ ложѣ — духъ этотъ избавится отъ выпрямленныхъ костей и другой разъ уродится горбатымъ; а ты будешь врачомъ, подобнымъ Аполлону, который изъ лука стрѣлялъ въ головы Писона и видѣлъ, какъ онѣ снова нарождаются въ большемъ количествѣ — пасти шипящей гадины. Тою гадиной передъ тобою является природа. — Подобно этому скажу тебѣ: ежели ты судья — вылечи отъ убійственной жажды тѣхъ духовъ, которыхъ за двери выталкиваешь, чтобы міру не вредили, ибо говорю тебѣ, что изъ-подъ гильотинъ летятъ эти клубки свѣтовъ и солнцъ червонныхъ — и разрываются на головахъ людей, уже занятыхъ мыслью убійственной... толкая къ преступленію Макбетовъ... въ дѣтяхъ макбетовыхъ родятся царями изъ татаръ — Иваны Грозные, изъ Ивановъ Грозныхъ — якобинцы, что изъ внутренностей женскихъ вырываютъ первые цвѣты и называютъ ихъ цвѣтами свободы.

Съ поля битвъ, гдѣ бились за свободу, тысячи возросшихъ духовъ — смертью захваченныхъ — шли снова облекаться въ тѣло и съ еще большимъ

презрѣніемъ къ смерти работать для мысли народной... Тамъ духи-рыцари, взаимно влюбленные, собрались въ тѣ стаи, которыми они и до сегодня прилетаютъ на землю... Тамъ духи поэтовъ создали тѣ волшебныя гирлянды, подобныя нынѣ пролетающимъ лебедямъ, которые разомъ являются, и, какъ будто колядуя, посѣщаютъ народы... въ каждомъ пропоютъ что-нибудь изъ духовныхъ тайнъ... въ каждомъ постигнуть духа и уродятъ ему будущее... Тамъ духи измыслили потребность въ памятникахъ... то-есть необходимость славы посмертной, которая иногда не есть глупость и людской недугъ, какъ возглашаютъ это съ амвона священники... а была только предчувствіемъ, въ духѣ творящимъ, работой духа, который по смерти — возжажданнымъ долженъ быть, чтобы вернулся для дополненія своей работы... и нынѣ будетъ съ вѣдѣніемъ совершаема она черезъ духовъ, исполняющихъ посланничество... Ибо если-бъ одинъ изъ такихъ великихъ духовъ меча или богатырь слова, Цезарь, напрімѣръ, или Дантъ, появились одни среди людей, занятыхъ иною мыслью — вмѣсто награды за прошлую работу, должны были бы чувствовать себя въ аду.

Поймите, что слово есть духъ — и все стало черезъ духа и для духа, и ничто не существуетъ для тѣлесной цѣли.

И вы — духи въ духѣ слова и сыны въ Сынѣ Божіемъ.

И это есть вѣра ваша и святая мысль ваша, которая васъ перемѣнитъ и черезъ васъ новый міръ создастъ и новые вѣка.

Наимудрѣйшій ничего вамъ противъ этого и ничего сверхъ повѣдать не можетъ — но въ уразумѣніи этихъ словъ есть знаніе и огромность и страшная ясность видящей вѣры, которая изъ одного духа выводитъ все твореніе.

И въ чувствѣ безсмертія духовъ нашихъ, которые были и суть и будутъ, указываетъ въ насъ лучистое царство Божіе, къ которому души наши ведетъ черезъ духа святой отчизны, въ конечной цѣли указуя побѣду духа надъ тѣломъ и смерть побѣжденную, и шаръ земной, лучистый въ разлитіи лучей — черезъ духа, что былъ альфой и будетъ омегой — началомъ и концомъ.

Заслуга ваша въ будущемъ не есть ни обширность странъ, которыя вы завоевали, ни богатство, ни длительность существованія между царствами — но духъ, выработанный на землѣ, между духами народовъ наисвятѣйшій и наичистѣйшій, который способенъ былъ въ святой страсти заняться пламенемъ восторга отъ моря до моря и единомысленно vybrать посреди своихъ наивысшій духъ царемъ своимъ и ему покориться, — черезъ любовь избранный...

Красота есть все, что ангелизируетъ вещество. Согласно Платону, благо-красота была тогда въ беспокойномъ тоскованіи душъ, то-есть,

была только подкрасотой, или pittoresque, живописностью, мглой, на которой знаніе живописуетъ красоту правды.

Быть, это — ощущеніе того, что можно не быть.

Великій человѣкъ тотъ, который наиболѣе имѣетъ прошлаго, сознаваемого въ духѣ, и наиболѣе будущаго, сотвореннаго духомъ и уже въ себѣ осуществленнаго... Данный мигъ есть какъ бы тѣло мотыльковое тѣхъ двухъ крыль... Психея.

Тотъ же самый духъ — въ камнѣ, въ растеніи, въ звѣрѣ, въ человѣкѣ.

Цѣль наша не есть только познаніе Бога, но и достиженіе Бога, черезъ духо-вещество... и затѣмъ дѣяніе духа.

Устроеніе духовъ, связь которыхъ образуетъ народъ, какъ бы схоже съ устроеніемъ растенія... самыя высокія вѣтви даютъ цвѣтъ и плодъ, — это духи, кончающіе посланничество (геніи).

Духъ розы — красота для красоты.

Смерть великихъ людей — погребальныя свѣчи.

О, какъ пусты тѣ, что приходятъ съ холодными сердцами на преніе. Приходите на преніе... а я

хотѣлъ бы, чтобы внутренно вы возродились и въ себѣ духомъ взнесеннымъ все нашли... Ибо, когда вознесъ я духъ, цѣлый годъ каждая былинка, каждый слизнякъ океанскій мнѣ дѣло духовное рассказывали... Ангельская роскошь духа въ чистомъ творествѣ...

Стройте цѣлый міръ для духа... и себя постройте сообразно съ духомъ, и безъ всякихъ тайныхъ связей и сговариваній встрѣтитесь въ одной мысли Божьей — подобные себѣ въ мудрости, слитые сердцами, обладая спокойностью ангеловъ и взнесенностью надъ тѣми, въ которыхъ наивысшая сила есть бѣшенство и которые предъ вами, Божьими, почувствуютъ себя укрощенными, какъ низшіе передъ вами звѣри... Въ спокойной силѣ и въ любви къ человѣчности, разлитой на людей, ищите опоры и права ваши берите рукою спокойной, хоть бы лежали они между тысячью молній.

Хоть бы ты не хотѣла, душа, Богъ исторгнетъ изъ тебя эту новую силу дѣйственную... И отъ вольныхъ давнихъ ликовъ твоихъ отступить твоему духу не позволить... дальше пойдешь...

Земля — какъ великое построение духа Божія, который впервые добываетъ ее черезъ скопленіе личнаго безсмертія.

Вѣтеръ научилъ я вѣдѣнью слова — и солнцу повелѣлъ обнести его по міру.

Вотъ тебѣ цѣль послѣдняя — работа духа, стремящаяся къ просвѣтлѣнію воздуха цѣлой земли. Къ этой цѣли идетъ твоя родина, все творчество духа святого къ той цѣли идетъ — всмотри же, взгляди въ то солнце послѣднее...

Выдыханіе растений, въ которыхъ духъ отбываетъ вступительное посланничество, выобразовывая начатки ангельскіе, припоминается намъ пріятно, и зовемъ мы его благово н і е м ъ. Выдыханіе растений, въ которыхъ духъ идетъ обратною дорогой, приближаясь къ гнили, мы зовемъ в о н ъ ю. Это есть припоминаніе духа нашего, есть единственная въ своемъ родѣ врожденная мысль благоуханія. Отсюда — личное пристрастіе къ тому или иному запаху.

Пьянственность, такъ же какъ огонь, который есть свѣтъ, изъ духа добытый, подѣ принужденіемъ тѣлеснымъ, — такая пьянственность есть пыль духа, освобожденнаго, благодаря разыгравшейся крови.

Лучи человѣческой мысли суть воздухъ для духовъ.

Кто былъ бы властенъ отвратить магнетическій токъ отъ какой-нибудь части міра, онъ создалъ бы голодъ, заразу и смерть.

Предъ этимъ люди завладѣютъ электрическою силой и будутъ владыками морей, сжигая корабли.

Зерно земли и каждый духъ, какъ лучъ, — чѣмъ выше надъ землей взнесется мыслию и чувствомъ, тѣмъ большимъ становится; когда же причастится Слова, святымъ становится и Сыномъ ужъ Божиимъ.

Съ той стороны смотрѣть на міръ, съ которой смотритъ Богъ, со стороны духа.

Фейерверкъ, музыка огневая.

Космогонія — огонь на землѣ; природа его — очищающаяся по мѣрѣ высоты. И такъ, уже мѣсяцъ есть блѣдное пламя, Меркурій — чище и живѣе, Венера — уже огонь живой, Солнце — совершенно чистое и вольное. Юпитеръ — самъ черезъ себя длящийся и спокойный, Сатурнъ — поглощенный звѣздами.

Поэты суть великіе откапыватели словъ духовъ — ибо хранятъ ихъ нашептанныя... и слова эти, въ риѣмъ примѣненные, имѣютъ силу откровенія, —

они звенять какимъ-то тайнымъ воспоминаемъ въ каждомъ духѣ.

Вся сила Мицкевича — въ этомъ откровеніи словъ. Иногда художникъ, превращаясь въ поэта, является въ словахъ создателемъ откровенія въ краскѣ... Музыкантъ, превращаясь въ поэта, находитъ, полныя откровенія, выраженія звуковыя. Послѣ великаго числа музыкантовъ, что нынѣ существуютъ, будетъ когда-нибудь великое число поэтическихъ гармонистовъ, пишущихъ стихи только для звука — и пойдутъ выше...

Изъ прошлаго мы имѣемъ силлогистическое творчество, изъ будущаго захватываемъ творчество догматическое.

Маргаритка — муравейникъ цвѣтовъ.

Поэтъ, что написалъ хорошее произведеніе и беспокоится о немъ, непохожъ на Божество, — ибо развѣ Богъ, сотворивши солнце, послалъ бы ангела освѣдомиться, что, смотреть ли уже на него люди.

Духъ въ атомѣ одинъ и страдаетъ, какъ единица, — но онъ страдаетъ также въ цѣлой громадѣ подобныхъ духовъ, когда эта громада утѣсна другой.

Есть духи, которые иногда идутъ противъ вѣтра, и пока борются, до тѣхъ поръ въ нихъ сила. Самое страшное для нихъ испытаніе — встрѣча съ долго неиспытаннымъ счастьемъ и отдыхомъ. — Часто тогда они сломаны.

Представить себѣ науки въ очертаніи огромнаго существа, которое живое и постоянно вырабатываетъ себя въ различныхъ частяхъ.

Когда Дантъ увидѣлъ созвѣздіе Креста въ южномъ полушаріи, тогда еще неоткрытомъ, это было въ немъ припоминаніе какой-то прежней жизни.

Духъ вывернуть наоборотъ въ деревѣ, голова котораго — на землѣ, и въ тваряхъ онъ медленно возносилъ ее, пока не поставилъ ее сполна къ небсамъ въ человѣкѣ.

Казиміръ Великій такое царство оставилъ Ядвигѣ, что могла имъ управлять взглядомъ и улыбкой.

Преступники, черезъ смертную казнь выгнанные за врата видимой жизни, возвращаются въ міръ еще болѣе страшными преступниками.

Родиться въ странѣ, гдѣ смотря на правленіе можно было бы любить Бога.

Монголы считаютъ за грѣхъ: бросить ножъ въ огонь, убить птицу, вылить молоко на землю.

Если у человѣка природа Саламандры, онъ одѣвается въ огнистый плащъ — воры, приманкой притянутые, крадутъ у него этотъ плащъ и пылаютъ въ немъ, — а онъ новый себѣ сдѣлаетъ.

О ДОСТОЕВСКОМЪ

Въ русскихъ народныхъ сказкахъ часто повторяется образъ страшной волшебницы, которая называется Баба-Яга. Обладающая тонкимъ обоняніемъ и способностью угадывать событія на разстояніи, Колдунья Яга можетъ носиться, какъ вѣтеръ, тамъ, гдѣ люди могутъ только ходить или бѣгать.

Она летаетъ въ желѣзной ступѣ, въ сосудѣ, въ которомъ раздробляютъ, измалываютъ вещество крушащимъ пестомъ. Она живетъ въ избушкѣ, стоящей на птичьихъ ножкахъ, на лапкахъ существа, одареннаго крыльями, и эта избушка, по заговорному слову ея, можетъ повертываться на Западъ, повертываться на Востокъ, смотрѣть своими оконцами въ любую сторону свѣта. А такъ какъ Яга и подчиненныя ей вѣдьмы питаются душами людей, она и служащія ей дѣлаются легкими, какъ души.

Если брать именно эти черты жуткой Волшебницы, увидѣнной загрезившимъ окомъ русскаго народа, я не могу не вспомнить одинъ изъ ликовъ безконечно-сложной многогранной личности того геніальнаго художника, чье имя — Достоевскій. Его тонкое чутье, неошибающееся чутье лѣснаго звѣря и лѣсной колдуньи, по малому, почти неуловимому, намеку пролетѣвшаго запаха, всегда приведетъ его на вѣрный слѣдъ. А по слѣду онъ пройдетъ безошибочно всю дорогу, пока не глянетъ прямо въ глаза тому, кого искалъ и всѣ свойства котораго

онъ разгадываетъ еще до того, какъ поставилъ лицо свое въ уровень съ лицомъ того, кто долженъ быть весь разоблаченъ въ его магическомъ зеркалѣ. Онъ можетъ, какъ вѣтеръ, летать тамъ, гдѣ другіе только ходятъ или бѣгають, спотыкаясь.

Взявъ вещество, онъ его дробить, сокрушаетъ, перемалываетъ до полного пресущевленія. И твердое зерно, въ волшебствѣ, дѣлается мельчайшей бѣлой пылью; въ ней играютъ радуги; изъ нея можно сдѣлать летучую воздушную завѣсу, и изъ нея можно сдѣлать подкрѣпляющій хлѣбъ каждаго дня, и по волѣ преобразителя вещества можно сдѣлать изъ нея дьявольскія рогульки для изступленнаго шабаша, и можно сдѣлать тѣ священныя знаменія, которыя возникаютъ въ самомъ высокомъ таинствѣ нашей религіи.

Онъ живетъ, этотъ чтецъ человѣческихъ душъ, не въ простомъ домѣ; его жилище можетъ произвольно поворачиваться въ любую сторону свѣта, чтобъ узнать до конца и ночную тайну и дневную тайну; его окна видятъ вещественное и, разсѣкая своимъ свѣтомъ вещественное, видятъ все сокровенное душъ, напрасно прячущихся въ извивныя и плещущія завѣсы вещества.

И онъ легокъ въ своей поступи, какъ душа, потому что онъ питается душами, вбираетъ въ себя все, что есть въ душахъ человѣческихъ.

Узнавъ самъ, много разъ, величайшую боль, величайшіе соблазны, самыя большія возможности и самую великую невозможность, видѣвшій смерть лицомъ къ лицу, когда молодость кричала въ немъ

и шептала всѣми своими голосами, онъ, стоявшій на эшафотѣ и считавшій секунды, отдѣляющія его отъ казни, явленной во всемъ ужасѣ, хотя и не пришедшей внѣшне, онъ, узнавшій чудовищный и священный недугъ, падучую, посланную Судьбой до него молніеносному пророку Аллаха, какъ страшный даръ, помогающій узнавать подземныя тайны и тайны верхней бездны, онъ, безъ вины томившійся годы на каторгѣ и знавшій тамъ радость принять отъ бѣдной дѣвочки копейку милостыни, — могъ ли онъ не знать, чтó есть въ душахъ человѣческихъ. Много разъ растоптанный Судьбой и узнавшій, что на остріяхъ боли такъ же играетъ радуга, какъ она, играя, стоитъ на горныхъ высяхъ свершившейся грозы, онъ, говорившій и съ Богомъ и съ Дьяволомъ въ полной мѣрѣ человѣческаго голоса, воистину питался душами и всѣмъ, что въ душахъ. Страшно-ли это? Вѣроятно, страшно. Но, какъ Бенвенуто Челлини, онъ могъ бы сказать, что онъ не знаетъ, какого цвѣта страхъ (*«io non conoscendo di che colore la paura si fusse»*). И нѣтъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, какого цвѣта страхъ. Но онъ не страшился быть тамъ, гдѣ страшно. Рокъ ему велѣлъ смотрѣть на Горгонъ, и онъ смотрѣлъ. Мы отъ него знаемъ, какъ шевелятся довременныя змѣи. Но самый неистовый художникъ Итальянскаго Возрожденія, создавшій героя, убивающаго красивое чудовище, былъ передъ этимъ смиреннымъ Достоевскимъ не больше, какъ ребенокъ. Ваятель Персея, по-дѣтски свершая свои элементарныя безчинства и злодѣйства, весело полагалъ, что ему все позволено. Достоевскій на-

черталъ огненными буквами эту Сатанинскую заповѣдь, вопреки его волѣ ставшую боевымъ кличемъ нашей извращенной дѣйствительности: «все позволено». Но онъ зналъ также, какъ зналъ много разъ видѣвшій смерть и на доскѣ проплывшій морскую бездну апостолъ Павелъ, что «все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною». Творчески прикасаясь къ змѣинымъ областямъ человѣческой души, Достоевскій всегда помнилъ то великое правило, которое дано русской поговоркой: «змѣю выше глазъ не поднимай». Онъ не дозволилъ змѣѣ верховодить надъ своимъ умомъ. Онъ не далъ ей возможности ужалить его въ глаза. Ходившій по умственнымъ остріямъ и въ значительной степени выпешій въ своей философіи Заратустры изъ Достоевскаго, Ницше неизбѣжно оборвался въ пропасть и впалъ въ роковое безуміе потому, что онъ поднималъ змѣю выше своихъ глазъ.

Имѣя ключъ бездны, Достоевскій умѣлъ ходить по краю пропасти. Онъ могъ бы справедливо опредѣлить себя яркой формулой, данной самымъ могучимъ художникомъ французской прозы, Бальзакомъ: «Нашъ духъ есть бездна, которой любы бездны» («Notre esprit est un abîme, qui se plaît dans les abîmes»). Но приближаться къ краю пропасти есть или праздное любопытство и недостойное занятіе, или слишкомъ опасное дѣло, потому что, кто заглядываетъ за срывный край, того зоветъ голосъ глубинъ и велитъ ему броситься внизъ. Тутъ нужно имѣть ключъ бездны. А онъ дается лишь тому, кто въ собственной своей душѣ носить весь объемъ верх-

ней звѣздной бездны. Оттого Достоевскому и не грозила та крайняя опасность, отъ которой предостерегаетъ испанскій мистикъ 17-го вѣка Кэведо, говоря: «Внутри собственнаго своего тѣла, сколь ни малымъ оно тебѣ кажется, странствуешь ты. И если не смотришь ты зорко, куда влекутъ себя собственные твои желанія, потеряешься въ этомъ маломъ вмѣстилищѣ навсегда», «para siempre».

Когда страшная Лѣсная Колдунья летитъ въ своей желѣзной ступѣ, подъ ея полетомъ бѣшенствуетъ буря, стонетъ лѣсъ, теряетъ рассудокъ и мечется скотина, вѣетъ смертоносное повѣтріе, проходитъ морь съ окровавленными руками и съ лицомъ, похожимъ на багровый мѣсяцъ, тонущій въ болотѣ. И кто увидитъ Ягу, становится нѣмъ. Не это-ли художническій путь Достоевскаго?

Онъ пишетъ романы, но это не романы, а жуткая, колдовская и пророческая лѣтопись. Каждый романъ — исполинское стихотвореніе въ семь строфъ по сто страницъ въ строфѣ, и всѣ семь смертныхъ грѣховъ пройдутъ по семи этимъ строфамъ и падутъ, растоптанные, пронзенные копьемъ святого Георгія. Люду человѣческихъ привидѣній соотвѣтствуетъ природа и обстановка городскихъ улицъ, откуда истребляюще вынуто все тѣлесное, такъ что самое реальное становится самымъ воздушнымъ и фантастическимъ въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ это мы видимъ, напримѣръ, на затянутыхъ дымкой картинахъ Тэрнера или въ дьявольскихъ видѣніяхъ Брэделя. Жители Мертваго Дома, каторжники, — дѣти, похожія на обиженныхъ ангеловъ, — сладо-

страстники, умъ которыхъ пляшетъ пляску, похожую на приступъ падучей, — подвижники, совершающіе земной поклонъ передъ убійцами, — убійцы, говорящіе надъ трупомъ о бытіи или небытіи Бога, — юродивые, говорящіе слова непреходящей цѣнности, — юноша, читающій звѣздную книгу, — влюбленные, убивающіе своихъ любимыхъ, ибо въ этихъ людяхъ любовь есть сумасшествіе, — бѣсы, принявшіе человѣческую личину и пытавшіеся погубить цѣлую страну еще полстолѣтія тому назадъ, и разрушившіе всю Россію нынѣ, и грозящіе всему стройному и живому на Землѣ, чего не можетъ, не хочетъ сознать и увидѣть слѣпая Европа. «Вы никогда не видали краснаго цвѣта, а я вамъ буду говорить о немъ», написалъ однажды въ своемъ дневникѣ Достоевскій. Онъ сдержалъ свое слово. И его слово — грозное предостереженіе. Не постоянная-ли это судьба всѣхъ прорицателей, къ безысходному горю тѣхъ, кто глухъ къ предвѣщаніямъ.

Человѣкъ, видѣвшій великія битвы и самъ принимавшій въ нихъ участіе, неспособенъ говорить малыя слова о большемъ и напрасно-большія слова о маломъ. Таковъ Достоевскій.

Человѣкъ, знавшій крайнюю бѣду и не сложенный своимъ предѣльнымъ несчастіемъ, о чемъ бы онъ ни началъ говорить, говорить какъ-то особенно, и душа его полна великой тишины, которая выразительнѣе всякихъ словъ. Таковъ Достоевскій.

Человѣкъ изъ племени, которое долго жило въ широкихъ степяхъ или въ пустыняхъ, говоря съ тобой, всегда смотритъ немного поверхъ тебя, какъ

бы сквозь тебя. Потому что онъ издавна привыкъ смотрѣть вдаль. Таковъ Достоевскій.

Были-ли предшественники у русскаго генія? Отдѣльные малыя зерна того, что у Достоевскаго есть пышная нива, отдѣльные сѣмена того, что у него дремучій лѣсъ, можно найти у романтическаго сказочника Гофмана съ его «Эликсиромъ Дьявола», и у геніальнаго Эдгарта По, съ его рассказами «Сердце-Изобличитель» и «Демонъ Извращенности». Но это такъ мало, что не стоитъ объ этомъ говорить. Нѣтъ, у него не было предшественниковъ, и ни раньше, ни позже не было равнаго въ искусствѣ чтенія душъ, какъ не было предшественниковъ у величайшаго изъ историческихъ народовъ, египтянъ. Развѣ Атланты, унесшіе свою тайну на дно Океана.

Если брать лучезарныя имена, съ однимъ только именемъ можно поставить въ уровень имя Достоевскаго. Одно явленіе на свѣтѣ польскаго генія Коперника означаетъ, что вся звѣздная наука, до него существовавшая, опрокинута безвозвратно, и люди приблизились къ небесной правдѣ. Одно явленіе на свѣтѣ Достоевскаго означаетъ, что всѣ прежніе пути художественнаго приближенія къ правдѣ душъ опрокинуты и указана совершенно новая дорога. Въ этомъ Достоевскій — одинъ, какъ одна надъ побѣжденной грозой стоитъ радуга. Рядомъ съ истинной радугой бываетъ иногда другая, но она призрачно-блѣдна и быстро таетъ.

Рождаясь изъ маленькихъ капель росы, изъ ползучихъ тумановъ, изъ гнетущей духоты, туча

доходить до лика жуткаго капища, и въ ней грозное празднество похоже на шабашъ веселящихся демоновъ. Но она кончается семицвѣтной радугой. А какъ говорятъ горцы Кавказа, много знающіе о грозѣ и пропастьяхъ и горныхъ вершинахъ, конецъ радуги всегда упирается въ такое мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ.

МАЛОЕ ПРИНОШЕНІЕ

Отдѣльные страны земли разъединены природой и людьми. Но есть міровая перекличка отъ страны къ странѣ. Одна другой даритъ свой красивый обычай, или вѣрную мысль, или слово пѣсни, или подвигъ, пробуждающій души, самыя разныя, или манитъ къ себѣ страна страну тѣмъ, что есть въ ней особенно широкая рѣка, особенно высокая гора, совершенно единственный особенный человѣкъ.

Индусскій поэтъ Калидаса четко сказалъ:

Великіе умы, какъ горныя вершины,
Горятъ издалека.

И такое дальнее горѣнье превращаетъ даль въ близь, связуя однимъ восхищеніемъ разныя страны, разныя души.

Къ числу такихъ горныхъ вершинъ, которыя не разъединяютъ, а связуютъ, и надъ которыми не властны время и пространство, принадлежит благовѣстникъ русской рѣчи, прозвучавшей во всемъ мірѣ, Левъ Толстой.

Страна къ странѣ посылаетъ въ вѣкахъ вѣстника, чтобы страны не одичали въ своей отъединенности, — такого глашатая, который говоритъ равно убѣдительно и своимъ роднымъ и всѣмъ чужимъ. Гексаметры Гомера не поютъ-ли до сихъ поръ и въ измѣненной Элладѣ, и въ блѣдной Норвегіи, и въ ученой Германіи, и въ неопытной творческой грезѣ

любого юноши, увидавшего во снѣ длиннопокрывную Елену?

И не читаетъ-ли «Донъ-Кихота» и русскій школьникъ, и судомойка въ Аргентинѣ, и надменный англичанинъ, полагающій, что лучше британскаго острова ничего нѣтъ на свѣтѣ, и мало что читающій житель Испаніи, той страны, которая не только подарила Сервантесу самый звучный языкъ, но и посадила его въ тюрьму?

И не научилъ-ли многому Левъ Толстой французовъ, хотя у нихъ есть Раблэ и Руссо, Паскаль, Бальзакъ, Вилье де Лиль, Адамъ и столько еще мыслителей и художниковъ слова?

Малый Васютка русской деревни, наклонившійся надъ сказкой «Чѣмъ люди живы», итальянская дѣвушка, съ бьющимся сердцемъ узнающая о судьбѣ Анны Карениной, русскій сектантъ, упорный старикъ, вникающій въ слова Толстого о правдѣ и неправдѣ жизни, японецъ, передѣлывающій на свой ладъ отягощенные гроздья цвѣтовъ и ягодъ, возникшія къ Ясной Полянѣ, индусскій браминъ, задумавшійся надъ мыслительными утвержденіями великаго русскаго старца, — не лучезарная-ли это побѣда извѣчнаго человѣческаго духа надъ коснымъ веществомъ, не высочайшая-ли это вершина такой горы, гдѣ у подножья ютятся селенія и дѣвушка, мечтая о юношѣ, срываетъ цвѣты, а выше пересѣкаются грозные изломы, и ужъ не могутъ туда долетѣть бабочки, развѣ прошуршатъ, бросая тѣнь, посѣдѣвшія крылья орла, а выше только снѣгъ и ледъ, а на самомъ верховномъ взнесеніи — первый свѣтъ

Солнца, когда въ долинахъ еще ночь, и — послѣднее замедленное зарево дневныхъ сіяній, когда давно уже въ равнинахъ ночь.

Народъ, создавшій Льва Толстого, какъ орелъ, смотритъ на Солнце прямо, не боясь ослѣпнуть. Черезъ Достоевскаго и Льва Толстого, и только черезъ нихъ двоихъ изъ всѣхъ европейскихъ художниковъ повѣствующаго слова, наше время посмотрѣло Богу въ глаза и сказало всему Земному Шару, что жизнь людей должна быть измѣнена по существу.

На островѣ Явѣ есть величайшій въ мірѣ Буддѣйскій храмъ Боро-Будуръ. Онъ давно полуразрушенъ землетрясеніемъ, этотъ исполинскій храмъ Бѣлыхъ Буддъ, изваянныя плиты котораго, если бы ихъ поставить вровень одну за другой, протянулись бы на версты. Но до сихъ поръ туда приходятъ вѣрные, и дышутъ воскуренія, и молитвенно брошенные лежатъ на камнѣ цвѣты.

Въ день памяти великаго русскаго, возлюбившаго любовь и самоотреченіе, — во имя новой жизни, которая не можетъ не расцвѣсть, — придя изъ темноты и уходя въ темноту, я оставляю на камнѣ эти три-четыре малые мои цвѣтка.

СТРАНИЦА ВОСПОМИНАНІЙ

У каждого читателя есть любимый писатель. У каждого писателя, у каждого поэта, какъ читателя, тоже есть любимый писатель. Говоря — писатель, я разумѣю художника слова, прозаическаго или поэтическаго, все равно.

Когда я думаю, кто мой любимый писатель, я чувствую, что ихъ много любимыхъ, а было въ теченіе жизни еще больше. Къ сколькимъ чувствуетъ вспоминающая мысль нѣжность и признательность! Если я попытаюсь возстановить рядъ любимыхъ отъ самаго ранняго дѣтства, я вспомню такъ: Народная пѣсня, Народная сказка, Никитинъ, Пушкинъ, «Ангель» Лермонтова, «Гадкій Утенокъ» Андерсена, Майнъ-Ридъ, Аксаковъ, Гоголь, Тургеневъ, Некрасовъ, снова Пушкинъ, весь Лермонтовъ, Фетъ, многократно Фетъ, Достоевскій, Шелли, Эдгаръ По.

О, я забылъ, и сколькихъ! «Фаустъ» Гете, «Манфредъ» Байрона, многія драмы Шекспира, отдѣльныя страницы Библии, финская «Калевала»... Всего не перечесть. И все это входило въ душу, чаровало, притягивало, внушало, сбрасывало съ души пелену темноты, много спутывающихъ пеленъ. И каждого такого любимаго вспоминаешь, какъ ласковаго освободителя, какъ родной голосъ, идущій въ самое сердце сердца.

Но сколько бы я ни пересчитывалъ именъ и книгъ, я не вижу въ этомъ моемъ списокѣ имени Льва

Толстого. Его имя всегда было окутано въ моемъ воспріятіи ощущеніемъ величія, но до встрѣчи съ этимъ великимъ человѣкомъ я никогда не предполагалъ, что именно его я буду вспоминать съ исключительной нѣжностью.

Я говорю о своемъ личномъ отношеніи къ Льву Толстому, и потому не могу не говорить о самомъ себѣ. Я пишу сейчасъ, какъ писалъ бы страницу дневника, а въ дневникѣ человѣкъ всегда говоритъ, поменьшей мѣрѣ, столько же о себѣ, сколько о томъ, о чемъ онъ хотѣлъ бы говорить. Это уже свойство всѣхъ дневниковъ.

Впервые я читалъ лѣтъ двѣнадцать «Три смерти». Мнѣ было холодно, и самыя страшныя повѣсти Гоголя не вызывали въ моей душѣ такого толчка отчужденія. Мнѣ показался враждебнымъ самый языкъ этого писателя. Въ немъ не было ни бѣшеной тройки степеней, ни мягкихъ серебряныхъ разливовъ Тургеневского слова.

Позднѣе я читалъ «Дѣтство и отрочество», но мнѣ запомнились не тѣ нѣжныя строки, которыхъ тамъ много, а изумительное описаніе ненависти. Въ ненавидимомъ непріятно и ненавистно все.

Позднѣе, лѣтъ пятнадцати, я съ товарищами по гимназіи, на незаконномъ гектографѣ, переписывалъ «Исповѣдь» Толстого, но, переписавъ нѣсколько страницъ, отказался отъ этой работы, ибо мнѣ показалось чуждымъ то, что я переписывалъ.

Еще позднѣе я прочелъ «Анну Каренину» и испыталъ мучительный восторгъ, но восторга меньше, чѣмъ мученія, неразрѣшаемаго и сомнѣвающагося.

Я считаю, что лучше, чѣмъ «Анна Каренина» и «Война и миръ», ни въ Россіи, ни въ Европѣ, не было написано романа. Но сердце мое не хочетъ возвращаться къ этой книгѣ.

Если я буду пересчитывать всѣ произведенія Толстого, я долженъ сказать, что «Крейцерову сонату» я прочелъ съ ненавистью. Все отношеніе Толстого къ любви, къ этой сказкѣ двухъ сердець, мнѣ чуждо. Но я не буду дѣлать перечень несчетныхъ поразительныхъ произведеній, изъ которыхъ каждое есть грань души единственной, грань многогранника.

Была минута въ моей жизни, когда не мое отношеніе къ той или иной повѣсти Толстого стало для меня главнымъ при чтеніи новаго его произведенія, а возможность заглянуть въ его душу и взволнованно подумать, какой же новый путь прошелъ этотъ особенный человѣкъ съ геніальными силами и исключительными возможностями достиженія. Быть можетъ, онъ приковалъ къ себѣ вниманіе юной души, этстъ овѣянный славой и окруженный зловоліемъ многихъ, именно тогда, когда онъ сдѣлалъ простое маленькое движеніе. Онъ сбросилъ съ себя барскій нарядъ и надѣлъ рабочую рубаху.

Да, это случилось именно тогда. Въ великомъ человѣкѣ все значительно. И эта замѣна одной одежды другой имѣла весь смыслъ постриженія, въ ней была полнота осужденія тому, чѣмъ еще живемъ, въ ней было знаменіе не пришедшей, но подходящей новой дѣйствительности.

Шли годы, и, высланный изъ Петербурга и

Москвы за прочтеніе передъ молодежью и рабочими стихотворенія противъ царя, я былъ въ Крыму и собирался уѣхать за границу. Это было осенью 1901 года. Я часто видѣлся въ Ялтѣ съ Чеховымъ, и однажды онъ предложилъ мнѣ и только что пріѣхавшему въ Ялту Горькому поѣхать въ Алупку, къ Льву Толстому. Я помню, какъ мы вошли въ комнату, гдѣ какъ будто никого не было. Вдругъ изъ угла, полускрытаго ширмами, раздался голосъ. Что онъ сказалъ?

«А, это вы!»

Восклищаніе.

Но, кто разъ слышалъ этотъ голосъ, тотъ не забудетъ его никогда. Такой голосъ можетъ быть у старца-отшельника, находящагося на грани святости. Такой голосъ можетъ быть у дѣда-пасѣчника, который знаетъ лишь солнце, тишину, цвѣты и золотыхъ пчелъ и настолько сроднился съ этимъ своимъ міромъ, что и люди ему кажутся не больше, какъ пчелами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой краткой встрѣчи, я былъ у Льва Николаевича одинъ и говорилъ съ нимъ наединѣ часа два; можетъ быть, одинъ лишь часъ. Не то сейчасъ хочется вспомнить, о чемъ былъ разговоръ, а то, что однимъ взглядомъ, однимъ простымъ вопросомъ Левъ Толстой умѣлъ, какъ исповѣдникъ, побудить къ полной правдѣ чужое сердце и заставить его мгновенно раскрыться. Видѣть это лицо, полное внутренняго свѣта, и не любить его — было нельзя. Слушать этотъ голосъ и не слышать

полной правды внутренняго зрѣнія — было невозможно.

И, когда передъ смертью, этотъ великій старецъ ушелъ изъ родного дома, и роднымъ ему сталъ вѣтеръ, вся любовь нѣсколькихъ мгновеній почувствовала полноту этой жажды правды, которая составляетъ сущность всего жизненнаго лика Толстого, еще недостаточно увидѣннаго временемъ.

ГЕНИИ ОХРАНЯЮЩІЕ

Въ каждомъ великомъ царствѣ есть хотя одинъ геній-охранитель его, и обыкновенно ихъ нѣсколько. Кто хочетъ понять великое царство и приблизиться къ нему, или даже войти въ него, тотъ долженъ раньше понять то духовное содержаніе, которое символизуется однимъ лучезарнымъ именемъ или нѣсколькими звѣздными именами геніевъ, охраняющихъ великое царство.

Имя генія-охранителя есть талисманъ, ключъ свода. Геніи, охраняющіе, это—царскія врата, зубцы башенъ, высокія окна изъ цѣльнаго стекла, цвѣтныя, но разоблачающія передъ достойнымъ тайну или часть тайны. Они—углы торжественнаго зданія, безъ которыхъ зданіе распалось бы, и которые могутъ быть точкой опоры для уставшаго и острой преградой для напраснаго лазутчика и врага.

У геніевъ-охранителей глаза мѣняють свое выраженіе каждую секунду, но кто хочетъ читать въ нихъ лишь благую легенду, тотъ можетъ читать ее безъ конца и, прочтя незабвенныя страницы, можетъ снова читать ее и видѣть, что отъ любовнаго прикосновенія внимательной души и эта душа и эта легенда становятся все звучнѣе и богаче. И если вошедшая въ великое царство новая душа, причастившаяся благой легенды, видитъ, что въ данный мигъ все въ царствѣ не такъ, какъ душа этого хо-

тѣла бы, геніи-охранители, однимъ своимъ присутствіемъ, священной дѣйствительностью своего существованія, ручаются, что великое царство за мигомъ паденія знаетъ торжество возрожденія, и нѣтъ ему гибели.

Каждый народъ имѣетъ своихъ охранителей. Не нужно говорить, какія числа составляютъ народъ и пересчитывать всѣ его свойства. Нужно только назвать два или три, или четыре имени, и ихъ звѣздный свѣтъ скажетъ, что этотъ народъ не умретъ и душа его дѣйствительна и благородна.

Кто хочетъ сказать Эллада, тотъ скажетъ Гомеръ и Эсхиль, Гераклитъ и Платонъ. Кто скажетъ Данте, Леонардо, Рафаэль, Микель Анджело, на того глянетъ не только золото и лазурь итальянской мечты, но и вся красота человѣческаго достоинства, вся гражданская мощь этой страны, чье имя такъ нѣжно. Кальдеронъ и Сервантесъ, Греко и Веласкесъ охраняютъ въ вѣкахъ Испанію много надежнѣе, чѣмъ ее охраняли войска всѣхъ испанскихъ королей. Два сладко шелестящіе имени, Шекспиръ и Шелли, говорятъ о томъ, что холодный народъ, любящій безъ конца завладѣвать колоніями, имѣетъ кромѣ этого сомнительнаго свойства и много добрыхъ качествъ и будетъ жить, когда историческое Завтра весьма уменьшить число этихъ владѣній.

Геніи-охранители великаго царства Россіи, временно переживающаго бурю и разорванность, многочисленны, но четыре имени особенно означительны и указующи въ наши дни крушенія стараго міра и стихійнаго приближенія новой эпохи. Два имени

мало извѣстны Европѣ, два — обошли не только всѣ страны Европы, но и весь земной шаръ. Эти имена — Достоевскій, Толстой, Врубель и Скрябинъ.

Каждое изъ этихъ именъ, по-своему, въ корнѣ опрокидываетъ старый міръ и зоветъ къ совершенно новому строительству. Врубеля, живопись котораго есть не только живопись, но и вдохновенное тайночтеніе человѣческой души, знаютъ тѣ изъ французовъ, которые интересуются русскимъ искусствомъ. Огненную музыку Скрябина, нашедшаго новые музыкальные пути, невѣдомые Вагнеру, ни высокимъ французскимъ композиторамъ, могла создать только душа, которая сжигаетъ цѣлый лѣсъ, чтобъ явить новое изумительное поле. Вліяніе Достоевскаго и Толстого на европейское художественное творчество уже многолѣтнее, и русла этихъ потоковъ широки.

Въ плѣнительномъ Оксфордѣ, гдѣ такъ волшебны старинные парки при колледжахъ, размѣрной походкой со мной проходилъ однажды подъ развѣсистыми вязами спокойный профессоръ, душою жившій въ древней Элладѣ и писавшій книгу объ Аристотелѣ. «Знаете ли,» — сказалъ онъ мнѣ, — «что только разъ въ жизни нѣкоторая книга не дала мнѣ спать цѣлую ночь и опрокинула все въ моей душѣ. Я однажды вечеромъ началъ читать «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго. Я не оторвался отъ романа, пока не кончилъ, и знаю, что другой такой книги не прочту».

Кто читалъ Достоевскаго и способенъ чувствовать и мыслить, тотъ знаетъ, что послѣ прочтенія

двухъ-трехъ его книгъ человѣческая душа видитъ новыя очертанія въ старыхъ предметахъ и совѣсть приобрѣтаетъ ту остроту, которая возникаетъ въ упорно оттачиваемомъ лезвіѣ. И самый блестящій поэтъ-философъ 19-го столѣтія, Ницше, этотъ жуткій и зоркій буревѣстникъ, сказалъ, что единственный писатель, у котораго онъ могъ чему-нибудь научиться, былъ — Достоевскій.

Толстому, изъ всѣхъ русскихъ славъ, досталась наибольшая слава, и это по праву. Какъ и Достоевскій, онъ силенъ необычно и сильнѣе всѣхъ европейскихъ сверстниковъ, потому что онъ не только писатель, а геніальнаго размаха человѣкъ, всей душой переживавшій тѣ художественныя слова, которыя онъ говорилъ. Каждая его повѣсть, каждая его страница есть новый шагъ его души, такъ же востосковавшей о новомъ и отвергнувшей старое, какъ природа зимою тоскуетъ вьюгой и мятелью о весеннихъ цвѣтахъ и силою этой лдяной снѣжной воющей тоски неизбѣжно создаетъ тепло весны.

Въ 1857-мъ году, т. е., когда Толстой былъ еще почти юношей, въ пламенной повѣсти «Люцернъ» онъ записываетъ:

«Седьмого іюля 1857-го года, въ Люцернѣ, передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего, и многіе смѣялись надъ нимъ».

Толстой рассказываетъ, какъ онъ обласкалъ нищаго тирольца, и, скандализируя надменную челядь отеля, ввелъ музыканта въ пышную залу и сталъ угощать его шампанскимъ, по сосѣдству съ богатой четой англичанъ. Англичанинъ, оскорбленный, всталъ и ушелъ съ своей женой прочь. Молодой Толстой спрашиваетъ:

«Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затасканное платье пѣвца, съ злобой убѣждалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему милліонной доли своего состоянія и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой покойной комнатѣ, спокойно судить о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства, — или маленький пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой (занищенство), съ франкомъ въ карманѣ, ходитъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали?..»

Этотъ съ юношеской остротой поставленный вопросъ былъ пламенемъ въ душѣ великаго русскаго генія въ теченіе всей его жизни и сдѣлалъ все его творчество такимъ значительнымъ, всю его личность такой вѣщей. Старый міръ не захотѣлъ разслышать достаточно внимательно его голосъ. И тотъ пожаръ, который могъ быть предупрежденъ, сталъ міровымъ. Пожаръ можетъ быть окопанъ, можетъ — распространяться.

Пѣсня бродячаго Тирольца должна быть услышана не только лѣнливымъ слухомъ, но и благими сердцами. Она умѣетъ быть кроткой, эта пѣсня тирольца, какъ щебетаніе ласточки, какъ воркованіе

горлицы. Она можетъ также стать грозной, какъ свистъ разрушающаго вѣтра, какъ гулъ урагана, который безумствуетъ въ томъ великомъ царствѣ, гдѣ сейчасъ пожаръ.

ЗЕМЛЯ СМЕРТИ

Поэзія, въ истинно-творческія свои мгновенія, имѣетъ даръ говорить проникновенныя слова. Эти слова, рисуя картину, придаютъ ей свойства много-повторной значительности. То, что было выразительнымъ въ свою эпоху и въ своемъ мѣстѣ, дѣлается живымъ и яркимъ въ другой странѣ и въ иной историческій часъ. Укоризна, направленная къ давно ушедшему, направляется мѣткимъ и ранящимъ остріемъ къ нынѣ живущему. Предвѣщаніе, высказанное грядущему, которое уже давно стало прошлымъ, примѣнимо къ нашему настоящему.

Таковы многія изъ словъ, сказанныхъ пророками. Черезъ дали временъ и перенесенныя въ обстановку совсѣмъ иного мѣста, они звучатъ намъ какъ голосъ сегодняшняго дня, какъ взволнованный вскрикъ текущаго часа.

Развѣ не о насъ говорилъ Амосъ, пастухъ, смиренно утверждавшій: «Я не пророкъ и не сынъ пророка; я былъ пастухъ и собиралъ сикоморы. — Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ мнѣ: «Иди, пророчествуй...» И вѣдь это онъ сказалъ: «Вотъ, Я придавлю васъ, какъ давить колесница, нагруженная снопами... За то и далъ я вамъ голые зубы во всѣхъ городахъ вашихъ и недостатокъ хлѣба во всѣхъ селеніяхъ вашихъ... Ибо злое это время...»

Какія сегодняшнія эти грозныя слова.

И развѣ не странно похожи на нашу дѣйствительность слова пророка Исая: «Какъ сдѣлалась блудницею вѣрная столица! Правда обитала въ ней, а теперь — убійцы... Серебро твое стало изгарью... Князья твои законопреступники и сообщники воровъ... И будетъ вмѣсто благовонія — зловоніе, и вмѣсто широкой епанчи — узкое вретище, вмѣсто красоты — клеймо...»

Къ разряду такихъ вдохновенныхъ словъ, — чья значительность художественная краснорѣчиво многообразна и совпадаетъ пронзительнымъ своимъ смысломъ съ перепутанной сѣтью условій не одного только времени и не одного только мѣста, — принадлежитъ поразительная по силѣ трагическая пѣснь современнаго итальянскаго поэта, Анджьоло Орвіэто, въ книгѣ, изданной въ Миланѣ, въ 1902-мъ году «Verso l'Oriente», «Къ Востоку». Она была написана въ примѣненіи къ голодающей Индіи. Но каждый русскій, въ комъ бьется человѣческое сердце, — я хотѣлъ бы добавить, каждый европеецъ, въ которомъ можно подозрѣвать присутствіе человѣческаго сердца, — не можетъ не почувствовать, какъ много въ этихъ стрѣлометныхъ строкахъ — нашего злого часа, нашего текущаго дня.

ЗЕМЛЯ СМЕРТИ

(Анджоло Орвіато)

Неумолимы Солнце и созвѣздья
На небѣ, не смягченномъ облаками,
Угрюмо поглощенномъ только зноемъ
Безъ примиренья. Тщетно къ небесамъ
Земля раскрыла сотни ртовъ сожженныхъ
И тысячи воспламененныхъ устъ,
Въ горячкѣ распростертая и въ бредѣ.
Все небо ясной ночью — только звѣзды,
Обширная волнообразность звѣздъ,
А днемъ — потокъ пылающаго Солица.
Могила — плодородная Земля
Для всѣхъ своихъ зародышей несчетныхъ.
И если вѣтеръ до нея коснется,
По нивамъ онъ не устремить приливъ,
Содружественный съ мощнымъ ладомъ Моря.
Одни, отъ долгой пыли побѣлѣвъ,
Застыло-строга всходятъ къ небу пальмы,
Какъ-будто осыпъ бѣглыхъ звѣздъ своихъ
Безгласно вознося къ тѣмъ вѣчнымъ сестрамъ,
И въ зноѣ нестерпимомъ, какъ стада
Разсѣявшихся буйволовъ, блуждаютъ
Толпы людскія, привидѣнья-жертвы
Сѣдающаго голода. О, пальмы,
Дозорные прозрачной высоты,
Такъ это правда, что блуждаютъ старцы

Иссохшіе, чья борода спадаетъ
По темной груди, — женщины-скелеты,
И дѣти, что, какъ вѣточки подъ вѣтромъ,
Гонимы острымъ голодомъ, блуждаютъ
По пустырямъ и черезъ силу рвутъ
Какой-нибудь изсохшій желтый стебель,
Сожженный Солнцемъ, изъ песку исторгнуть
Коренья захирѣвшіе, чтобъ жадно
Зубами изглодать? Такъ это правда,
Что, если кто изъ воющаго стада
Падетъ безсильный въ тяжкомъ забытіи,
Подъ яснымъ небомъ коршуны сберутся
И вороны, — толпой придутъ шакалы,
Въ ночи горячей, съ звѣздами безъ сердца,
Съ пылающими звѣздами Креста?
О, сколько дымныхъ тамъ костровъ пылаетъ,
О, сколько человѣческихъ огней
На шири обездоленной равнины.
Дымъ ѣдкій, запахъ терпкій подлѣ васъ.
О, пальмы, стражи въ воздухѣ прозрачномъ,
И въ дымѣ стоны, стонамъ нѣтъ конца.
А Гангъ священный мчитъ свой токъ прозрачный,
Чрезъ землю мертвыхъ въ Море, унося
И прахъ костровъ и то, что не сгорѣло
До истребленья въ гложащемъ огнѣ.
Какъ маленькія лодочки на влагѣ,
Кружатся обгорѣлые останки
Подъ небомъ красной мѣди, къ Океану;
Надъ ними племя вороновъ чернѣетъ,
И коршуны стремятъ кривой свой клювъ.
Нѣжнѣйшій странникъ, Шелли, сердце-пламень,

Зажженное надъ синими волнами,
Такъ значить былъ напрасенъ твой напѣвъ,
И ты напрасно, цвѣтъ безсмертно-юный,
Въ священныхъ вспѣвахъ разбросалъ любовь,
Благоуханье вѣчно молодое?
Изъ Индіи нажимъ прорвался смерти,
Изъ той земли, гдѣ царствуютъ твои,
Съ другимъ нисходитъ токомъ онъ попутнымъ,
Съ другой рѣкой, широкою, какъ Гангъ,
Токъ золота, котораго хватило-бъ,
Чтобъ это истребленье обуздать
И милліонамъ тѣхъ, что умирають,
Дать жизнь. Но смерть даютъ, того желая.
Вотъ почему и буры жертва смерти,
И жертвы смерти — сонмы краснокожихъ.
Владычествовать — глупое желанье —
Римъ затѣненъ, Наполеонъ погашенъ.
Ты, божескій, смири ту злую хотъ,
Заставь на мигъ притихнуть Лондонъ пьяный.
Вся Индія — безмѣрное рыданье,
Хоръ плача, умиранье, море мертвыхъ.
Я видѣлъ ихъ, по лѣстницамъ широкимъ
Сходящихъ къ Гангу, женщинъ Бенареса,
Твоихъ волшебницъ, Индія, святыня.
Съ рѣсницами чернѣйшими, съ очами
Глубокими, что пламенны и кротки,
Высокія и стройныя, сполна
Окутаны въ покровъ, какъ въ дни Эллады,
Торжественныя, ясныя, рядами
По лѣстницамъ широкимъ нисходили
Тѣ женщины, на головѣ неся

Кувшинъ изъ бронзы въ отсвѣтахъ скользящихъ,
Держа его съ изяществомъ верховнымъ.
И вотъ, межъ этихъ отсвѣтовъ металла
И блеска глазъ, подъ небомъ, полнымъ свѣтовъ,
Вдругъ, надъ кувшиномъ той, что всѣхъ красивѣй,
Легко запрыгалъ черный-черный воронъ.
Текучій Гангъ, ты видишь все въ пробѣгѣ,
Скажи, въ какой изъ хижинъ угасаетъ
Красивая? Иль подъ какою пальмой
Она, скелетъ бродячій, тщетно бродить,
О горсти зеренъ, о плодѣ убогомъ
Напрасно просить, тщетно умоляя
Глазами — а глаза ея какіе!
Смотри, британецъ, посмотри и видь!
Къ тебѣ глядятъ въ пустыняхъ безконечныхъ
Внимательные милліоны глазъ,
Сіяя напряженно крайнимъ блескомъ,
Дрожать и умираютъ звѣзды неба.
И милліоны рукъ къ тебѣ простерты,
Такихъ же рукъ, какъ твоего отца,
Твоей жены, твоихъ дѣтей. Подумай,
Быть можетъ, ты въ свой самый крайній часъ
Увидишь тѣ чудовищныя руки,
Всѣ эти руки, что къ тебѣ простерты,
Какъ туча безконечная въ великомъ
Смятеніи межъ землей и Солнцемъ въ небѣ,
Межъ Солнцемъ и тобой!

ОГНЕННЫЕ ЛЕПЕСТКИ

Когда съ человѣкомъ, который дорогъ, случится несчастье, только тогда вполнѣ чувствуешь, какъ онъ тебѣ дорогъ. То, что его любишь, — знаешь всегда. Но несчастье бросаетъ особый рѣзкій свѣтъ, и въ этомъ жуткомъ свѣтѣ впервые то, что было видно раньше, становится явнымъ вдвойнѣ и особенно.

Вся Японія для меня, съ тѣхъ поръ какъ я ее узналъ, одинъ дорогой человѣкъ, живущій въ красивомъ саду, гдѣ и мнѣ было дано грезить, въ изысканномъ необычномъ саду, который былъ созданъ этимъ человѣкомъ, около трудового поля, имъ воздѣланнаго, близъ высокаго лѣса криптомерій, имъ выхоленнаго, подъ гармонической горой, имъ обожествленной, около буддійскаго храма, полнаго рѣзныхъ чертоговъ, овѣяннаго тихимъ гудомъ колоколовъ, оживленнаго молитвеннымъ шорохомъ, и шопотомъ, и ровнымъ гуломъ, напоминающимъ молитвенно-трудолюбивый улей.

Много излюбленныхъ судьбою я видѣлъ благословенныхъ уголковъ земли. Много разъ, въ путяхъ, я былъ счастливъ на далекихъ живописныхъ островахъ Океаніи или въ горномъ уютѣ солнечныхъ странъ. Но нигдѣ я не испыталъ того, что въ Японіи. Нѣсколько недѣль счастья, въ рамѣ сказочной красоты, и ни одной минуты испорченной, ни единого мгновенья, чѣмъ-нибудь затемненнаго. Ниппонъ,

Корень Солнца, умѣть быть такимъ. Древо Солнца, въ корнѣ своемъ, ростеть изъ чистаго золота.

Солнечный островъ — одна Жемчужная Раковина.

Мнѣ памятенъ любимый небомъ край.
Жемчужною онъ раковиной въ морѣ
Возникъ давно, и волны въ долгомъ хорѣ
Ему поютъ: «Живи. Не умирай».
Живи. Свѣтись. Цвѣти. Люби. Играй.
Ты вѣрнымъ сердцемъ съ Солнцемъ въ договорѣ.
Тебя хранить, весь въ боевомъ уборѣ,
Влюбленный въ Корень Солнца самурай.
Весь островъ, какъ узоръ живого храма.
Внесенный ирисъ, какъ свѣтильникъ, нѣмъ.
Какъ слово пѣсни — чаша хризантемъ,
Окно въ просторъ. Въ немъ золотая рама.
Поля. Сады. Холмы. И надо всѣмъ
Напѣвъ тончайшихъ линий, Фуджи-Яма.

Такъ говорилъ я, годъ тому назадъ, посылая привѣтъ своимъ японскимъ друзьямъ въ Токио.

Но многоцвѣтная, многовѣковая сказка Солнечнаго острова развернулась на полосѣ земли, которая служить тонкой крышей въ дворцѣ подземнаго Огня. Колыхнулось слишкомъ сильно это скрытое пламя, никогда не успокаивающееся. Разломился трудъ миллионовъ заботливыхъ рукъ. Погибли несосчитанные тысячи жизней. Подземный Огонь напалъ на любимцевъ Солнца.

Живы ли мои друзья, преданной любовью любящіе Россію? Живы ли вы, Нобори Сіому, Айка Осэ, Нобура Катаками?

Я знаю, что жители Японіи, любящіе праздникъ и знающіе цѣну буднямъ, по свойствамъ своего

исторически испытанного нрава, никогда не потеряют присутствія духа, при самых жестоких испытаніяхъ судьбы.

Есть старинное японское преданіе. Знатный воитель, съ соколомъ на рукѣ, охотился въ окрестностяхъ Янаки. Онъ шелъ пѣшкомъ и смотрѣлъ туда-сюда. Видитъ храмъ, вошелъ въ его ограду. Въ тотъ часъ, бонза того храма, старецъ восьмидесяти лѣтъ, прививалъ отводокъ къ плодovому дереву. Дряхлыя руки, съ кожей, изборожденной солнцемъ и вѣтрами, днями и ночами, десятилѣтіями и мыслями, не кончающими свою пряжу въ старой головѣ, держали юный-юный отпрыскъ. Свита воителя отстала, и никого не было около него. Даже и не глянуль на него старецъ, продолжая свою работу. И забавнымъ онъ показался знатному воителю. «Что ты дѣлаешь, бонза?» спросилъ онъ его. Холодно отвѣтилъ старецъ, удивленный этой безцеремонностью: «Прививаю отводокъ». Улыбнулся воитель и говорить: «Въ твоёмъ ли возрастѣ это дѣлать? Вѣдь ты же не знаешь, доживешь ли ты до того, какъ это дерево расцвѣтетъ». «Кто ты?» отвѣтилъ старый бонза: «ты, говорящій такъ поверхностно и безъ глубины? Подумай же. Эти деревья взростутъ для тѣхъ, кто мнѣ наслѣдуетъ. Здѣсь встанетъ не садъ, а цѣлый лѣсъ, и раскинетъ свою тѣнь надъ храмомъ. Для храма дѣлаю я то, что дѣлаю, не для себя». «Истинно слово твое», сказалъ воитель, «и вѣрно оно въ совершенствѣ». А когда пришла свита знатнаго воителя, красуясь его гербами, онъ принесъ почетные дары хранителю

храма, видѣвшему восемьдесятъ весень и восемьдесятъ зимъ. Такъ рассказываетъ это преданіе, родившійся въ Янакѣ, Муро Кіусо, онъ, что жилъ въ деревенскомъ домикѣ, прозывавшемся Голубиное Гнѣздо. И, окончивъ свой сказъ, онъ прибавлялъ: «Поймите хорошенько мое сердце и стройте такъ».

Я раскрываю древнюю Книгу Поэтовъ Ниппона, и вотъ что приходитъ мнѣ въ голову. Когда съ дорогимъ человѣкомъ случилось несчастье и ему тяжело, нужно быть съ нимъ и нужно молчать, потому что никакое слово не скажетъ въ бѣдѣ того, что исчерпало бы эту бѣду. А если нельзя съ нимъ быть, нужно добросить до него нѣсколько такихъ словъ, которыя онъ любить. И мнѣ хочется попытаться передать по-русски нѣсколько пятистрочій разныхъ поэтовъ, которыя издавна любимы на Солнечномъ островѣ.

Если взять нѣсколько бѣлыхъ розъ, найти утонченный одухотворенный огонь алаго цвѣта и обрызгать этимъ пламенемъ бѣлыя розы, — концы лепестковъ ихъ будутъ обожжены, бѣлые лепестки будутъ казаться обрызганными алой кровью. Такія бѣлыя розы есть въ дѣйствительности. Но японскія танки, полетныя пятистишія, легче ихъ и воздушнѣе. Вѣка и вѣка японское сердце, мужское и женское, училось, въ зрѣлищахъ красоты и въ великой борьбѣ, отбрасывать ненужное, начиная пѣвучую повѣсть сердца, которая есть стихъ. Трудно состязаться съ тѣмъ, кто вѣка научался играть былинками, какъ музыкальными струнами, и въ десять словъ пяти строкъ влагать, намеками и утонченіемъ,

мѣтко схваченную картину и выразительно сказанный связный сказъ. Мои русскія строки будутъ тяжелѣе щебечущихъ японскихъ строкъ, которыя улетаютъ, какъ стая птицъ, улетаютъ, какъ золотые листья въ сентябрьскомъ воздухѣ, уплываютъ легко, какъ рыбки, ускользаютъ, какъ дальнія облачка въ синевѣ, какъ отраженія цвѣтка въ водѣ.

Буннiя Но Ясухидэ. (8-й в.)

Въ дыханьи горномъ
На всѣхъ деревьяхъ
Заржавѣль листь.
Зовется Бурей
Дыханье горъ.

Оно Но Комачи. (9-й в.)

Вся краска цвѣтка,
Потускнѣвъ, поблѣднѣла,
Пока я глядѣла,
Какъ ликъ мой проходить
Межъ ликовъ земныхъ.

Цурайюки. (9-й в.)

Сердцу-ль человѣка,
Послѣ мглы разлуки,
Вспомнить человѣка?
Но цвѣты все тѣ же,
Дышутъ такъ, какъ прежде.

Минамото Но Шигеюки. (10-й в.)

Какъ волны, что бьются
Подъ вѣтромъ о скалы,
Одинъ,
Я схваченъ печалью,
Въ тоскѣ.

Фудживара Кинто. (11-й в.)

Шумъ водопада
Въ далекой дали
Умолкъ давно.
Но свѣточъ-имя,
Слѣжу, плыветь.

Императоръ Сутоку. (12-й в.)

Пороги въ пѣнѣ,
Потокъ скалою
Разъединенъ.
Соединится —
Вотъ мысль моя.

Цунэнага Асонъ. (13-й в.)

Хотя я только
Слуга смиренный,
Но я хочу,
Чтобъ шла до неба
Моя дорога.

Фудживара Нобуйоши. (14-й в.)

Оставить въ мірѣ
Хоть листь словесный,
Мой знакъ чуть-чуть,
Какъ листь бамбука,
Глядящій въ прудъ.

Муро Кіусо. (17-й в.)

Съ однимъ и тѣмъ же, —
Я знаю, — сердцемъ
Сосна вѣковъ
И цвѣтъ минутный,
Вьюнокъ, ликъ утра.

Джипенниша Икку. (18—19-й в.)

Разлука съ жизнью.
Немножко дыма
Отъ фиміама.
Немножко пепла.
Земля, прощай.

Вотъ я сплелъ, какъ умѣлъ, цвѣточную перевязь изъ цвѣтовъ, выросшихъ въ далекихъ садахъ, и бросаю ее въ голубую Атлантику. Пусть доплыветъ она до синезеленыхъ громадъ Тихаго океана. Какъ малый даръ, самомалѣйшій, пусть достигнетъ она до Солнечнаго острова, который не погибнетъ никогда, ибо, если возстаютъ на него иногда духи подземнаго Огня, за него и надъ нимъ всегда ликъ Солнца.

КЪ МОЛОДЫМЪ ПОЭТАМЪ

Ко мнѣ часто приходятъ гости, съ которыми я не знаю, что дѣлать. Юноша, молодой поэтъ, дѣвушка, молодая поэтесса. Придутъ и спрашиваютъ, есть-ли у нихъ талантъ и надо-ли печатать то, что они пишутъ. Дѣвушки обыкновенно скромны и застѣнчивы, и нерѣдко у нихъ есть проблескъ дарованія. Юноши обычно самолюбивы и развязны, и въ девяти случаяхъ изъ десяти они совершенно бездарны.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ никогда меня никто не спрашивалъ, есть-ли у него талантъ. На самомъ дѣлѣ, вѣдь глупо спрашивать кого-либо другого, умёнъ я или нѣтъ. Каждый это пусть самъ знаетъ про себя. Не болѣе находчиво и спрашивать, есть у меня талантъ или нѣтъ. Творчество есть нѣчто глубоко-интимное, внутреннее, личное. Кто полюбилъ, тотъ не будетъ спрашивать, любить-ли онъ. Его собственное сердце настойчиво твердитъ ему: «люблю». И поэтъ, когда онъ чувствуетъ въ себѣ творческій даръ, самъ отлично знаетъ: «я—поэтъ». Если я полюбилъ, я смѣло пойду туда, куда меня зоветъ любовь, и, если трудно достичь любимой, я не буду спрашивать у старшихъ, какъ мнѣ ее достичь.

Вопросъ: «печататься-ли мнѣ?» равносильнъ вопросу: «жениться-ли мнѣ? выходить-ли замужъ?» Опять-таки, кто полюбилъ воистину, не будетъ объ

этомъ робко спрашивать папу и маму, а съ спокойной и глубокой твердостью заявить отцу и матери, или нѣжно сообщить имъ, что совершилось великое таинство сердца, и никакая сила не должна и не можетъ разлучать двухъ любящихъ любимыхъ.

Затѣмъ, если предположить, что я могу въ точности рассмотреть, есть-ли даръ въ такомъ-то начинающемъ писателѣ, какой смыслъ въ томъ или иномъ моемъ приговорѣ? Если я скажу: «есть, пишите», это будетъ лишь тавтологія, ибо талантливый человѣкъ все равно не можетъ не выразить свой талантъ. Если я скажу: «нѣтъ таланта, не пишите», бездарный человѣкъ, чего-либо захотѣвшій, еще упряме, нежели человѣкъ талантливый, и, конечно, онъ меня не послушается, и будетъ писать еще азартнѣе.

Но кромѣ того, какъ же я могу въ точности рассмотреть, есть здѣсь талантъ или нѣтъ. Одинъ начинаетъ блѣдно, а изъ него выходитъ мастеръ исключительный: примѣръ тому — Тургеневъ. Другой начинаетъ блестяще, а изъ него ровно ничего не выходитъ; примѣровъ тому неисчислимое множество такъ называемыхъ гениальныхъ дѣтей и подростковъ, изъ которыхъ образуются тщеславныя тупицы съ вывихнутымъ мозгомъ. И если талантливому юношѣ я ошибочно скажу: «таланта нѣтъ», я только причиню ему боль напрасную. И если я ошибкой скажу бездарному: «есть талантъ», — я только поощрю безбожное посягательство на красоту божескаго слова.

Это все — какъ въ сказкѣ: «направо пойдешь — чести лишишься, налѣво пойдешь — коня поте-

ряешь, а прямо пойдешь — и съ тебя голову снимуть.»

Нѣтъ, ужъ пусть лучше буду я самъ знать свою душу, свой талантъ, свое творчество, свою любовь. А другой въ этомъ никто не указка.

Я могу, однако, высказывать общія мысли о томъ, что такое творчество вообще, и какъ творить и работаетъ истинный поэтъ, какъ растетъ и расцвѣтаетъ веселящій душу цвѣтокъ.

Поэтъ — стихія. Ему любо принимать разнообразнѣйшіе лики, и въ каждомъ ликѣ онъ самостождествененъ. Онъ льнетъ любовно ко всему, и все входитъ въ его душу, какъ солнце, влага и воздухъ входятъ въ растеніе. Поэтъ — облако, птица, звенящая мошка. Поэтъ — море, вѣтеръ, цвѣтокъ и звѣзда. Поэтъ — малое дитятко, влюбленный юноша, празднующій свою весну, задумавшійся о вѣчности старецъ, дервишъ, объятый бѣшеной пляской, задымленный кузнецъ, ударяющій молотомъ. Поэтъ есть голосъ временъ, онъ — послушное орудіе міровыхъ свершеній, онъ росинка, которой радостно напоить подорожникъ, онъ свирѣль, безъ которой нельзя любить красиво, онъ боевая труба, подъ звуки которой весело идутъ на смерть.

Ликъ поэта разнообразенъ, многообразенъ до безконечности. Но какъ ни много въ лицѣ поэта чертъ, въ этомъ многообразіи есть свои пробѣлы. Нѣкоторыхъ чертъ въ поэтѣ никогда не бываетъ. Такъ, поэтъ измѣнчивъ, онъ измѣнчивѣй морской волны и дрожащей паутинки, но никогда поэтъ не былъ измѣнникомъ. Измѣна, измѣнничество, низость

предательства несомѣстимы съ достоинствомъ поэта, и я не знаю въ исторіи ни одного поэта, который бы предалъ свою родину. Можетъ быть, если бѣ темные ряды предателей знали это и были бы способны воспринимать касаніе поэзіи, многихъ историческихъ низостей не совершилось бы.

И еще нѣтъ нѣкоторыхъ чертъ въ ликѣ поэта. Сколько свойствъ ни вмѣщаетъ въ себѣ поэтъ, онъ не вмѣщаетъ въ себѣ страха, и ему незнакома трусость. Пушкинъ и Лермонтовъ не боялись стать подъ пулю, когда имъ показалось, что такъ должно. И Шелли безъ страха утонулъ въ морѣ. И лордъ Байронъ не боялся умереть на полѣ битвы, сражаясь за независимость Эллады.

Поэтъ открытъ душою міру, а міръ нашъ — солнечный, въ немъ вѣчно свершается праздникъ труда и творчества, каждый мигъ создается солнечная пряжа, — и кто открытъ міру, тотъ, всматриваясь внимательно вокругъ себя въ безчисленныя жизни, въ несчетныя сочетанія линій и красокъ, всегда будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи солнечныя нити и сумѣетъ соткать золотые и серебряные ковры.

Поэтъ — облако. Но да вспомнить, кто хочетъ это понять, какъ создается облако, сколько малыхъ капель сочетаются въ долгой работѣ своимъ воздушнымъ дыханіемъ, прежде чѣмъ мы увидимъ бѣлое руно, которое посѣрѣетъ, и потемнѣетъ, и отяжелѣетъ, и раскинется чудовищемъ, чтобъ затѣмъ заиграла алая молнія и въ музыкѣ грома возникла серебряная пляска дождя.

Поэтъ — цвѣтокъ. Но сколько подземныхъ минутъ знаютъ корни растенія, прежде чѣмъ оно расцвѣтетъ необманчивой алою чашей и голубой звѣздой и бѣлымъ бокаломъ лиліи. Лишь въ таинствѣ молчанія и долгой оцупи, лишь въ глубинахъ почерпаетъ растеніе силу сіять побѣднымъ привѣтомъ вышины.

И если вѣтеръ есть воплощеніе стремленія, онъ долго скопляетъ свои легкія дыханья, чтобъ возникнуть бурей. И если море есть голосъ вѣчности и самая освободительная стихія, это — оттого, что оно знаетъ величайшія препятствія для своего движенія, и вотъ вѣчно движутся потоки океана и преобразуютъ землю, а когда море трудится, кажется, что оно поетъ псаломъ или напѣваетъ колыбельную пѣсенку.

Стихъ долженъ быть крѣпкимъ. А для этого нужно скрутить себя. Умѣть въ весенній свой день сидѣть надъ философской книгой, и англійскимъ словаремъ, и испанской грамматикой, когда такъ хочется кататься на лодкѣ и, можетъ быть, можно съ кѣмъ-то цѣловаться. Умѣть прочесть и 100, и 300, и 3000 книгъ, среди которыхъ много-много скучныхъ. Полюбить не только радость, но и боль. Молча лелѣять въ себѣ не только счастье, но и вонзающуюся въ сердце тоску. И въ минуту несчастія своей родины не убѣгать отъ нихъ, а вбирать ихъ въ себя. Чтобъ они черезъ тебя кричали и пѣли. И вопреки несчетнымъ скопищамъ, питающимся суесловіемъ и трусостью, молча пойти на жестокія поля войны, гдѣ новые смогутъ расцвѣсти цвѣты именно

въ новой, молодой душѣ, которая, пройдя черезъ горнило пытки самоотверженія и встрѣтя новыя невиданныя сочетанія звуковъ, красокъ, положеній, лицъ, создастъ новыя поэтическія сущности и откроетъ новыя поэтическія формы.

Долго ждать, долго молчать, но, заговоривъ, имѣть что сказать.

Птенецъ испытываетъ крылья,
Не отлетая отъ гнѣзда.
Изъ нѣдръ щедротныхъ изобилія
Прорвется всплывная вода.
Но прежде долгій путь подземный
Пройдетъ во мракѣ взрывной ключъ,
Предъ тѣмъ какъ съ міромъ бой безшлемный
Зачнетъ, дробя граниты кручъ.
И сплавъ руды, предъ коей камень
Смягчитъ свой сплоченный объемъ,
Пройдетъ черезъ упорный пламень,
Чтобъ засвѣтиться лезвіемъ.
Не такъ-ли ты, вѣщатель слова,
Что будетъ брошено въ вѣка?
Въ часъ вождельнія святого
Въ тебѣ давнишняя тоска
Поетъ, свивая жгутъ цвѣтка.

ГОРЯЧІЙ ЦВѢТОКЪ

Горячій конь, горячащее вино, горячій цвѣтокъ, облитый лѣтнимъ солнцемъ, когда лѣто еще сильно, но въ листвѣхъ деревьевъ тревожащее душу присутствіе красныхъ пятенъ среди изумруда, — вотъ образы, которые приходятъ мнѣ въ голову, когда я вижу этого не потерявшагося въ буряхъ крѣпкаго коренастаго человѣка съ добрыми умными глазами. — Эти образы еще настойчивѣе рисуются мысли, когда я читаю и перечитываю лучшую повѣсть Куприна «Суламиѡ».

Написать красивое стихотвореніе, звучное и красочное, написать занимательный рассказъ, изящный очеркъ, захватывающую повѣсть, это не такъ трудно въ наши дни, послѣ всѣхъ великолѣпныхъ достижений, сдѣланныхъ русскими поэтами и прозаиками, имена которыхъ составляютъ цѣлое звѣздное небо. Но и при богатствѣ выработанныхъ литературныхъ формъ есть темы и задачи, которыя являются и для самыхъ неподдѣльныхъ талантовъ не только пробнымъ камнемъ, но обычно и камнемъ преткновенія. Написать нескучную идиллію — задача почти невыполнимая. Превратить упоительную идиллію въ пронзительную трагедію — задача, доступная только виртуозу. Нарисовать совершенный мужескій ликъ, совершенную дѣвушку-женщину, рассказать безупречную повѣсть двухъ сердецъ, магнетически скованныхъ настоящею страстью,

для этого нужно имѣть не только особый даръ, но и быть способнымъ самому къ настоящей страсти и цѣломудренно подслушать ея голосъ въ своемъ сердцѣ въ единственную счастливую минуту, посланную судьбой.

Когда Купринъ писалъ «Суламиѡ», въ его горячемъ сердцѣ пѣли звѣзды и цвѣты, и къ воспринимающему его уму, зачаровавшемуся сказкой вѣковъ, рассказанной и неразсказанной, говоримой и вѣчно недосказанной, сходились тонкими цвѣтистыми нитями, чтобъ закрутиться въ пышный узелъ, шопоты травъ, голоса звѣрей, восклицанія человѣческаго вѣчнаго сердца и вѣянья такихъ влюбляющихъ благовоній, что, читая эту повѣсть, любишь, снова любишь, въ первый разъ любишь.

Багряница и виссонъ, шитый золотомъ; золотыя цѣпи и вѣнцы; цвѣты и свѣтильники; множество мрамора; златокованные чаши и блюда; изсѣченные въ камнѣ изображенія львовъ и херувимовъ, — я взялъ наудачу лишь нѣсколько словъ 5-ой страницы повѣсти, какъ берутъ пригоршню драгоценныхъ камней, какъ берутъ пригоршню цвѣтущихъ травъ лѣтняго луга, для того чтобы сразу украсить, для того чтобы въ одну секунду ощутить радость міра и его многокрасочность.

Въ напряженномъ воздухѣ, и душистомъ, цвѣтетъ страсть человѣческаго сердца, себя угадавшего и другое увидѣвшего въ роковую единственность алмазной секунды. И если, воспринявшій всю красоту творящаго и неизбежно творческаго міра, красивый и мудрый царь Соломонъ любилъ бѣлоли-

цыхъ, черноглазыхъ, краснотубыхъ хеттеянокъ, которыя такъ же рано и прелестно расцвѣтають и такъ же быстро вянуть, какъ цвѣтокъ нарцисса, — и если онъ любилъ желтокожихъ египтянокъ, неутомимыхъ въ любви и безумныхъ въ ревности, — и сладострастныхъ вавилонянокъ, у которыхъ все тѣло подъ одеждой было гладко какъ мраморъ, — и молчаливыхъ застѣнчивыхъ моавитянокъ, у которыхъ роскошныя груди были прохладны въ самыя жаркія лѣтнія ночи, — и хрупкихъ голубоглазыхъ женщинъ съ льняными волосами и нѣжнымъ запахомъ кожи, которыхъ привозили съ сѣвера, черезъ Баальбекъ, и языкъ которыхъ былъ непонятенъ для всѣхъ живущихъ въ Палестинѣ, — онъ, искавшій единственной среди всей этой пламенной множественности, какъ могъ онъ, многочувствовавшій и многозоркій, не увидеть наконецъ самоцвѣтъ, горящій ярче всѣхъ рубиновъ и сапфировъ, ту чуть-подросшую юную дѣвушку, ту пастушку стадъ безсмертныхъ, которой пропѣта въ вѣкахъ «Пѣснь пѣсней», со стихомъ недопѣтымъ, загадкой оставшимся, допѣтая и разгаданная въ повѣсти Куприна.

Въ «Пѣсни пѣсней», въ этомъ яркомъ узорѣ, остались волнующіе душу прорывы, пробѣлыдымки, въ которыхъ мысли чудятся, какъ замгленные призраки. Какіе они? Что они дѣлають? Что тамъ было? Художникъ заглянулъ въ колодезь своей влюбленной души и увидѣлъ тамъ отраженіе звѣзды, которая плыла по высокой, глубокой лазури и повела его домыслъ, и онъ увидалъ тайну, и забро-

салъ прорывы узора великолѣпными цвѣтами. Цѣломудренно, но съ тонкою страстностью, художникъ явилъ, какъ любила въ любви полюбленная любимица. Да.

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ...

Но и всѣ нѣжнѣйшія слова она сумѣла сказать въ краткій праздникъ истинной любовности.

Склонившись къ самому ея уху, царь шепчетъ ей что-то, царь нѣжно извиняется, и Суламиѡ краснѣетъ отъ его словъ и закрываетъ глаза. Потомъ съ невыразимо прелестной улыбкой смущенія она говоритъ: «Братья мои поставили меня стеречь виноградникъ... а своего виноградника я не убе-регла».

Чащами лѣса зелеными
Ходить, кто счастія ждетъ.

Здѣсь между бѣлыми склонами
Черный узывчивый гротъ.

Счастія съ жадностью чающій
Входитъ въ притихнувшій садъ.

Здѣсь забродилъ опьяняющій,
Ягода сновъ, виноградъ.

Розами дышитъ румяными
Счастья желающій ротъ.

Здѣсь содроганьями пьяными
Встрѣчный готовится медъ.

Жемчуга много нагружено
Грузною силой волны.

Здѣсь роковая жемчужина,
Къ ней дотянуться должны.

Купринъ опустилъ руку въ море, и дотянулась угадчивая рука до единственной жемчужины. Раньше, читая высокую «Пѣснь пѣсней», я только въ душѣ своей предощущалъ эту жемчужину. Купринъ далъ мнѣ радость увидѣть явственно несказанно прекрасный ликъ, и я уже не забуду его никогда.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Золотая птица радости всегда прилетаетъ неожиданно, но, такъ какъ она всегда желанна, всегда она и жданна. Въ этомъ соединеніи неожиданности и жданности есть кажущееся противорѣчіе, есть чудесность. Словомъ «чудо» и начинается гениальный разсказъ, быть можетъ, лучший разсказъ Куприна, во второй книгѣ альманаха «Грани», переливающийся огненными красками и звучащій побѣдной музыкой, разсказъ «Золотой пѣтухъ».

«Не могу точно сказать, когда случилось это чудо».

Купринъ описываетъ утреннее пѣніе пѣтуховъ, а въ то же время его симфоническое достиженіе, пропѣтое съ такимъ юнымъ прекрасно-яростнымъ богатствомъ внутренней напѣвности, писателемъ, уже идущимъ долиной лѣтъ преклонныхъ, является пѣсней творческаго духа, разсказывающей широкимъ разлитіемъ ворожащихъ звуковъ, что поэтъ и птица — одно, что творческая душа не старѣетъ, что истинный художникъ шаловливымъ движеніемъ перегибаетъ пополамъ свой календарь, и вотъ ему сразу не пятьдесятъ лѣтъ, а всего лишь двадцать пять, и не двадцать-ли? Возрастъ, когда сердце влюблено въ міръ, въ дѣвушку, въ тайну, въ далекое и близкое, въ свое собственное ежедневное ожиданіе чуда, котораго ждешь и желаешь такъ страстно, что оно и случается.

Для чуда не нужно исключительныхъ условій и непременно торжественнаго мѣста и мига. Чудо есть чудо, и оно собою самимъ дѣлаетъ торжественными всѣ подробности мѣста и времени, его сопровождающія. Съ Купринымъ чудо произошло въ день лѣтняго солнцестоянія, раннимъ утромъ, въ маленькомъ городкѣ Вилль-д'Аврѣ около Парижа, и заключалось въ томъ, что онъ услышалъ пѣніе пѣтуховъ. Только и всего? Только и всего, и еще — волшебство кудесника, который двинетъ палочкой, махнетъ рукой, и — осуществляется магія.

Свойство магіи— превращать сѣрыя вещи міра въ золотыя, въ серебряныя, можетъ быть, въ бронзовыя, можетъ быть, въ мѣдныя, но непременно съ отсвѣтомъ, который говоритъ душѣ и указываетъ на внутреннее богатство того, что взору невидящему представляется повседневымъ и ничего не рассказывающимъ. Лунный лучъ войдетъ въ ночную комнату, и бѣлая занавѣска на окнѣ станетъ похожей на легкій нарядъ юной колдуньи, которая сейчасъ пойдетъ по росистому лугу и будетъ собирать для тайнодѣйствія ночныя душистыя травы. Весенній вѣтерокъ шевельнетъ вѣтку, и качаніе ея, приближеніе и отдаленіе, разбудитъ въ душѣ глядящаго колыбельно поющую грезу. Далекое зарево зари, еще не пришедшей въ нашъ міръ, скользнетъ чуть-чуть по самымъ верхнимъ листьямъ самага высокаго дерева въ лѣсу, а птица, спавшая на вѣткѣ дерева, быть можетъ, самой нижней, проснется и зазвенитъ хрустальнымъ колокольчикомъ. Это все — магія. Такъ же волшебенъ и художникъ, касаю-

ційся своимъ словомъ простого явленія и заставляющій его говорить необычно и вдохновенно.

Основными свойствами своей благоволительной къ міру души Купринъ занимаетъ особое мѣсто среди русскихъ художниковъ прозы, нынѣ живущихъ въ Парижѣ.

Мережковскій—книгочій, письменный человѣкъ. Мало кто изъ современныхъ художниковъ не книгочій. Это свойство нашей эпохи, само по себѣ не хорошее и не плохое, въ зависимости отъ другихъ сопутствующихъ чертъ художника. Есть нѣкоторая поговорка: когда сядешь ѣсть, не закрывъ книги, заѣшь память. Кажется мнѣ, что Мережковскій никогда не закрываетъ книги, и еще въ петербургской юности своей онъ заѣлъ ту свою память, которая намъ помогаетъ вспоминать наши довременные дни и быть первозданно-свѣжими, когда мы говоримъ о томъ, что любимъ. Писанія Мережковского — изводныя, производныя; въ нихъ нѣтъ свѣжаго пѣнія и брызганья ключа, пробившагося изъ-подъ земли и весело орошающаго серебряными каплями сосѣднія травы и мхи.

Зинаида Гипсіусъ — любопытна, какъ поэтъ, и слишкомъ маленькое явленіе, какъ прозаикъ. При томъ же въ прозѣ, забывая свою способность быть отъединенно правдивой въ поэзіи, она постоянно задается цѣлями произвольными и, въ сущности, чуждыми литературѣ, какъ таковой.

Гребенщиковъ — принесъ изъ своей Сибири крѣпкій запахъ лѣсной глуши, но онъ еще не устоялся, и стрѣлы его лука не всякую дичь умѣютъ про-

извить. Нельзя, однако, обойти молчаніемъ, что именно онъ иногда родствененъ Куприну мастерскимъ своимъ умѣніемъ постичь и нарисовать звѣря.

Шмелевъ — производитъ на меня впечатлѣніе — въ хорошемъ смыслѣ одержимаго. Что-то глубоко его пронзило, и, пока онъ одержимъ этой пронзенностью, онъ находитъ сильныя слова и образы. Но вотъ одержимость покидаетъ его, и онъ становится мелководнымъ, слова становятся ненужными и безцвѣтными. Отсутствуетъ нѣкій внутренній стержень.

Бунинъ — часто очарователенъ, иногда силенъ, почти никогда не могучъ. Когда о немъ говорятъ, любятъ повторять, что онъ скупъ въ выборѣ словъ, художественно скупъ. Но нѣтъ, это не то. Часто онъ скупъ художественно, весьма нерѣдко онъ скупъ отъ скудости. Онъ вовсе не можетъ, такъ, ни съ того ни съ сего, опустить руку въ богатый старинный сундукъ, вынуть оттуда, не жалѣя, цѣлую пригоршню яхонтовъ и разбросать ихъ, чтобъ они горѣли и свѣтили. Купринъ — благорастворенный воздухъ весны и естественное благоволіе высокаго и широкаго жаркаго лѣта. Бунинъ — терпкій воздухъ осени. Это я тоже очень люблю, и есть въ осени свои чарованія. Никогда, однако, въ ней не зацвѣсти бѣлоснѣжнымъ колокольчикамъ ландышей, которые нужны и любы всѣмъ влюбленнымъ и приближающимся къ влюбленности.

Купринъ — страстно любить міръ животныхъ, міръ птицъ, и животныя приходятъ къ нему, прикасаются къ его душѣ, — собака, когда мы ее любимъ, не только цѣлуетъ нашу руку, она и вхо-

дить въ нашу душу, и бѣгаетъ въ нашей душѣ съ такимъ звонкимъ лаемъ, что мы становимся веселыми, какъ утренніе охотники въ тотъ часъ жизни, который называется Юность. Птицы прилетаютъ къ Куприну, и на склонѣ дня, — часъ, когда сущность ночи начинаетъ входить въ сущность дня, и въ этомъ есть обрученіе души съ тѣмъ, что прошло, и съ тѣмъ, что будетъ, — птицы легкимъ посвистомъ рассказываютъ внимательному свою сказку.

Въ благораствореніи воздуха дышутъ всѣ травы и рассказываютъ тайну лѣса и луга. Въ міровомъ благорасположеніи художественной души раскрывается тайна существъ и замыкается въ четкіе образы. Кто прочиталъ однажды такіе рассказы Куприна, какъ «Пѣгія лошади» и «Козлиная жизнь», тотъ не забудетъ ихъ никогда. «Золотой пѣтухъ» — новый подвигъ художественнаго достиженія въ таиновидѣніи плоти, превращающейся въ духъ, въ состояніи благоговѣйнаго вдохновенія.

Когда 15-го апрѣля нынѣшняго года друзья Александра Ивановича Куприна выступали одинъ за другимъ на его вечерѣ, въ залѣ, которая не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ слушать его и о немъ, я произнесъ, обращаясь къ нему, мою импровизацію, гдѣ пытался воплотить именно ту черту Куприна, которая близить его къ царству природы.

Средь птицъ мнѣ кондоръ всѣхъ милѣе,
Летаетъ въ сини выше всѣхъ.
Средь дѣвушекъ — чей веселѣе
Звенить, какъ колокольчикъ, смѣхъ.

Среди звѣрей, — ихъ въ мірѣ много,
Издревле вѣстниковъ огня, —
Люблю всегда любимца Бога,
Полетно-быстраго коня.

Средь рыбъ, что въ водахъ пропадая,
Мелькають тамъ и манятъ тутъ,
Люба мнѣ рыбка золотая,
Вплываетъ въ сказку, точно въ прудъ.

Среди деревьевъ — дубъ зеленый,
Чей сокъ струится янтареиъ.
Изъ дуба строились драконы,
Въ моряхъ, гдѣ викингъ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стройна лилея,
Но въ ландышѣ духъ сильнѣе влить;
Онъ чаровнически пьянѣе
И прямо въ сердце онъ звонитъ.

Средь чувствъ люблю огонь любленья,
Въ году желанна мнѣ весна,
Люблю средь вспышекъ — вдохновенье,
Средь чистыхъ сердцемъ — Куприна.

Когда черезъ нѣсколько недѣль, именно 6-го мая, было здѣсь въ Парижѣ дѣтское утро, посвященное чтенію произведеній Куприна, главнымъ образомъ, передъ дѣтской аудиторіей, во мнѣ возникло новое желаніе сказать Куприну привѣтственное слово въ стихахъ, и я прочелъ: —

Если зимній день тягучій
Замѣнила намъ весна,
Прочитай на этотъ случай
Двѣ страницы Куприна.

На одной найдешь ты зиму,
На другой войдешь въ весну.
И «спасибо побратиму»
Сердцемъ скажешь Куприну.

Здѣсь, въ чужбинныхъ дняхъ, въ Парижѣ,
Затомлюсь, что я одинъ, —
И Россію чуютъ ближе
Мнѣ даетъ всегда Купринъ.

Если я — какъ духъ морозный,
Если дни плывутъ, какъ дымъ, —
Коротаю часъ мой грозный
Пересмѣшкой съ Купринымъ.

Если быть хочу безпечнѣй
И налью стаканъ вина,
Чокнусь я всего сердечнѣй
Со стаканомъ Куприна.

Чиркнетъ спичкой онъ-ли, я-ли, —
Двѣ мечты плывутъ въ огнѣ,
Куримъ мы — и нѣтъ печали,
Чую брата въ Купринѣ.

Такъ въ Россіи звукъ случайный,
Шелестъ травки, гулъ вершинъ
Той же манятъ сердце тайной,
Что несетъ въ себѣ Купринъ.

Это мудрость вѣрной силы,
Въ самой бурѣ — тишина.
Ты — родной и всѣмъ намъ милый,
Всѣ мы любимъ Куприна.

Не знаю, очень-ли хороши мои стихи, но что въ нихъ очень сказалась моя любовь къ Куприну, это я знаю. И смотрите же, какъ хорошо совпадаютъ два разные человѣка, родственно относящіеся съ завлеченностью къ міру. Мнѣ было лѣтъ семнадцать, когда прозрачной лѣтней ночью, передъ восходомъ солнца, я возвращался къ себѣ домой. Это было въ моемъ родномъ городкѣ, и возвращался я съ нѣжнаго свиданья. Душа была раскрыта міру, и въ ней плескалась голубая безбрежность. Когда

я раскрылъ и закрылъ калитку, я вдругъ остано-
вился отъ ощущенья, что раздался какой-то стран-
ный золотой благовѣсть, не колокольный. Я не по-
нялъ сразу, что это. А черезъ минуту сообразилъ,
что гдѣ-то далеко пропѣлъ разсвѣтный пѣтухъ, съ
нимъ перекликнулся другой, улица пѣтушьими го-
лосами перекликнулась съ сосѣдной и съ дальнею
спящею улицей. Пропѣли всѣ пѣтухи города, а въ
маленькомъ городкѣ всегда сотни и тысячи пѣту-
ховъ, и этотъ слитный голосъ задорныхъ солнцелю-
бивыхъ пѣтуховъ прозвенѣлъ въ моей душѣ гим-
номъ къ Солнцу и Пѣсню торжествующей любви.
Я никогда никому объ этомъ не рассказывалъ, но
я припомнилъ это ощущеніе, когда въ 1917-мъ году
писалъ въ Москвѣ свой очеркъ «Свѣтозвукъ въ при-
родѣ и Свѣтовая Симфонія Скрябина»: «Солнечная
птица, пѣтухъ, поетъ, зная время, то-есть передви-
женіе свѣтилъ, и его пѣніе даетъ звуковую зер-
кальность неуловимымъ для нашего глаза тонкимъ
перемѣнамъ въ движеніи пространственныхъ свѣто-
выхъ волнъ. Кто слушалъ много, въ деревнѣ или въ
маленькомъ глухомъ городкѣ, пѣніе пѣтуховъ, пра-
вильно указующее полночь, разсвѣтъ и утро, тотъ
знаетъ, что каждый разъ они поютъ по-разному.
Полночный мракъ, полночный сумракъ входитъ въ
звукъ пѣтушьяго голоса, дѣлая его умягченнымъ и
уравномѣреннымъ въ силѣ. Тотъ же органъ, та же
играется пѣсня, но регистровый рычагъ, называемый
тьмой, выключилъ нѣчто изъ звукового дѣйствія,
передвинулъ голосъ органа, и пѣсня, повторяя тѣ
же ноты, звучитъ заглушенно и говорить внима-

тельной душѣ не о преломленіи ночи разсвѣтомъ и не о свѣжей радости утра, а о глухой торжественности ночного часа, который чернымъ бархатомъ покрыла дремотная полночь».

Представьте же, какъ радостно дрогнула моя душа, когда, раскрывъ книгу и начавъ читать купринскій разсказъ, я встрѣтилъ слова: «Я не вдругъ понималъ, что это пѣли пѣтухи. Прошло много секундъ, пока я объ этомъ догадался. Мнѣ казалось, что по всей землѣ трубятъ золотыя и серебряныя трубы, посылая въ высь звуки изумительной чистоты, красоты и звонкости». И дальше: «...поетъ великолѣпное славословіе безчисленный пѣтушиный хоръ. И теперь я уже не понимаю — звенятъ-ли золотыми трубами солнечные лучи или пѣтушиный гимнъ сіяетъ солнечными лучами? Великій Золотой Пѣтухъ выплываетъ на небо въ своемъ огненномъ одиночествѣ. Вотъ онъ, старый прекрасный миѣ о фениксѣ-таинственной птицѣ, которая вчера вечеромъ сожгла себя...»

Вѣщій художникъ, рассказавъ себя, рассказалъ одновременно ласковую тайну другого. Въ этомъ великое преимущество слѣдопыта, который любитъ приложить свое слушающее ухо къ всезнающей матери-землѣ. Братскій привѣтъ солнечному Огнепоклоннику, и да поютъ ему огненные птицы пѣсню чаянія.

ПОЛЬ МОРАНЪ

Художникъ разъятыхъ душъ, заглянувшій глубоко и въ то, что открыто ночью, и въ то, что закрыто ночью. Поэтъ великодушнаго женскаго сердца и своекорыстнаго сердца мужскаго. Анатомъ, который такъ искусно играетъ скальпелемъ, что хирургическій ножъ становится похожимъ на толедскій клинокъ. И, если это умъ слишкомъ французскій, чтобъ не быть искушеннымъ въ искусствѣ холоднаго анализа, которое умѣетъ говорить своеобразныя мѣткія слова, кристаллическія слагать формулы, въ то же время—это духъ лирическій, нѣжно влюбленный въ очарованія женскаго естества, даже когда оно, въ минуту неосмотрительности, дѣлается забавнымъ, становится смѣшнымъ. И въ этой послѣдней чертѣ, — умѣтъ скользить по смѣшному, не переставая быть лирическимъ и нѣжнымъ, — особенное очарованіе для меня, какъ русскаго, ибо это черта скорѣе славянская, чѣмъ латинская или галльская.

Я познакомился съ Полемъ Мораномъ года полтора тому назадъ, когда я прочелъ еще только одинъ его разсказъ «*La nuit Nordique*». И по одному этому разсказу я почувствовалъ настоящаго мастера разсказа, художника, умѣющаго видѣть чуждую ему сѣверную природу и сѣверную душу и знающаго упругія слова. Случай захотѣлъ такъ, что я впервые встрѣтилъ Морана во французскомъ министер-

ствѣ иностранныхъ дѣлъ. Я въ жизни встрѣчался неоднократно съ дипломатами разныхъ странъ, чаще, конечно, съ русскими, и долженъ сказать, что мнѣ очень не нравится скользкая манера дипломатовъ много наговорить, не сказавъ ничего. Я встрѣтилъ, однако, нѣчто совсѣмъ иное. Человѣкъ совсѣмъ молодой, тридцати трехъ лѣтъ, но моложе на видъ своего возраста, съ лицомъ юношескимъ и свѣтло-открытымъ, чѣмъ-то сразу завоевывающій сочувственное довѣріе, человѣкъ, съ которымъ легко, весело, хочется быть откровеннымъ. Случай захотѣлъ, чтобы на другой день, въ яркое и холодное зимнее утро, я встрѣтился съ Мораномъ на улицѣ въ Пасси, гдѣ я жилъ столько лѣтъ, — и что-то въ той манерѣ, когда, проходя мимо, онъ улыбнулся и весело кивнулъ мнѣ, создало во мнѣ ощущение душевной близости, что-то въ лучшемъ смыслѣ человеческое и братское.

Много времени спустя, я читалъ книгу Морана «Ouvert la nuit», именно его рассказъ «La nuit turque», гдѣ въ черной рамѣ русскаго бѣженскаго Константинополя съ геніальной силой и четкостью нарисована красивая русская аристократка, волею судьбы очутившаяся, въ качествѣ служанки, въ ночномъ ресторанѣ, гдѣ служанку совершенно просто пригласить провести съ гостемъ часъ или ночь, и та трагическая возвышенность, та безупречная деликатность, съ которой Моранъ создаетъ тонкій, тончайшій рисунокъ, нѣсколько разъ заставляли меня остановиться въ чтеніи этого рассказа; волненіе было слишкомъ велико. Да, не однажды слезы

затуманили глаза, не однажды возникло восклицаніе: «Не можетъ быть, чтобы въ немъ не было русской крови. Онъ слишкомъ глубоко и тонко понимаетъ русскую душу».

Но, хотя, быть можетъ, еще проникновеннѣе слова Морана о русскихъ, сказанныя отъ лица нѣмца въ разсказѣ «La nuit de Charlottenburg», въ книгѣ «Fermé la nuit», — въ Моранѣ течетъ французская кровь, а не русская. И однако, на духовномъ обликѣ Поля Морана есть нѣкое дуновение русскаго воздуха, русскаго бурнаго вѣтра. Его дѣдъ, въ 1848-мъ году, покинулъ Францію и поселился въ Петербургѣ, гдѣ онъ и жилъ, въ качествѣ директора одного завода. Отецъ Морана, семнадцати-лѣтнимъ юношей, покинулъ Россію, пріѣхалъ въ Парижъ и тутъ остался. Хотя, по словамъ самого Морана, слышавшаго разные разсказы отъ своего отца, тогдашняя французская колонія въ Петербургѣ, какъ впрочемъ и позднѣйшая, жила жизнью особой, замкнутой, оглядчивой, *méticuleux*, — конечно же, за семнадцать лѣтъ, живой умный французъ, вполнѣдствіи дружившій съ тонкимъ разсказчикомъ Марселемъ Швобомъ, страстнымъ поклонникомъ Достоевскаго, воспринялъ и унесъ съ собой на берега Сены нѣчто изъ русской впечатлительности.

«Достоевскій и Бальзакъ это двѣ самыя мои большія любви», отвѣтилъ мнѣ Моранъ, когда я его спросилъ недавно, кто изъ великихъ писателей міра его любимцы. «И это уже навсегда, на всю жизнь», добавилъ Моранъ. Кстати, Марсель Швобъ, которому душевный міръ Достоевскаго былъ такъ бли-

зокъ, превосходный авторъ книгъ «Vies Imaginaires» и «Le livre de Monelle», былъ первымъ руководителемъ литературныхъ вкусовъ Морана, въ его дѣтствѣ.

Не смотря на понимающую близость къ русской душѣ, Моранъ типически — французскій французъ. Если изъ современныхъ видныхъ писателей Франціи Эдмонъ Жалю мнѣ нравится тѣмъ, что онъ, будучи провансальцемъ по происхожденію, очень мало похожъ на француза, Поль Моранъ мнѣ особенно нравится тѣмъ, что онъ самый французскій изъ современныхъ французовъ. Въ немъ есть что-то, позволяющее сближать его съ Мопасаномъ, не въ смыслѣ подражанія, — конечно, этого совсѣмъ нѣтъ, онъ слишкомъ самостоятеленъ, — и не въ смыслѣ даже нѣкоторой преемственности, этого нѣтъ тоже, но въ смыслѣ душевнаго сродства. Какъ у Мопасана, у него плѣняетъ очаровательная прямота чувства и непосредственная мгновенность въ умѣнны заинтересовать сразу какимъ-то, будто ничего незначущимъ, словомъ, самой будто-бы простой случайной чертой, — а это слово совсѣмъ не простое, оно угадано умудреннымъ видящимъ чувствомъ; эта черта не только не случайна, но составляетъ отмыкающій ключъ, путеводную нить въ лабиринтѣ данной индивидуальности. Въ этомъ смыслѣ необыкновенно выразителенъ рассказъ «La nuit catalane», гдѣ нарисована каталонская анархистка, и рассказъ «La nuit de Portofino Kulm», герой которой, О'Патахъ, ирландскій поэтъ, представляетъ причудливую смѣсь чертъ карьериста, демагога, проходимца и дѣйствительнаго поэта.

Есть въ манерѣ Морана еще одна черта, позволяющая сближать его съ Мопасаномъ. Онъ слишкомъ лириченъ, чтобы его творчество могло быть ровнымъ. Какъ у Мопасана, рядомъ съ исключительно прекрасными разсказами, «Amour» или «Solitude», есть разсказы пустяшные и путанные, у Морана въ каждой книгѣ есть два превосходные разсказа, одинъ исключительный, доходящій до геніальной пронзительности, и нѣсколько разсказовъ, которые могли быть, а могли и не быть. Я сказалъ о Жалю, что онъ провансалецъ родомъ; правда, онъ изъ столь южнаго города Марсея. Но вѣрнѣе было бы сказать о немъ, что онъ голландецъ. Онъ мнѣ напоминаетъ какого-то амстердамскаго или роттердамскаго садовника, который, неторопливо существуя на берегу тихаго канала съ почти недвижной водой, медленно и со вкусомъ, — со вкусомъ для себя и не особенно заботясь о томъ, будетъ-ли это особенно по вкусу кому-либо другому, — выращиваетъ цѣлыя десятины тюльпановъ и гіацинтовъ. И если устранить изъ его повѣстей, многихъ его повѣстей, чисто-хронологическія данныя, дѣйствіе могло бы происходить сто лѣтъ тому назадъ въ той же канвѣ и съ тѣми же узорами. Вотъ чего ужъ никакъ нельзя сказать о Моранѣ. Онъ слишкомъ современная непокорливая натура. Онъ горитъ, кипитъ, бѣжитъ, торопится. Онъ воистину — изъ дней автомобиля, аэроплана, войны и революціи, изъ эпохи электрической и радійной. Въ этой поспѣшности есть что-то свѣжее и освободительное, какъ въ весеннемъ вѣтрѣ, который ворвался въ

окно, хлопнуль стеклянной рамой, такъ что она зазвенѣла, а пожалуй и разбилась, но заодно принесъ густую волну расцвѣтшаго жасмина и благоуханной сирени, и спуталь всѣ линіи, придасть простой занавѣскѣ мистическій видъ, и зоветь, и манить, и уводить.

Какъ-то, въ разговорѣ, я сказалъ Морану: «Современные французы забыли Мопасана и не цѣнятъ его, а вы мнѣ чѣмъ-то напоминаете, что въ юности я учился норвежскому языку, читая Ибсена, и французскому, читая Мопасана. Они оба освободили меня: первый — освободилъ мою душу, второй — мое тѣло, давъ ему почувствовать, что у юнаго смѣлаго тѣла есть свои права». Противъ моей фразы я могу самъ же возразить, что это раздѣленіе, пожалуй, слишкомъ схематично. Душа и тѣло — нераздѣльные два близнеца, и, освобождая тѣло, освобождаетъ и душу. Какъ бы то ни было, Поль Моранъ, кажется, не былъ недоволенъ услышать мои слова, и мнѣ захотѣлось повторить ихъ здѣсь и сохранить.

Если я скажу еще, что есть что-то въ лучшихъ разсказахъ Морана равноцѣнное той жестокой кристалльности, которая восхищаетъ въ Бальзакѣ, какъ авторѣ разсказовъ «Adieu» и «El Verdugo», и нѣчто родственное острокрайнымъ мѣткимъ формуламъ Стэндаля, я закончу сближенія и подчеркну, что не сравниваю его ни съ кѣмъ, а вспоминаю иное любимое, чтобы вполне насладиться въ Моранѣ его цѣльною самостоятельностью, полною оригинальностью манеры, которая заинтересовываетъ сразу,

привлекаетъ мгновенно, держать, чаруетъ и не отпускаетъ. Изященъ изогнутый лукъ, вдохновенна оперенная стрѣла, когда она слетаетъ съ тетивы, и кажется она одухотворенной, когда, вонзившись въ круговую цѣль, дрожить струнно и этой зыбью какъ бы поетъ ликующую пѣсню достиженья.

Когда читаешь такія фразы Морана, какъ вотъ эта: «Мои нервы никогда не покидаютъ меня сразу. Какъ женщины, я боюсь только того, чего жду», — или какъ вотъ эта: «Я учился въ іезуитской школѣ, и это для меня не потерялось. Міръ остался для меня лазурнымъ шаромъ, — Іисусъ-Марія-Іосифъ, — и на немъ, крестообразно, змѣй», — чувствуешь, что здѣсь дрожить струна и зыбится острая стрѣла.

И, будучи русскимъ, нельзя не вздрогнуть съ восторгомъ, когда читаешь такія проникновенныя слова, вложенныя Мораномъ въ уста нѣмца, бывшаго великолѣпнымъ гвардейцемъ и ставшаго, послѣ военнаго разгрома Германіи, зловѣщимъ гротескомъ, не менѣе жуткимъ, чѣмъ какой-нибудь герой Достоевскаго, который мистически прошелъ бы черезъ претворяющій плавильникъ жестокой грезы Гофмана: «Посмотрите, всѣ наши теперешніе мастера — славянскаго происхожденія. Соприкосновеніе съ русскими съ 1917-го года есть нѣчто главенствующее для того, кто хочетъ понимать Германію. Славяне это не только тѣ прекрасныя тѣла, которыя Фридрихъ II-ой заставлялъ похищать за высокій ихъ ростъ. Это люди съ кометными глазами, которые смотрятъ на насъ черезъ балтійскіе лѣса и смущаютъ, волнуютъ насъ, потому что безъ нашего

вѣдома они взываютъ къ нѣжностямъ и къ священнымъ яростямъ, надъ которыми мы безсильны господствовать. У насъ есть химики, которые умѣютъ находить пьяность даже и въ картофелѣ. Ужъ двѣ тысячи лѣтъ Сарматскій янтарь притягиваетъ насъ, какъ бумаженки... Петербургъ былъ для нѣмцевъ полнымъ возможностей; Москва, это — зачарованіе; по мѣрѣ того, какъ Россія уходитъ, мы готовы слѣдовать за ней въ Азію...»

Когда въ рудникѣ случится обвалъ, многія подземныя комнаты и переходы залиты водой. Но въ другихъ подземныхъ уголкахъ ютятся живые, и ждутъ помощи оттуда, сверху. Когда помощь приходитъ, когда подъ землю спускаются люди изъ верхняго воздуха, на ихъ зовъ, изъ темныхъ закоулковъ подземности, откликается зовъ гибнущихъ, но не погибшихъ, и прекрасенъ этотъ голосъ человѣка къ человѣку. Приведенныя слова Морана мнѣ кажутся такимъ возгласомъ изъ бездны, разъявшейся, но не поглотившей человѣческую душу. Эти вдохновенныя слова, этотъ голосъ изъ глубинъ, залогъ того, что тѣхъ, кто сейчасъ глубоко подъ обвалившимися пластами земли, ждетъ дорога къ Солнцу.

НАРОДЪ-ХУДОЖНИКЪ

Это было въ 1914-мъ году. Солнце было такое же яркое и ласкающее. Болѣе яркое для меня, потому что я проводилъ лѣто на очаровательномъ и величественномъ побережьи Атлантическаго океана, въ Сулакѣ Морскомъ, Sulak-sur-Mer.

Маленькій забавный городишко, ютящійся, какъ ракушки ютятся на влажной скалѣ морской, надъ широкимъ разбѣгомъ никогда не умолкающаго Океана, который синѣетъ, поетъ, бѣлѣетъ, синѣетъ, изумрудится, гудитъ и, подтачивая изъ года въ годъ человѣческія построенія, грозитъ, что однажды обрушить весь этотъ благовонный Сулакъ въ свое всеобъемлющее емкое лоно.

О, какой онъ благовонный, благоговѣйный, ладанный, этотъ пронизанный іюльскими лучами солнца смолистый воздухъ Сулака. Въ городѣ, — если это городъ, а не село, — и вокругъ надъ моремъ, — песчаные холмы, холмики, наслоенія, построенія вѣтровъ, играющихъ песчинками. А на этихъ пескахъ, кромѣ самовольно растущихъ дикихъ гвоздикъ, которыя здѣсь не алыя, какъ у насъ, а нѣжно-аметистовыя, лиловатыя, живутъ насаженные мѣстными жителями и насаждавшіеся еще въ доисторической древности сосны, иногда стройныя, по большей же части столь изогнутыя, узлыстыя и вывернутыя, что являютъ собою какъ бы древесное изображе-

нѣ всѣхъ прихотей и вывертовъ изворотливаго вѣтра.

На каждой соснѣ длинныя бѣлыя шрамы. Срѣзана мѣстами, ссѣчена кора, и смолы, блестящими душистыми каплями, стекаютъ въ приспособленный горшочекъ. Три раза въ годъ бываетъ сборъ смолы, которую продаютъ для лѣкарственныхъ и иныхъ цѣлей. А въ промежуткахъ между сборами, раненныя сосны, узнавшія прикосновенье лезвія, съ умноженной силой духа насыщаютъ воздухъ ладаномъ и курятся къ Солнцу утонченно.

Каждый день утромъ, проходя мимо сосѣдней виллы, гдѣ жила молодая чета, я спускался къ морю и шелъ у волны, по затопленному солнечнымъ свѣтомъ песку. Каждый день, уходя дышать свѣжительнымъ духомъ Океана, я дышалъ, мимоходомъ, пьянящимъ запахомъ цвѣтовъ. Козья жи-молость, гвоздика, розы, горячіе подсолнечники, — много ихъ тамъ, цвѣтовъ, что цѣлуются съ Солнцемъ.

Проходя разъ мимо сосѣдней виллы, я былъ задержанъ какимъ-то страннымъ звукомъ, безъ конца раздававшимся оттуда изнутри, изъ комнатъ съ окнами наглухо закрытыми, несмотря на то, что было яркое теплое утро.

Это былъ плачь—не плачь, это была жалоба—не жалоба, это было причитанье какой-то птицы, потерявшей птенца, это былъ полудѣтскій голосъ, который свивалъ для самого себя безконечную пелену печальной сказки, что-то себѣ рассказывалъ, въ чемъ-то себя убѣждалъ, упрекалъ небо и звѣзды,

дѣлался выше, напряженнѣе, и снова упadalъ въ неисходную грусть, граничащую съ полной тишиной, словно чье-то лицо упadало въ подушку, прижималось къ ней, чтобъ еще глуше была скорбь, чтобъ никто-никто не услышалъ, что вотъ, — что вотъ...

Я ушелъ. Не понялъ, и ушелъ къ волнѣ.

Но въ это утро я гулялъ гораздо больше обыкновеннаго. А когда, черезъ два-три часа возвращался домой, я съ удивленіемъ услышалъ, что причитанье птицы, потерявшей птенца, все еще сѣтовало и жаловалось тамъ въ запертыхъ комнатахъ.

Веселая служанка, подавая мнѣ завтракъ, сказала тѣмъ довольнымъ торжествующимъ голосомъ, который бываетъ у людей, раньше другихъ узнавшихъ важную новость:

— Мосе знаетъ? Объявлена мобилизація, и нашъ сосѣдь-офицеръ уже уѣхалъ.

Бѣдная птица! Бѣдная, бѣдная птица съ заглушеннымъ голосомъ понимающей плакальщицы!

Но я недолго думалъ объ этой молодой женѣ, потерявшей своего мужа, и конечно, потерявшей его навсегда. Исполинскій призракъ надвинувшейся войны тогда показался мнѣ прекраснымъ и грозно-освободительнымъ.

Лучше, казалось мнѣ, вынести самую страшную, тяжелую борьбу, лучше принести на алтарь достиженія самыя многочисленныя и тяжелыя жертвы, чѣмъ безъ конца дышать зараженнымъ воздухомъ угрозы, все время, изо дня въ день, днемъ и ночью, знать, что врагъ тутъ, врагъ и насильникъ рядомъ,

за стѣной, куеть, точить, острить свое оружіе, грозить; издѣвается, лжетъ, обманывается, давитъ, нагличаетъ.

При одномъ кликѣ «за Родину!» каждый, кто любить свободу и красоту, каждый, кому дороги представленія о вольности личности и независимости расы, о родимой землѣ и красивомъ чувствѣ, съ радостью бросить свой домъ, своихъ милыхъ, свою завѣтную работу, и пойдетъ биться съ врагомъ.

Именно такимъ чувствомъ мгновенно прониклись всѣ французы, когда раздался первый кличъ войны. Кого гдѣ застала эта вѣсть, тамъ онъ тотчасъ же прощался съ обычной своей обстановкой и безъ малѣйшихъ промедленій шелъ къ исполненію своего великаго долга. Къ кому вѣсть эта приходила, когда онъ былъ на полѣ, онъ бросалъ то, что было у него въ рукахъ, и бѣжалъ съ поля съ такой готовностью и такой радостью, какъ-будто онъ бѣжалъ на праздникъ.

Въ этомъ всеобщемъ единодушіи и всеобщей готовности принять тяжесть, посылаемую судьбой, было что-то изъ древней красоты, когда не было дѣленія на военныхъ и невоенныхъ, когда каждый мужчина зналъ, что значить война и что значить врагъ.

Тѣ лица, которыя были безразличными, быть можетъ, плоскими и непріятными въ вѣчной повторности будничной, стали сосредоточенными, просвѣтленными, красивыми. Тѣ люди, которые могли говорить, что война оторвала ихъ отъ радости, только

что начавшейся, или отъ труда, который былъ второй жизнью въ жизни, въ немногословномъ прощаніи не являли никакого сожалѣнія, никакой прижимки, зажимки, утайки. И та воспитанность чувства, которая есть у каждаго француза, не позволила чувствамъ скорби принимать чрезмѣрную форму. О, эти живыя щебечущія женщины, знающія, какъ радостны поцѣлуи и смѣхъ, умѣли не плакать, провожая любимыхъ, чтобы любимымъ было легче уѣхать, чтобы любимый не унесъ въ сердцѣ воспоминанье задрожавшаго голоса и опрокинутого лица, какъ воспоминанье послѣднее.

Я помню, какъ цѣлый поѣздъ съ уѣзжавшими на войну отходилъ однажды изъ Сулака въ Бордо. Я видѣлъ, какъ бросали цвѣты въ уѣзжающихъ, какъ цѣловали и обнимали ихъ, какъ весело посылали имъ прощальныя привѣтствія. Меня поразило, что среди этого множества лицъ дѣвушекъ и женщинъ, что отпускали къ смерти своихъ любимыхъ, не было ни одного лица, на которомъ медлила бы непомѣрность горя. И вотъ, когда поѣздъ со свистомъ ушелъ, когда толпа стала расходиться, — какъ жутко было смотрѣть на одну молодую женщину, которая упала, и которую мы понесли какъ трупъ въ ближайшее кафѣ. Ея родные какъ бы извинялись передъ другими. «Ей не нужно было такъ надрываться и провожать его на вокзалъ» — говорили они. — «Она не вынесла, увидѣвъ его уѣзжающимъ».

Нѣтъ, она вынесла. Она смотрѣла ему глазами въ глаза и дала ему радость проводъ. Лишь, когда

поѣздъ ушелъ, она почувствовала, что и вся жизнь, жизнь жизни, ушла отъ нея, и она рухнулась, какъ мертвая. И когда говорятъ, что французы народъ холодный, я вспоминаю эти проводы, и вспоминаю, какъ смотрѣли несмотрящіе полузакрытые лунатическіе глаза этой юной женщины, впавшей въ обморочное оцѣпенѣніе.

И потомъ въ Парижѣ. Не красиво ли то, что столица веселья сумѣла сразу, безъ колебаній, принять спокойно-строгій ликъ, серьезный, суровый и чуждый веселья. Какъ-будто самая раса французская, столь подвижно-насмѣшливая, столь улыбочливо-веселая, измѣнилась. Безъ скорби похоронъ, торжественность траура, самовзвѣшенность рѣшимости, глубокое всеобщее сознаніе, что нужно нести и донести тяжелую полную чашу, изъ которой не должно уронить ни одной капли.

Въ томъ, что за весь этотъ годъ въ Парижѣ и Франціи я не видѣлъ ни одной грубой и ни одной чрезмерной сцены; въ томъ, что души умѣютъ ходить здѣсь тихонько, когда это нужно, ступая чуть слышно, а губы, всегда умѣющія говорить слова, умѣютъ сжиматься въ должномъ молчаніи; въ томъ, что съ восьми часовъ вечера каждую ночь, — столица міра, — Парижъ могъ погружаться въ глубокій мракъ, и громадами темныхъ домовъ своихъ походилъ на художественно-прекрасный огромный мертвый городъ, являлъ ликъ потонувшаго въ вѣкахъ молчащаго Вавилона, въ темной тишинѣ котораго рѣветъ и дѣется таинство вседружныхъ свершеній и дѣйственаго безглаголія; въ томъ, что юные бойцы,

вернувшіеся изъ огненныхъ ужасовъ Чистилища, могутъ проходить по этимъ улицамъ съ деревянной ногой, но лица ихъ свѣтлы, и я, посторонній зритель, не могу не видѣть, что этотъ ихъ образъ лишь прекрасенъ, — во всемъ этомъ чувствуется, что Парижъ—великій городъ, что французы сильный народъ, умѣющій въ великую минуту грозы изобразить въ своемъ ликѣ грозное, и такъ какъ истинный художникъ всегда любитъ трудности выполненія, народъ-художникъ не отступитъ передъ своей исторической задачей и, отбросивъ дикій напоръ звѣринаго, еще болѣе четко закрѣпитъ свой ликъ хранителя великихъ завѣтовъ красоты.

РОЗНЬ

Писать письма изъ Парижа въ Ригу. Кажется, это совсѣмъ простое занятіе. Письма, навѣрное, будутъ доходить. Послѣ долгаго разстройства самыхъ основныхъ человѣческихъ взаимоотношеній, хоть почтовая связь какъ-будто безпрепятственно осуществляется между разными странами. Письмо совершить свой путь черезъ промежуточные страны, и, можетъ быть, нигдѣ не будетъ по дорогѣ предварительно вскрыто и прочтено какимъ-нибудь узаконеннымъ почтовымъ соглядатаемъ. Можно не опасаться, что чужой ненужный глазъ проползетъ по твоимъ строкамъ, гдѣ ты попытаешься пріоткрыть чуть-чуть краешекъ завѣсы, скрывающей твою душу. Притомъ же тѣ два свирѣпыя чудовища, которыя называются міровая война и русская революція, до такой степени обнажили всѣ души, что обнажаться стало совсѣмъ естественнымъ. И однако. Потому ли, что я въ чемъ-то изъ очень стараго міра, который не любилъ обнаженія, — потому-ли, что всюду, уже давно-давно, я вижу, за малыми исключеніями, лишь враждебныя и равнодушныя маски, лишь глаза, полныя холоднаго досмотра и непониманія, я, начиная о чемъ-либо говорить, слышу въ душѣ предостерегающій голосъ: «Говори внѣшне. Говори, какъ другіе. Не говори изъ души своей.» Но никакъ не могу я слушаться этого разумнаго голоса. Все мнѣ кажется, что можно пріоткрыть чуть-чуть оконце

своей души, и меня будутъ слушать такъ, какъ я буду говорить, будутъ слушать только тѣ, кого я хочу своимъ сердцемъ, упрямымъ и вѣрящимъ въ дороги любви.

Быть можетъ, трудность вотъ этой минуты происходитъ оттого, что вовсе не о Парижѣ я хочу говорить сейчасъ, а Моря хочу, о Морѣ думаю, о вѣчно-живомъ, вѣчно-новомъ и неожиданномъ Океанѣ. Морскія волны мечты уносятъ меня туда, именно въ Ригу, гдѣ я былъ только разъ, но гдѣ мнѣ было гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Незадолго передъ роковымъ 1917-мъ годомъ я пріѣзжалъ въ Ригу, на два-три дня, прочесть какую-то лекцію, — какую въ точности ужъ не помню, — и было это время совсемъ непохожее на проклятое теперь. Люди любили подходить другъ къ другу, умы раскрывались, какъ цвѣты весной, у одного человѣка не было другому ножа, и пули, и вражды, и подозрѣнья. У каждого для каждого было, — у меня во всякомъ случаѣ для каждого было, — открытое сердце, — безъ обнаженья, открытая душа, — ежеминутная готовность откликнуться на зовъ, и было радованье человѣка человѣкомъ, былъ тихій восторгъ задумчиво идти живописными улицами стариннаго невѣдомаго города, овѣяннаго историческими воспоминаніями и вольнымъ духомъ, крѣпящимъ воздухомъ моря. Я былъ съ любимой тамъ, въ чужомъ городѣ, который явился вовсе не чужимъ, — тамъ, гдѣ на звучный зовъ мой воскликнули сердца и откликнулись.

А здѣсь... А теперь... Если бъ даже былъ у меня голосъ исполина, не почувствовалъ бы я, что можно

людскіе умы и сердца собрать воедино, какъ собираютъ въ богатое единство полноѣсныя зерна ржи изъ тяжелаго снопа, и въ свѣжую единую красоту, пусть невзыскательную, но веселящую и живую, собираютъ для радости минуты, желтый къ красному и синему, много полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ.

Рознь и вражда — вотъ ключъ нашихъ дней. И еще будетъ расти эта рознь, и еще будетъ обостряться вражда неисчислимая, пока снова не повѣютъ прыгающіе вѣтры передъ новой грозой. Дождемся-ли мы радуги? Этого не скажетъ никто.

Если рознь обуяла умы вездѣ, врядъ-ли нужно искать болѣе законченной розни, чѣмъ та, которую, въ оправдѣ кажущагося спокойствія, можно видѣть здѣсь среди русскихъ людей, живущихъ въ прохладномъ Парижѣ, испоконъ вѣка равнодушномъ къ чужестранцамъ. Время отъ времени, послѣ новаго горестнаго разочарованія, я спрашиваю себя: «Почему и зачѣмъ живутъ здѣсь русскіе? Мы глубинные, а здѣсь по всему тому, что намъ неисчерпаемо дорого, скользятъ и проходятъ мимо. Зачѣмъ живу я самъ здѣсь? Неужели меня можетъ сколько-нибудь утолить вѣжливость — тамъ, гдѣ хочешь доброты, маленькое вниманіе — тамъ, гдѣ приносишь все свое я? И почему, очутившись изгнанниками, русскіе, вмѣсто того, чтобы сплотиться и образовать изъ себя духовную силу, съ которой нельзя было бы не считаться, продолжаютъ взаиморознь, взаимобранъ, взаимоклеветничество, взаимоохужденіе, и не могутъ и не умѣютъ создать никакого духовнаго средоточія, къ которому тянулись бы и при-

никали разныя горести, разныя мысли, разныя воли, образу единую волю, творящую?»

Я спрашиваю себя и другихъ, но отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. Съ доисторическихъ временъ своевольство безъ истинной воли было нашимъ судьбиннымъ клеймомъ. Въ рамѣ своей страны и своей исторической жизни, эта черта, создавъ много памятныхъ несчастій и униженій, создала и поразительныя достиженія, свойственныя именно русскому. Среди такихъ достиженій есть у насъ протопѣ Аввакумъ и Достоевскій и много, чего не сочтешь. Въ рамѣ изгнанничества, эта черта есть безсиліе, бесплодіе, увяданье бесполезное.

Своекорыстное разслоеніе. Нѣтъ слова связующаго. Нѣтъ знамени, вѣянье котораго позвало бы властно къ достиженіямъ. Нѣтъ людей, которымъ сердце стало бы вѣрить, не спрашивая. А спросить, заскучаетъ сейчасъ же, чувствуя неполноту, маленькую комнатную мудрость, уродливость головы, въ которой будто бы и все какъ слѣдуетъ, на самомъ же дѣлѣ глаза не во лбу, а въ затылкѣ. Видятъ только въ бесполезной ретроспекціи. Предвидѣть не способны и увидѣть текущаго не могутъ.

А дни идутъ, и швыряютъ новыя заботы и задачи, и готовятъ новую ставку душъ. Если придетъ новая гроза, кто ее встрѣтитъ? Если не придетъ,—въ розни истлѣвающія воли просто истлѣютъ до конца, до пепла, хуже: до чаднаго угашенія.

Есть маленькія утѣшенія въ большихъ бѣдахъ. Дружба — одно изъ лучшихъ. Но что есть дружба и что она? Если весь воздухъ роковыхъ переломныхъ

дней полонъ движеніемъ ежеминутно мѣняющихся и ломающихся духовныхъ цѣнностей, люди не видятъ другъ друга и, привычно повторяя слова дружбы, даже не задѣваютъ этого великолѣпнаго кристалла. Ничего. Хорошо хоть на минуту повѣрить, будто съ кѣмъ-то друженъ.

Я иду къ французскому романисту, одному изъ наиболѣе талантливыхъ, къ Эдмону Жалю. Его романы «L'Escalier d'or», «Золотая Лѣстница», «Le reste est silence», «Остальное — молчаніе», «Les profondeurs de la mer», «Глубины моря», и многіе другіе, правда, написаны очень изящно, и часто онъ видитъ души. Я звоню. Вотъ онъ самъ вышелъ навстрѣчу и улыбается. Въ прихожей его, прежде чѣмъ онъ открылъ дверь, меня привѣтствуютъ своимъ чириканьемъ заморскія птицы, а когда я вхожу, мнѣ радостно видѣть длиннохвостую птичку-вдовушку, сестру тѣхъ, что я видалъ во время своихъ дальнихъ странствій въ тропическихъ и предполярныхъ краяхъ. Она смотритъ на меня своимъ чернымъ глазкомъ, и я сразу чувствую себя опять въ Новой Зеландіи, гдѣ беззаботны красивые Маори, въ Австраліи, гдѣ живы еще и кэнгуру и эвкалипты въ плоскогорьяхъ Явы, гдѣ еще дымятся вулканы. Жалю мнѣ нравится не только потому, что онъ привѣтливъ и уменъ, и не только потому, что онъ единственный изъ французовъ запросто говоритъ и о Тургеневѣ, и о Стриндбергѣ, и объ Ибсенѣ, и о всѣхъ современныхъ русскихъ писателяхъ, а изъ Достоевскаго, въ разговорѣ, читаетъ иногда наизусть цѣлыя страницы, — нѣтъ, скажу-ли, онъ мнѣ нравится

особенно потому, что, хоть французъ, онъ также и мало похожъ на француза. Не остроумничаетъ, не говоритъ виѣшнихъ вѣжливостей, любитъ говорить о чемъ-нибудь неожиданнымъ, и обо всемъ умѣетъ сказать что-нибудь особенное, совсѣмъ не стараясь быть оригинальнымъ и превосходнымъ. Правда, онъ провансалецъ, въ его жилахъ пляшетъ, вѣрно, не одна капля и крови саррацинской, и крови эллинской. На столѣ его лежатъ дѣтскія игрушки, сдѣланныя русскими кустарями. Дѣтей у него, однако, нѣтъ. На одномъ изъ столиковъ, среди китайской мебели, нѣчто вродѣ маленькаго святилища. Мое сердце вздрагиваетъ. Наши русскія иконы. А на стѣнѣ, надъ ними, прекрасный портретъ нашего страстотерпца, мученика глубинъ русскаго духа, Достоевскаго, о которомъ онъ говоритъ, что послѣ Шекспира не было написано ни одного созданія, столь замѣчательнаго, какъ «Бѣсы».

Мы говоримъ, мы молчимъ, и намъ не неловко молчать. Я встаю и хочу проститься. Онъ сидитъ и ласково-капризно говоритъ: «Dites!» О, это плѣнительное непере译имое французское «Dites». «Скажите, вѣдь вы можете еще побыть у меня пять минутъ?» Я покорно сажусь и сижу въ узорной бесѣдѣ еще чуть не цѣлый часъ.

Я иду одинъ по чужой улицѣ. Нѣтъ, моя душа не совсѣмъ одна. Хорошо человѣческой душѣ коснуться другой души.

БЕЗЪ РУСЛА

Три года тому назадъ я уѣхалъ изъ Москвы и черезъ Эстонию пріѣхалъ въ Германію, а оттуда во Францію. Выѣхать изъ Москвы, увозя съ собой семью, — три женскія существа, приговоренныя докторами и голодомъ къ смерти, — было очень трудно, почти невозможно. Мнѣ, однако, это удалось, какъ удалось и Кусевицкому съ женой. Мы ѣхали въ одномъ поѣздѣ. Тогда еще не выпускали за границу никого, кромѣ своихъ. А ни Кусевицкій, ни я, мы своими не были. Нашъ отъѣздъ былъ нѣкоторымъ чудомъ, и какъ чудо мы его воспринимали. Въ Нарвѣ мы еще не чувствовали себя уѣхавшими, или, вѣрнѣе, впервые поняли, съ чувствомъ безмѣрной тяжести, спавшей съ плечъ, что мы въ преддверіи Европы.

Ревель — хоть и эстонскій, все же еще и такой русскій, по крайней мѣрѣ три года тому назадъ, показался мнѣ обѣтованнымъ городомъ, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я когда-то радовался первому европейскому городу, въ который я попалъ, покинувъ Москву или Петербургъ временъ, нынѣ исчезнуваго, царизма. Какая иронія судьбы. Я дважды былъ изгнанникомъ при старомъ порядкѣ. Въ 1902-мъ году за стихи о Маленькомъ султанѣ я, безъ своего желанія, провелъ годъ въ Европѣ; и послѣ революціи 1905-го года, послѣ написанія и опубликованія книги революціонныхъ стиховъ «Пѣсни мстителя», я провелъ внѣ Россіи, безъ своего

на то желанія, семь лѣтъ. Я, считавшійся и бывшій революціонеромъ, снова, въ третій разъ, послѣ того, какъ въ Россіи осуществилась революція, живу уже три года въ Европѣ, безъ малѣйшаго къ тому желанія. Изгнанникъ-ли я? Вѣроятно, а впрочемъ даже я и не знаю. Я не бѣжалъ, а уѣхалъ. Я уѣхалъ на полгода, и не вернулся. Зачѣмъ бы я вернулся? Чтобы снова молчать, какъ писатель, ибо печатать то, что я пишу, въ теперешней Москвѣ нельзя, и чтобъ снова видѣть, какъ, несмотря на всѣ мои усилія, несмотря на всѣ мои заботы, мои близкіе умираютъ отъ голода и холода? Нѣтъ, я этого не хочу. Но нѣтъ дня, когда бы я не тосковалъ о Россіи, нѣтъ часа, когда бы я не порывался вернуться. И когда мнѣ говорятъ мои близкіе и мои друзья, что той Россіи, которую я люблю, которую я цѣлую жизнь любилъ, все-равно сейчасъ нѣтъ, мнѣ эти слова не кажутся убѣдительными. Россія всегда есть Россія, независимо отъ того, какое въ ней правитель-ство, независимо отъ того, что въ ней дѣлается и какое историческое бѣдствіе или заблужденіе по-лучило на время верхъ и неограниченное господ-ство. Я поэтъ. Я не связанъ. Я полонъ безпредѣль-ной любви къ міру и къ моей матери, которая на-зывается Россія. Тамъ, въ родныхъ мѣстахъ, такъ же какъ въ моемъ дѣтствѣ и въ юности, цвѣтутъ купа-вы на болотныхъ затонахъ, и шуршатъ камыши, сдѣлавшіе меня своимъ шелестомъ, своими вѣщи-ми шопотами тѣмъ поэтомъ, которымъ я сталъ, ко-торымъ я былъ, которымъ я буду, которымъ я умру. Тамъ, въ родныхъ моихъ лѣсахъ, слышно ауканье,

и я люблю его больше, чѣмъ блестящую музыку міровыхъ геніевъ, поютъ соловьи, надъ полями возносятся, разсыпая ожерелья солнечныхъ пѣсень, жаворонки. Тамъ вездѣ говорятъ по-русски; это языкъ моего отца и моей матери, это языкъ моей няни, моего дѣтства, моей первой любви, почти всѣхъ моихъ любвей, почти всѣхъ мгновений моей жизни, которыя вошли въ мое прошлое, какъ неотъемлемое свойство, какъ основа моей личности. Тамъ говорятъ «до свиданья», «милый», «прощай», «люблю», и на лѣсной опушкѣ кличетъ эхо, которое откликалось мнѣ, когда еще весь міръ казался добрымъ и вся жизнь казалась тайной.

Ахъ, мнѣ тяжело. Мнѣ душно отъ того воздуха, которымъ дышутъ изгнанники, косо смотрящіе другъ на друга и вѣчно другъ друга подозрѣвающие, со-всѣмъ такъ же, какъ подозрѣваютъ другъ друга люди и тамъ, въ родныхъ моихъ мѣстахъ, въ обезумленныхъ, въ обездоленныхъ, въ измѣненныхъ. Мнѣ душно и отъ воздуха лѣтняго Парижа, гдѣ я никому не нуженъ и гдѣ ничто для меня не нужно.

Не думайте, что я зову кого-нибудь изъ уѣхавшихъ или бѣжавшихъ, изъ уѣхавшихъ и оставшихся, изъ спасшихся отъ тяжкихъ мученій, можетъ быть, смерти, — очертя голову, вернуться въ теперешнюю Россію, гдѣ право растоптано, гдѣ слово несвободно, гдѣ нѣтъ первоосновъ человѣческой справедливости. Нѣтъ, я говорю только о себѣ, и да будетъ же мнѣ, хоть здѣсь въ пустынѣ, даровано безраздѣльное право быть собой, быть поэтомъ, чувствовать иначе, чѣмъ другіе, и иначе мыслить, и иначе по-

ступать. Я говорю только о себѣ, и не дѣлаю никакихъ общихъ выводовъ.

Здѣсь, въ свободной, будто бы свободной, Европѣ я чувствую себя, душевно, такимъ же связаннымъ, какимъ я чувствовалъ себя въ послѣдній годъ въ Москвѣ, гдѣ я жилъ бокъ-о-бокъ съ навязавшимися мнѣ жильцами, нагло распоряжавшимися въ моей квартирѣ, гдѣ я голодалъ, гдѣ я говорилъ иногда моей дѣвчкѣ, безсильной заснуть: «не плачь: завтра, быть можетъ, мы поѣдимъ». Моя дѣвочка стала за эти три года красивой дѣвушкой, живой и остроумной. Я уже не говорю ей, — за ненадобностью, — такихъ утѣшеній, а когда подходитъ нужда, — она все же не такая острая, — и если нѣтъ денегъ на настоящій обѣдъ, можно сварить супъ изъ стараго недоѣденнаго хлѣба. Но здѣсь мнѣ тоже нужно проносить и передъ ней, и передъ другими близкими, и передъ близкими-далекими, и передъ самимъ собой, много разныхъ утѣшеній, въ которыя не вѣришь и которыя не оправдываются. Основное остается, какъ правило жизни каждаго дня и каждаго новаго тяжелаго мѣсяца. Это основное: я на чужбинѣ, я внѣ дѣйствительной связи съ душою здѣшней жизни, и я внѣ дѣйствительной связи съ моей Матерью, съ моей Родиной, хотъ отъ меня туда, и оттуда до меня, доходятъ вѣянія души, доходитъ голосъ сердца, которое бьется, еще живо, не умерло, но бьется тяжело, съ мученіемъ, которому исхода не вижу. И вотъ, чѣмъ дальше иду я по дорогамъ чужбины, тѣмъ слабѣе моя связь съ моей родиной, и тѣмъ чаще я спрашиваю себя съ горечью: не лучше ли быть

мнѣ въ тюрьмѣ — тамъ, чѣмъ на свободѣ — здѣсь? И дѣйствительно-ли я здѣсь — на свободѣ?

Русла нѣтъ. А рѣка безъ русла развѣ свободна? Она плещется и разливаетъ свои воды, гдѣ и не нужно. Даже рѣкѣ необходимо русло. А изгнаническая жизнь даже и не рѣка въ разливѣ: много бѣднѣе, гораздо менѣе въ ней красоты и содержанія.

Къ чему же мнѣ прильнуть? Я поэтъ и человѣкъ. Нѣтъ мнѣ мѣста, какъ человѣку и поэту. Сколько бы литературныхъ достоинствъ ни было въ моемъ творествѣ, оно не нужно, если я не въ близости съ той или иной политической группой, а возможности печататься находятся въ рукахъ тѣхъ или иныхъ политическихъ группъ. Когда въ 1920-мъ году, въ Москвѣ, меня, по причинѣ нѣкаго ложнаго доноса, будто я въ стихахъ, гдѣ-то напечатанныхъ, восхвалялъ Деникина, пригласили вѣжливымъ въ Чека и между прочимъ дама-слѣдователь спросила меня: «Къ какой политической партіи вы принадлежите?» — Я отвѣтилъ кратко: «Поэтъ».

Это не былъ отвѣтъ экстравагантный. Это былъ простой возгласъ сердца. Да убирайтесь вы отъ меня къ чорту, всѣ политическія души, смотрящія на міръ съ политической точки зрѣнія, не видящія, что міръ больше и шире, и выше, и глубже и вовсе иной, чѣмъ говоритъ ваша политическая машинка, которая своимъ однообразнымъ въ разнообразіи, скрипучимъ трескомъ и шумомъ свидѣтельствуетъ, что гармонія міра вамъ чужда и что вы бессильны овладѣть творящими силами жизни.

Мнѣ съ политическими группами дѣлать нечего, каковы бы онѣ ни были, коммунистическія, монархическія, гомеопатически-соціалистическія, то бишь, кадетскія, и прочая, и прочая. Я человѣкъ и поэтъ, и потому на вашихъ праздникахъ и въ сплетеніяхъ вашихъ немногихъ, но существующихъ возможностей и удобствъ — мнѣ нѣтъ мѣста. Иногда что-то изъ моихъ словъ и настроеній случайно подойдетъ для того или иного печатнаго органа. Тогда меня печатаютъ. Потомъ, какъ бы ни было дорого моей душѣ то или иное художественное мое достиженіе, я послѣ долгой литературной дороги, я, слышавшій много разъ привѣтственные слова отъ самыхъ высокихъ душъ разныхъ странъ земного шара, вижу отъ политическаго редактора литературнаго журнала такое отношеніе къ себѣ, которое трогательно напоминаетъ мнѣ дни моей юности, когда солидные московскіе либералы находили, что я не лишень дарованія и подаю надежды.

Не должно думать, что эти слова мои свидѣлствуютъ о моемъ униженіи. Нѣтъ, мнѣ кажется, что тутъ униженъ кто-то другой, тутъ въ поношеніи нѣчто совсѣмъ иное, и въ такомъ поношеніи, что, если объ этомъ думать не поверхностно, можно придти въ ужасъ. Безъ преувеличенія и безъ преуменьшенія, я слишкомъ хорошо знаю, кто я. Мое, за всю жизнь отъединенное, внутреннее устремленіе даетъ мнѣ возможность спокойно говорить о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и на примѣрѣ этого третьяго лица указать на вопіющую чудовищность нѣкоторой неправды, которой быть не должно. И вотъ я сви-

дѣтельствую, что, если въ Москвѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, 1918—1920, я задыхался отъ невозможности быть собой и говорить полнымъ голосомъ, я задыхаюсь отъ того же и здѣсь, въ русскомъ и французскомъ Парижѣ, по сосѣдству съ русскимъ и нѣмецкимъ Берлиномъ и людоѣдски-своекорыстнымъ англійскимъ Лондономъ.

Говорить все, что думаешь и чувствуешь до конца — или не говорить вовсе. Говорить только часть — или не говорить вовсе, это для меня означаетъ, равно, пытку и душевное униженіе. И я еще не смогу утверждать, что не говорить вовсе, по существу, хуже, чѣмъ говорить часть. Ибо, когда молчишь, въ этомъ можетъ быть, отъ умѣнья понастоящему молчать, странный душевный крикъ, который слышенъ даже разбойнику, слышенъ и дѣйствуетъ. А когда говоришь лишь часть, невольно искажаешь правду, невольно рисуешь искаженное изображеніе, невольно и преступно лжешь. Это не всегда, конечно, но такъ бываетъ. И въ жизни безъ русла бываетъ слишкомъ-слишкомъ часто.

Зачѣмъ я все это говорю? Не зачѣмъ, а почему? Потому что, когда человѣку очень трудно, онъ можетъ вздохнуть и даже, хоть бы онъ былъ выносливый и сильный, застонать.

Я за всю свою жизнь убилъ одну только птицу. Въ гимназическіе дни, однажды, у себя въ саду, застрѣлилъ изъ ружья пѣвчаго дрозда на рябиновой вѣткѣ. Мнѣ до сихъ поръ тяжело вспомнить объ этомъ преступленіи.

Я живу сейчасъ въ мірѣ, который, грубо захмѣлѣвъ отъ преступно излитой имъ несчитанной крови, только и дѣлаетъ, что брызжетъ на душу грязью и кровью и слѣпо убиваетъ пѣвчихъ птицъ.

ВЕСНА

«Какъ грустно мнѣ твое явленіе,
Весна, весна, пора любви...»

Я не помню, когда я въ первый разъ прочелъ эти безсмертныя строки Пушкина; я началъ читать его, дивясь и восхищаясь, еще въ дѣтствѣ. Но я помню и знаю, что я на всю жизнь ихъ запомнилъ, ихъ и дальнѣйшія строки, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда въ концѣ марта родная рѣка въ моемъ родномъ городкѣ уже готова была вскрыться, чтобъ нести свои вздувшіяся воды въ другую рѣку, впадающую въ Волгу, а Волга ужъ понесетъ ихъ далеко черезъ цѣлую половину Россіи, до самаго моря, до зеленаго Каспія. Все небо тогда было тяжелымъ отъ тревожныхъ облаковъ синевато-свинцоваго цвѣта. Весь воздухъ внушалъ жажду любви, нѣжной близости съ желаннымъ существомъ. И, быть можетъ, желанное существо было, но было далеко. И, быть можетъ, желанное существо было только въ воображеніи и чудилось въ каждой женщинѣ, въ каждой дѣвушкѣ, на одну минуту, чтобы сейчасъ же ранить мое сердце внутренно сказанными или только почувствованными словами: «Нѣтъ, не то. Нѣтъ, не она». Голуби ворковали безъ умолку. Голуби кружились около голубокъ, всплескивая своими вольными крыльями, улетаели, прилетали, ворковали, любили, любилась, рассказывали

свою сказку, манили и мучили сердце, которому въ этой сказкѣ не было мѣста. За окнами слышались знакомые голоса, но они были по-новому задорные и свѣжіе. Иди же, сердце, и люби. Любовь повсюду, она ждетъ. Но неискушенное сердце никуда нейдетъ безъ зова, оно слишкомъ, оно слишкомъ робко. Вотъ стаетъ снѣгъ совсѣмъ. Тогда. Но тогда, пожалуй, еще труднѣе будетъ найти слова, подобныя пѣснѣ. Развѣ у жаворонка научишься смѣлости. Вѣдь, онъ съ пѣсней летитъ прямо къ солнцу. Развѣ у соловья научишься нѣжному упорству. Вѣдь цѣлую ночь онъ поетъ, и слушаетъ его не только его любимая, но цѣлый лѣсъ.

Весна всюду и всегда хороша. Она — раскрытіе тайны. Она — причащеніе и приниканіе къ силамъ подземнымъ, земнымъ и небеснымъ. Весна — тотъ праздникъ, для котораго стоитъ тосковать и томиться много мѣсяцевъ, много зимъ, вынести много изгнаній.

И много весенъ я узналъ въ самыхъ разныхъ мѣстахъ земного шара. Но, если встрѣчать весну не въ русской деревнѣ, быть можетъ, лучше всего ее ласково встрѣтить во всемірно-прославленномъ Парижѣ, ибо весною этотъ городъ вдвойнѣ умѣетъ быть чаровникомъ.

Умѣетъ? Неужели я такъ сказалъ? Нѣтъ, умѣлъ. Больше не умѣетъ, ни весной, ни зимой, никогда. И не только Парижъ. Всякая столица, любой городъ. Города, достойные зваться городами, давно сошли съ ума. Выйди на улицу, пойди на большіе бульвары, которыми Парижъ гордится и даже кичитъ

ся, доберись до знаменитой Площади Согласія, съ ея египетскимъ каменнымъ псалмомъ Солнцепоклонничества, стройнымъ обелискомъ. Эта Площадь Согласія великолѣпна, какъ безмѣрная бальная зала. Бульвары сіяютъ пышностью и роскошью витринъ, ликуютъ всегда отъ некончающагося движенія и дѣятельности. Въ каждой улицѣ, — это прекрасно описалъ еще Бальзакъ, а до него и другіе, — есть свое отдѣльное собственное лицо. Но нигдѣ въ Парижѣ не спасешься отъ противнаго мерзостнаго автомобильнаго гудка. Всюду бѣшено несутся нелѣпые, вонючіе, гремучіе ящики, все назначеніе которыхъ умножать сумасшедшую быстроту передвиженія ѣдущихъ, съ полнымъ стѣсненіемъ свободы и спокойствія идущихъ. Перейти съ тротуара на тротуаръ — событіе, не всегда кончающееся благополучно. Нѣтъ дня, чтобъ въ Парижѣ не былъ кто-нибудь ушибленъ или убитъ автомобилемъ. Вѣдь эти гремучіе подвижные ящики всегда пьяны своимъ ненужнымъ бѣшеннымъ бѣгомъ къ выдуманному ложному цѣлямъ. Да если бы даже и не швыряли они прохожихъ о камни, если бы они не уродовали и не убивали прохожихъ, каждую минуту стерегущихся и думающихъ съ насупленными бровями, какъ бы это пройти, не оглядываясь, двѣ сажени, — развѣ именно вотъ это извращеніе такой естественной и необходимей, и красивой вещи, какъ прогулка и ходьба, соединеніе ея насильственное со страхомъ, съ опаской, съ оглядкой, не есть нѣчто, подобное кощунственному устрашенію, создаваемому въ Россіи для всѣхъ честныхъ людей современными тамошними опрични-

ками? Ты хочешь порадоваться весеннему дню и солнечному свѣжему воздуху, а тебя заставляют воровски перебѣгать улицу, дудять тебѣ въ уши и справа, и слѣва, и спереди и сзади, и вдобавокъ, въ награду за твой рабскій быстрый перебѣгъ, пускаютъ тебѣ прямо въ лицо клубъ невыносимой вони, преслѣдующей тебя не одну минуту.

Я люблю Парижъ давней преданной любовью. Но, говоря о Парижѣ въ ликѣ положительномъ, я всегда разумѣю тотъ прежній Парижъ, который я узналъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Какая красота — конь, это — самое красивое существо живое. Какое счастье — жить въ гигантскомъ городѣ, который, кромѣ шума, любитъ также тишь, и въ самыхъ громкихъ уличныхъ звукахъ соблюдаетъ размѣрный музыкальный строй. Въ топотѣ копытъ многихъ-многихъ лошадей есть мѣрная музыка, правильный размѣръ стиха, написаннаго Лермонтовымъ, написаннаго мной, — не свихнувшагося стиха, измышленнаго современнымъ взбалмошнымъ стихотворцемъ. И прежній Парижъ, какъ прежняя Москва, двѣ мои любимыя міровыя столицы, любили лошадь, уважали коня. Нигдѣ въ мірѣ, когда-то, — я не видалъ такихъ прекрасныхъ коней въ большихъ числахъ, какъ въ Москвѣ и въ Парижѣ. Развѣ еще въ Аравіи.

Когда Аллахъ, создавъ красивый міръ и увидавъ, что не хватаетъ въ немъ чего-то самого красиваго, возжаждалъ еще минуты верховнаго творчества, онъ протянулъ свою десницу и схватилъ горсть воздуха. Такъ возникъ арабскій конь. Вѣтеръ

есть воля, полетъ и пѣсня. Сколько ни слушай, вѣтеръ не надоѣстъ никогда, ибо его пѣсня — божеская и безконечная. Сколько ни слушай волнующую музыку, которая таится въ конскомъ ржаньѣ и въ топотѣ копытъ, не устанешь и не насытишься этимъ достаточно, потому что тутъ душа приникаетъ къ источникамъ жизни, къ таинству великаго единенія человѣческаго и звѣринаго, человѣческаго и божескаго. А машина — отъ человѣка. Тутъ тавтологія. Скука круженія въ самомъ себѣ, въ себѣ механическомъ, въ себѣ негармоничномъ, въ себѣ мертвомъ. Машина — отъ человѣка, и еще отъ Дьявола. Поэтому-то каждая машина, разъ возникши, непременно хочетъ, въ сумасшедшемъ скрипучемъ усилии, рости до уродливыхъ размѣровъ, часть превратить въ цѣлое, и, будетъ-ли это автомобиль или грамофонъ, машина издаетъ только подлые звуки и говорить поддѣльнымъ языкомъ.

Скромная-ли гнѣдая лошадь простого извозчика, этого «кошэ», который въ данное время встрѣчается разъ въ нѣсколько дней, — или могучіе тяжелые фламандскіе грохотуны, похожіе на нашихъ битюговъ, — или тонконогіе выѣздные кони, танцующимъ бѣгомъ уносящіе нарядную коляску въ Булонскій лѣсъ, не оскверненный ничѣмъ грубымъ, — все было изящно въ соединеніи человѣка со звѣремъ тогда... тогда... когда манило любовью нѣжное и грустное явленіе весны.

Первыя благовѣстія весны въ Парижѣ. Они всегда бывали одни и тѣ же, они не измѣнились и теперь, только стали менѣ четкими: больше стало

того, что ихъ портить, видоизмѣняетъ. Три вѣсти весны. Домчавшійся издалека волнующій вѣтеръ съ моря. Онъ доносится неотрицаемымъ свѣжимъ дуновеніемъ иногда и зимою. Но зимой въ немъ нѣтъ чего-то, такого зовущаго и освободительнаго. А вотъ повѣтъ вѣтеръ съ моря въ концѣ февраля или въ началѣ марта, и чувствуешь, что зима прошла, хоть будетъ еще идти дождь съ градомъ и будетъ еще не морской, а земной вѣтеръ долго пѣтъ по ночамъ въ твоёмъ каминѣ, шелестя желѣзной заслонкой и горько упрекая твою душу, что бросилъ ты родную землю, что тамъ по-иному поетъ вѣтеръ.

Вторая вѣсть — пѣніе канарейки на улицѣ. Едва только настанетъ первый теплый день въ Парижѣ, даютъ подышать этимъ солнечнымъ птичкамъ свѣжимъ некомнатнымъ воздухомъ. Парижанка ставитъ клѣтку съ канарейкой на балконъ или вывѣшиваетъ ее за окно, и заливается весело птичка съ теплыхъ острововъ. Какъ хорошо тогда идти по улицѣ и слышать этотъ переливчатый птичій голосъ. Улица перестаетъ быть улицей. Кажется, что дѣтство вернулось, и прохожіе, даже при сдержанности французовъ, при ихъ осторожности съ незнакомымъ, нѣтъ-нѣтъ да и улыбнутся одинъ другому, идя куда-то по дѣламъ и неожиданно услышавъ такой недѣловой звукъ, въ такомъ сомозабвенномъ ликованіи.

И третья вѣсть — скромные букетики подснежниковъ. Не въ цвѣточныхъ магазинахъ, гдѣ цвѣты не переводятся въ Парижѣ круглый годъ, и всегда богаты и краской и запахомъ, — нѣтъ, бѣ-

ленькіе, бѣдненькіе, тонкіе букетики, въ рукахъ зазябшей дѣвчонки съ выразительными просящими глазами. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ за цвѣты, которые первые захотѣли означить праздничную черту въ годовомъ счетѣ перемѣнъ. Эти цвѣтики похожи на тѣ мѣдныя монеты, за которыя въ нашей родной церкви мы въ дѣтствѣ покупали и ставили передъ любимой иконой тонкія восковыя свѣчечки.

Дни идутъ и солнце становится сильнѣе. Солнце проснется и въ нашей жизни, такой убогой. Солнце приведетъ къ намъ нашу Пасху, нашу волю, наше возвращеніе, нашъ поцѣлуй съ помнящими насъ и любящими.

Я ушелъ отъ людей. Выбралъ часъ, когда мало кого можно встрѣтить въ Булонскомъ лѣсу. Дошелъ до своей любимой скамейки, у меня есть такая. Я сижу на ней, тихонько радуясь, и смотрю на спокойную воду длиннаго озера. Мнѣ, конечно, нравятся бѣлые лебеди, и Бѣлаго Лебедя я пропѣлъ давно. Но хочется мнѣ признаться, что утки и селезни мнѣ милѣе. Они уютнѣй и роднѣе. У нихъ довѣрчивые, давно мнѣ знакомые, глаза, и такой довольный, радостью исполненный, голосъ. Помню я ихъ, этихъ утокъ. Въ моей родной деревнѣ, на пруду, я радовался имъ: я хожу по берегу, а онѣ плаваютъ. Радовался цвѣтистымъ перьямъ селезня. Помню, что десятки лѣтъ послѣ дѣтства я увидалъ изображенія этихъ родныхъ птицъ на стѣнахъ египетскихъ саркофаговъ. И вотъ, едва я это подумалъ, какъ одна утка, плескавшаяся въ водѣ озера совсѣмъ близко отъ меня, взлетѣла, взлетѣла еще выше,

поднялась очень высоко и полетѣла вдоль озера, какъ-будто направляясь къ солнцу. На мгновенье озадаченный селезень крикнулъ своимъ надводнымъ голосомъ и сорвался, отдѣлился отъ водной глади. Вонъ ужъ онъ гдѣ въ погонѣ за своей любимой. Догонить, сейчасъ догонить, догоняетъ по воздуху, нѣжно и стремительно потѣснить ее въ полетѣ, и вмѣстѣ упадутъ они въ родимую воду для слитной ласки весенняго счастья.

Моя мысль тоже улетѣла съ этими существами, любящими воду и воздухъ, воду, которая есть зеркало для глазъ, и воздухъ, который создаетъ вихри. Жестокъ былъ тотъ вихрь, который унесъ меня далеко отъ родныхъ мѣстъ. Но я слышу, какъ вѣтеръ, провѣявъ надъ цвѣтущими вишнями и яблонями, тихонько треплетъ мои волосы, овѣваетъ щеку и шепчетъ: «Будетъ же грустить: вернешься».

ГАДАНЬЕ

Когда, въ 1921-мъ году и въ 1922-мъ году, я въ продолженіе шестнадцати мѣсяцевъ жилъ въ Бретани, въ Сэнъ-Брэвенѣ Сосновомъ, недалеко отъ Сэнъ-Назера, я, конечно, многое потерялъ изъ литературныхъ возможностей, ибо, какъ вѣрно гласитъ испанская поговорка, у умершихъ и ушедшихъ нѣтъ друзей. Мои литературные сверстники устроили многія дѣла свои, которыхъ я, живя одинъ на берегу Океана, конечно, не устроилъ. Такъ, напримѣръ, когда одинъ парижскій издатель захотѣлъ печатать русскихъ авторовъ во французскомъ переводѣ, мои сверстники сумѣли помѣстить у него по четыре книги, а одинъ ухитрился помѣстить даже десять книгъ, я же, отсутствующій, сумѣлъ помѣстить только одну. Я радуюсь за своихъ сверстниковъ, и не очень огорчаюсь за себя. Каждому свое. Я жилъ зато въ непрекращающейся душевной связи съ вѣчно-поющимъ, съ вѣчно говорящимъ, съ вѣчно-открывающимъ новыя тайны Океаномъ, около котораго внимательная душа никогда не бываетъ одинокой и бѣдной.

За эти шестнадцать мѣсяцевъ я написалъ цѣлую книгу стиховъ, написалъ кромѣ того романъ «Подъ новымъ серпомъ», недавно вышедшій въ Берлинѣ. И это далеко не всѣ утѣхи и радости, которыя я испыталъ въ теченіе указаннаго срока въ маленькомъ Бретонскомъ мѣстечкѣ, въ плохенькой

виллѣ, — она, правда, была очень плохенькая, и зимой я жилъ тамъ не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Совѣтской Москвѣ — такъ же нуждался, такъ же зябъ и мерзъ. Но я былъ окруженъ деревьями, — но, засыпая и просыпаясь, я слышалъ пѣсню приходящаго и отходящаго Океана.

Я, кромѣ того, цѣлыми днями, совсѣмъ не видалъ людей. Это — великое счастье и великая душевная чистота. Для меня былъ живою убѣдительною не такой-то надоѣдливый человѣкъ, который здѣсь, въ Парижѣ, только что опять позвонилъ ко мнѣ и усѣлся въ моей комнатѣ, и цѣлый часъ мучилъ меня бесполезными и неумными словами. Гдѣ найдешь умнаго человѣка? Таковыхъ мало. Гдѣ найдешь гармоничную душу? Таковыхъ теперь вовсе нѣтъ. А тамъ, въ Бретани, я встрѣчалъ какого-нибудь виноградаря или рыбака, обмѣнивался съ нимъ двумя-тремя привѣтственными фразами, и мы расходились каждый въ свою сторону, не обременяя другъ друга разсужденіями о томъ, о чемъ разсуждать совершенно не нужно. Тамъ для меня были живыми убѣдительностями — свистъ пролетѣвшей птицы, покачиванье вѣчно-зеленой сосны противъ моего окна, расцвѣтшая въ зимнемъ воздухѣ мимоза у моего крыльца, медленно разливающіяся краски вечерней зари, перламутровыя, и хризолитовыя, и золотистыя, и розовыя, и грустныя, и родныя; тамъ вѣчно-убѣдительными были для меня широкіе шелесты океанской волны, вскипающей, приходящей, бросающей хлопья пѣны на песчаное побережье, по которому я шелъ надъ самой водой, долго, часами,

все впередъ, ничѣмъ не задаваясь, ни о чемъ не думая, и однако думая обо всемъ, о чемъ стоитъ думать человѣческой душѣ, которая любитъ высоту и волю, и творчество.

А когда, задумавъ много новыхъ мыслей и ощутивъ вѣяніе новыхъ созвучій въ душѣ, я начиналъ обратный путь домой, загорѣвшійся въ потемнѣвшей лазури тонкій серпъ новолунья уводилъ мечту мою домой, — не въ этотъ бретонскій мой временный домикъ, — а домой, въ Россію, въ дѣтство мое, въ юность, въ правду и въ красоту, въ мое чаяніе возврата, въ Новую Россію, которая будетъ, которая строится, какъ бы ни мѣшали ей случайныя историческія затрудненія и заблужденія. Ибо, конечно же, не только злыя силы тамъ работаютъ надъ созиданіемъ гибелей и лжей, но и силы творческія, которыя, въ концѣ-концовъ, какимъ-то невиднымъ мнѣ образомъ, возобладаютъ. А когда возобладаетъ сила правды, не можетъ быть, чтобы мнѣ, поэту, любящему волю и творчество, не было мѣста тамъ. Не можетъ быть, чтобы я, поэтъ, всегда ждущій новаго въ новомъ утрѣ, всегда любившій и нынѣ любящій работу и созиданіе, не нашелъ примѣненія своей личности въ мірѣ работающихъ и создающихъ.

Говоря съ самимъ собой и Океаномъ, я иногда все же впадалъ въ уныніе, въ тоску, даже въ отчаяніе. Мнѣ хочется рассказать, какъ четырекратно, въ такія темныя минуты, чужой поэтъ, нерусскій и неживой, освѣтилъ всю мою темноту. Нерусскій? Развѣ поэты, будучи глубоко національными всегда, если они чего-нибудь дѣйствительно стоятъ, не го-

ворять одновременно и своимъ соотечественникамъ и любому иному слушающему? И развѣ поэтъ, достойный такъ называться, можетъ быть когда-нибудь неживымъ? Если онъ ушелъ съ этой планеты-Земли, онъ оставилъ свою книгу, свои книги, свои записи, лѣтопись души.

Поэтъ, о которомъ я сейчасъ говорю, былъ образцовымъ мастеромъ сонета, и звался Хосэ Эредія. Его книгу «Трофеи» я читалъ когда-то давно и почти забылъ. Но, когда мнѣ казалось однажды, въ моихъ морскихъ часахъ, что я забыть всѣми, я раскрылъ эту книгу плѣнительно написанныхъ французскихъ сонетовъ, и мнѣ открылось: «Plus ultra». Я прочелъ и переписалъ по-русски:

Властитель человѣкъ въ землѣ горячей львовъ,
И змѣямъ, и ядамъ черта — его законы.
По золотымъ слѣдамъ, гдѣ мчались галіоны,
Встревоживъ Океанъ, онъ — царь среди валовъ.
Но далѣе, чѣмъ снѣгъ, и дальше всѣхъ вѣтровъ
Мальстрема страшнаго, Шпицбергеновъ гдѣ склоны
Безплодны, полюсъ шлетъ волны чуть слышной звоны
На островъ, гдѣ не всталъ никто изъ моряковъ.
Плывемъ. Я разломлю преграду ледяную.
Въ безстрашномъ тѣлѣ — вотъ — душа съ своей то-
ской.

Конкистадоры — тѣнь съ ихъ славой золотой.
Иду. Послѣдній мысъ, взойдя, я завоюю.
Пусть море, никому не пѣвшее волной,
Мнѣ, гордому, споетъ свою хвалу морскую.

Я долго смотрѣлъ на эти строки, и мнѣ казалось, что это про меня. Да, напѣвъ обо мнѣ, давишемъ, юномъ, торжествующемъ, странствующемъ, мѣняющемъ по прихоти своего сердца пребываніе въ

Испаніи на побывку въ Норвегіи, мѣсяцы въ Южной Африкѣ на долгіе мѣсяцы въ зачарованномъ царствѣ Самоа, Тонга, Фиджи и Явы.

И, открывъ книгу въ другомъ мѣстѣ, я прочелъ, горько усмѣхнулся и переписалъ по-русски:

РАБЪ.

Вотъ, грязень, страшень, нагъ, отбросами кормимъ,
Я—рабъ — взгляни: клеймо, на тѣлѣ знакъ, не скрою.
Но вольнымъ я рожденъ надъ бухтой голубою,
Въ ней зеркало нашла гора верхамъ своимъ.
Счастливый островъ мой. Зачѣмъ разстался съ нимъ?
Коль Сиракузы ты, и пчелъ, и склонъ съ лозою
Вновь узришь, возвратясь за лебедемъ весною,
Спроси о той, кого любилъ я, былъ любимъ.
Найди. Скажи. Я живъ, хоть боль многострадальна.
Увижу ли ея глаза, фіалокъ цвѣтъ?
Лазурь небесъ родныхъ — улыбкой въ нихъ — зеркальна.
А тонкій сводъ бровей побѣдно въ ночь одѣтъ.
Съ ней свидѣться опять — иной надежды нѣтъ.
Ее узнаешь ты: она всегда печальна.

Мое чтеніе, наудачу, сонетовъ Эредіа стало мнѣ казаться разговоромъ души съ душой. Такъ подошли къ настроенію и къ моимъ обстоятельствамъ два эти напѣва. Конечно, если я сравню лучезарное мое прошлое, въ Россіи и въ дальнихъ странствіяхъ, съ моимъ пригнетеннымъ, стѣсненнымъ, никчемнымъ теперешнимъ пребываніемъ на чужбинѣ, этотъ сонетъ — тоже обо мнѣ и о той, кого я оставилъ въ родныхъ мѣстахъ, о комъ не могу не тосковать.

«А жива ли она?» — подумалъ я и снова раскрылъ наудачу книгу. Она мнѣ отвѣтила:

ЮНАЯ УШЕДШАЯ.

Кто-бъ ни былъ ты, живой, пройди межъ травъ скорбй
Холма печальнаго, гдѣ прахъ грустить мой, тлѣя.
И не топчи цвѣты, не трогай мавзолея,
Гдѣ слышу, какъ ползетъ и плющъ и муравей.
Ты замедляешься? Чу, пѣсня голубей.
Кровь галубиная да не мелькнетъ, алѣя.
Будь милымъ, пощади крылатаго, жалѣя.
А жизнь такъ ласкова! Дай насладиться ей.
О, другъ. Подъ миртою — ты знаешь-ли? — вѣтвистой,
Супруга-дѣвушка, на брачной я чертѣ
Упала мертвая и лишь живу въ мечтѣ.
Въ глаза сомкнутые свѣтъ не дойдетъ лучистый.
Мнѣ нынѣ суждено быть вѣчно въ темнотѣ,
Мой домъ безжалостный — Эребъ средь ночи мгливой.

«Если я потерялъ все мое дорогое», подумалъ
я, «если схоронено все то, что моя душа любила,
какъ женихъ любить невѣсту, и какъ невѣста лю-
бить жениха, что же остается мнѣ?» И снова Эредіа
отвѣтилъ мнѣ:

МОРСКОЕ ДУНОВЕНІЕ.

Въ раздольяхъ духъ зимы опустошилъ цвѣты.
Все обезжизнено. Лишь о скалу сѣдую
Дробить Атлантика волну свою густую.
Послѣдній лепестокъ дрожить средь пустоты.
И все же ароматъ тончайшей красоты
На вѣтеркѣ морскомъ ко мнѣ доходитъ, чую.
Тепломъ онъ въ сердце льетъ свою струю хмѣльную.
Дыханье странное, скажи, откуда ты?
А, узнаю его. Тысячеверстной дали
Пройдя голубизну, мечты Антилскій братъ,
Онъ, жаркій, долетѣлъ оттуда, гдѣ Закатъ.
Кимрійская волна подъ нимъ блѣднѣе стали.
И на сѣдой скалѣ цвѣткомъ дохнуть я радъ,
Что гдѣ-то возросилъ — Американскій садъ.

Я закрылъ книгу. Я ушелъ къ Бретонскимъ скаламъ. Я цѣлую ночь до утра сидѣлъ на камнѣ надъ волнами, и онѣ говорили со мною внятнымъ языкомъ.

Здѣсь въ Парижѣ, въ душномъ, въ людномъ, въ скучномъ, въ чужомъ, даже и книги поэтовъ мертвы для меня, онѣ раскрываются всегда на нѣмой, ненужной для меня страницѣ. Лишь вѣтеръ съ моря иногда долетитъ и сюда, и говорить, что Океанъ сильнѣе суши. Да налетитъ иногда гроза съ громомъ и молніей, и говорить мнѣ, что и людскія грозы, неизмѣримо менѣе красивыя, все же кончаются освѣженіемъ воздуха. Этотъ голосъ убѣждаетъ меня, чтобы я подождалъ, не падалъ духомъ, потому что настанетъ часъ, и, уставши отъ грязи, крови, глупости и злости, людидохнуть свѣжаго воздуха, увидятъ новое Солнце, скажутъ веселое «здравствуй» утру и вновь полюбятъ позабытое ими строительство.

УЛИЦА

Домъ и улица, улица и домъ. Что сильнѣе? Какая изъ этихъ двухъ сущностей болѣе завладѣетъ вниманіемъ и всей душой, вопреки твоему убѣжденію и твоимъ обычнымъ наклонностямъ?

Конечно, зимою сильнѣе домъ, а лѣтомъ улица. Это такъ просто. Зимой на улицѣ часто неуютно, холодно или дождливо, а если и лѣтомъ улица бываетъ неуютна изъ-за пыли и жары, такъ дома ужъ вовсе тяжко: душно, дышать совсѣмъ нечѣмъ, и притомъ же окна открыты, улица все равно ворвалась въ комнату, гонить изъ нея, — ни говорить, ни читать, ни писать, грохотъ вошелъ и кричить: «поди-ка вонъ».

Я выхожу на улицу. Я иду, не зная, куда идти, по каменнымъ тротуарамъ, разогрѣтымъ безжалостными лучами чѣмъ-то взбѣшеннаго солнца.

Я живу въ кварталѣ, довольно странномъ по соединенію совершенно разнородныхъ человѣческихъ элементовъ, совершенно не соприкасающихся одинъ съ другимъ. Это маленькая улочка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бульвара Пастеръ. По сосѣдству мастерскія художниковъ и ваятелей. По сосѣдству институтъ Пастера, гдѣ когда-то съ Максомъ Волошинымъ я былъ у Мечникова, а совсѣмъ на дняхъ разговаривалъ съ бактериологами иными, нашимъ знаменитымъ Заболотнымъ, итальянцемъ Мальфитано, полякомъ Данишемъ. Я естественными

науками очень интересуюсь. И совѣмъ по сосѣдству какой-то заводъ, — изъ окна моей столовой, премалюсенькой. Я каждый день смотрю на заводскій дворъ, вижу пыльное зданіе завода, съ лѣсами около него, вижу на дворѣ тачки, кучи щебня, кучи длинныхъ новыхъ досокъ, — вѣрно, онѣ душистыя отъ свѣжаго духа дерева, — и каждый день жалѣю одно одинокое зеленое деревцо, которое пріютилось среди камня и желѣза на этомъ пыльномъ дворѣ и не хочетъ умирать, — запылится, смоемся дождемъ и снова зеленѣетъ въ уголкѣ. Вотъ туда мнѣ больше всего хотѣлось бы пойти, къ рабочимъ, поговорить съ ними, сказать имъ, что, хоть я одѣтъ немного по иному, я ѣмъ то же, что и они, вина пью гораздо меньше, душевнаго спокойствія знаю въ сто разъ меньше и, работая, не обогащаюсь и не имѣю даже необходимаго для себя.

Но какъ дойти къ нимъ, хоть они и близко? Нѣтъ у меня такого таланта. Я смотрю на нихъ и завидую, что они дѣлаютъ то, что кому-то опредѣленнѣйшимъ образомъ нужно и необходимо. А мой тяжкій внутренній трудъ, біенія моей мысли, метанія моего чувства, построенья моихъ словъ, созвонности моей пѣсни, — кому это, для чего это теперь? Это не нужно никому.

Но какіе, однако, бываютъ странные рабочіе? Должно думать, что и въ этой области весьма неладно, хоть меня и увѣряютъ многіе, что именно рабочіе ручного труда находятся здѣсь въ данное время въ наиболѣе завидномъ положеніи.

Я шель сегодня, не зная, куда мнѣ идти и что

дѣлать. За нѣсколько шаговъ передо мной, по тому же горячему тротуару, шло двое. Одѣты они были неопредѣленно, возрастъ ихъ былъ немолодой, и я, судя по ихъ неторопливой походкѣ и по ихъ манерѣ смотрѣть направо и налево и повсюду, принялъ ихъ за бродягъ. Вдругъ одинъ наклонился и, что-то поднявъ съ тротуара, положилъ къ себѣ въ карманъ. «Ну, конечно», подумалъ я, «нашелъ, горемычный, какую-то монетку». Черезъ мгновеніе онъ повторилъ движеніе, а еще черезъ мгновеніе и другой сдѣлалъ то же. Не ускоряя своихъ шаговъ и оставляя между собой и этими двоими нѣкоторое разстояніе, я сталъ слѣдить за ними; они замедлялись — и я замедлялся, они шли скорѣе — и я шелъ скорѣе. Когда они повернули на другую улицу, я повернулъ и пошелъ вслѣдъ за ними. При поворотѣ я разсмотрѣлъ въ точности и удивленно про себя повторилъ цифру. Одинъ подобралъ пятнадцатый окуркъ папирсы, другой семнадцатый. Они подбирали окурки. Я шелъ вслѣдъ за ними, желая, во что бы то ни стало, посмотреть, чѣмъ это окончится, и попытаться выяснитъ, кто они, эти двое. Мнѣ пришлось недолго ждать. Они вошли во дворъ ближайшей желѣзнодорожной торговой станціи, дошли до того мѣста, гдѣ происходила выгрузка какихъ-до ящиковъ изъ товарнаго поѣзда и принялись за работу выгрузки. Я постоялъ нѣсколько минутъ изумленный и пошелъ прочь.

Быть подбиральщикомъ окурковъ — опредѣленная профессія. Я давно ихъ видалъ здѣсь въ Парижѣ, подбиральщиковъ, но никогда я не видалъ

подбиральщика окурковъ, который одновременно былъ станціоннымъ выгрузчикомъ. Когда-то, за много лѣтъ до войны, я часто сиживалъ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь, за стаканомъ вина, на большихъ бульварахъ. Между четырьмя и шестью пополудни всегда двигалась тогда очень живописная, опредѣленнаго состава, нарядная толпа, внизъ и вверхъ по бульварамъ. Теперь эта опредѣленность и, вообще, качества движущейся толпы весьма спутались. А тогда, въ какомъ-нибудь 1900-мъ году, или 1912-мъ, я, какъ человѣкъ толпы Эдгара По, любилъ тѣ мѣста города, гдѣ оживленіе наибольшее, и, какъ Эдгаръ По, я любилъ смотрѣть на движущуюся толпу и умѣлъ угадывать лица и тождества. Въ этомъ очаровательномъ золотистомъ воздухѣ кончающагося дня, послѣ долгихъ часовъ чтенія интересныхъ любимыхъ книгъ и писанія завѣтныхъ страницъ, такъ хорошо было сидѣть гдѣ-нибудь на Итальянскомъ бульварѣ, чувствовать ликующій Парижъ съ его остроуміемъ, смѣхомъ, мыслью, дѣятельностью, безпутствомъ, пестротой всѣхъ народовъ и званій, и темпераментовъ, и отдѣльныхъ судебъ, скользить глазами по страницамъ душъ, на минуту пріоткрывающихся въ смѣнѣ лицъ и фигуръ. Мнѣ всегда становилось жутко и неудобно, мнѣ всегда становилось какъ-то совѣстно за свой стаканъ хорошаго вина и за свою египетскую папироску съ золотымъ обрѣзомъ, когда мимо моего стола, мимо сосѣднихъ столовъ, осторожно пробиралась опредѣленная фигура неотрицаемаго свойства. Этотъ призракъ былъ подбиральщикъ окурковъ, у него висѣла сбоку

нѣкая торба, въ правой рукѣ было нѣкое орудіе, подобное палкѣ съ металлическимъ наконечникомъ, и во всемъ этомъ человѣкѣ всегда было нѣчто, напоминавшее неудачника-алхимика. Какіе-то пустые глаза, слишкомъ долго смотрѣвшіе туда, откуда не пришло желанное. Какая-то каменная озабоченность лица, возрастъ котораго неопредѣлимъ, и бѣдствія котораго, давно пройденныя, какъ-будто измѣряются сотнями лѣтъ.

Однако. Тамъ на большихъ бульварахъ города Парижа, даже и въ такомъ ремеслѣ есть чѣмъ поживиться. На бульварахъ много курятъ сигары. Много около кафэ окурковъ сигаръ, а есть и потерянныя вещи, и потерянные монеты, у золота есть отсвѣтъ вѣхи необманчивой, и мнѣ сказывали, что среди этихъ неудачныхъ алхимиковъ своей судьбы попадаютъ иногда такіе, что въ ихъ лачугѣ, послѣ смерти, находятъ цѣлое состояніе. Пусть это бываетъ разъ въ полстолѣтіе или въ четверть вѣка. Тутъ, ужъ отъ присутствія въ рядѣ неудачниковъ одного сказачнаго счастливца, на всѣхъ падаетъ какое-то ободреніе, признакъ отмѣченности.

А спрятать въ собственный карманъ двадцать окурковъ отъ той дешовки, которую курятъ въ этомъ кварталѣ ученыхъ, художниковъ и рабочихъ, — прекоротенькихъ окурковъ папиросы капорала или мэрилэнда. Вотъ такъ добыча. И таскать послѣ этого тяжелые ящики. Совсѣмъ неуютно.

Быть можетъ, то, что я увидѣлъ, случай единственный. Не знаю. Быть можетъ, это лишь одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ того сдвига внизъ,

того рокового всеобщаго измѣненія, которое произошло вездѣ въ Европѣ, послѣ этой проклятой чудовищной войны, показавшей, что въ европейцѣ звѣрь сильнѣе человѣка.

Парижъ не тотъ. Въ самомъ характерѣ народномъ — измѣненіе, и къ худшему. Никогда больше, идя по улицѣ Парижа, гдѣ бы то ни было, не слышишь того перекрестнаго дождя шутокъ, смѣха и остроумія, который раньше составлялъ одно изъ главныхъ очарованій парижской улицы, указуя народъ веселый, умный, жизнерадостный, мгновенный въ своей находчивости, изобильный на острое слово. Шутки больше нѣтъ, или же она тупа. И за всѣ двадцать лѣтъ, раньше я ни разу не видалъ на улицѣ, въ кафѣ, или на станціи того прискорбнаго зрѣлища, которое вижу теперь чуть не каждый день. Смертельно пьянаго человѣка. Пьянаго по-нашему, по-скифски, такъ что всѣмъ кругомъ страшно отъ него.

Что-то произошло, что было чрезмѣрно даже для такого сильнаго и гармоничнаго народа, какъ французы. Слишкомъ много было жертвъ, слишкомъ много было пролито крови, своей и чужой. И всѣ громкія слова, которыя сказаны были, не только для обмана, но и чистосердечно также, всѣ обманули, всѣ оказались мусоромъ, нѣтъ больше правды; драгоцѣннѣйшій даръ, человѣческое слово стало фальшивой стертою монетой. Никто нигдѣ не сможетъ сейчасъ найти въ себѣ такое слово, которое было бы благовѣстомъ.

Я прошелъ всю линію бульваровъ, томясь и

скучая и не чувствуя себя связаннымъ съ кѣмъ-либо, или съ чѣмъ-либо. Я сѣлъ въ трамвай и доѣхалъ до высокаго Монмартра. Я около храма Sacré-Coeur. Высокій бѣлый сонъ. Почти нашъ, почти Византійскій. Могучій колоколъ, хоть несравнимый съ московскимъ царь-колоколомъ, но самый большой колоколъ Франціи. Хорошо, что онъ на самой высокой точкѣ Парижа.

Вотъ онъ весь отсюда виденъ, могучій несравненный городъ, со своимъ величіемъ, которое дорого не однимъ французамъ, со своимъ прошлымъ, которое свидѣтельствуетъ о неукротимости человѣческаго духа, со своимъ очарованіемъ неувеличимымъ, которое притягиваетъ одинаково русскаго и норвежца, негра и китайца, сіамца и калмыка. И со своей нищетой, которую легче сносить въ этомъ городѣ, чѣмъ въ другомъ. И со своими огнями, вспыхнувшими тамъ, и тамъ, и тамъ, далеко внизу, въ безмѣрномъ человѣческомъ муравейникѣ, гдѣ такъ же мало правды и справедливости въ участяхъ, какъ въ любомъ людскомъ муравейникѣ, но гдѣ отдѣльный смѣлый духъ мыслить, горить, терзается, хочетъ и достигаетъ.

ВОРОБЬЕНЫШЪ

Говорятъ, что все познается по сравненію. Невѣрно это говорить. Потому что, когда мы любимъ въ первый разъ, мы любимъ безъ сравненія, и нѣтъ у насъ тогда для сравненія никакой еще основы. А первая любовь бываетъ зоегда лучшая, и мы познаемъ ее, какъ лучшее, что можетъ быть даровано и суждено человѣку.

А когда пройдетъ цѣлая жизнь и много у насъ въ рукахъ всякихъ сравненій, — больше, чѣмъ хотѣлось бы имѣть и знать, — мы, пробѣгая духовнымъ нашимъ оглядомъ всю многоликость нашего опыта, все безмѣрное разнообразіе видѣннаго, видимъ и знаемъ, что да, мы были правы тогда, въ нашемъ дѣтствѣ или въ нашей юности, рѣшивъ, что наша первая любовь — лучшее, что можетъ случиться.

Первая любовь не непременно желанное лицо любимой, совсѣмъ не непременно дѣвушка. Моя первая любовь — деревня, усадьба, гдѣ я родился и выросъ. Моя первая любовь — насыщенное Солнцемъ, весеннее утро, и я самъ, лѣтъ четырехъ, сидящій на родномъ балконѣ и любующійся душистыми большими кустами лиловой и бѣлой сирени, вокругъ которыхъ выются безмолвныя бабочки, желтыя, бѣлыя и красноватыя, и рѣютъ и мелькаютъ съ непрерывнымъ звономъ пчелы, такія мохнатыя

и добрыя, злыя красивыя осы съ тонкими таліями, огромные полосатые шмели, которые совершенно торжественны, и пестрыя мухи, непохожія на тѣхъ, что звенять о стекла оконъ въ домѣ.

Первый часъ моего сознанія, долгій часъ, въ одно сліявшій мое утро, мое дѣтство, съ Солнцемъ, съ весной, съ цвѣтами, съ деревьями, съ золотистоголубымъ воздухомъ, съ мелькающими веселыми живыми существами, которымъ хорошо и которыхъ никто не трогаеть, — вотъ моя первая любовь.

Она мѣнялась, любовь, многократно и много-разно, въ нее входило все больше ликовъ и все больше сложности, но она не измѣнялась, любовь, ибо любовь измѣниться не можетъ по существу своему. Она мѣняетъ только свою степень и свои одежды. Любовь первая есть и послѣдняя. Любовь одна.

Сидя у своего парижскаго окна, я смотрю на сѣрыя стѣны домовъ, только что омывшихся дождемъ, вспоминаю великолѣпный стихъ гдѣ-то потерявшагося въ пространствѣ моего друга Максиміана Волошина:

«Въ дождь Парижъ расцвѣтаеть, какъ сѣрая роза», — и, видя, что небо много выше крышъ и что оно, какъ въ дѣтствѣ моемъ, такое же голубое и неувядаемо-красивое, я тихонько думаю, что, пожалуй, душа моя всю жизнь питалась и сейчасъ насыщается тѣмъ первымъ утромъ, той первой любовью, — выросшей изъ этого безсмертнаго утра способностью любить міръ и живыя существа и знать,

какъ это въ свой часъ узналъ Магометъ, что любоваться красотой — творить дѣло Божіе.

Я люблю деревню и не люблю городъ. Нѣтъ, это не такъ. Городъ я тоже люблю, но любовью мучительной, и она исчерпывается всегда въ очень короткій срокъ. Если бы у меня была свобода выбора, я поселился бы опять въ родной глуши или на берегу Океана. Въ родную глушь дорога отрѣзана надолго, быть можетъ, навсегда. На берегу Океана снова очутиться легче, но, волей историческихъ обстоятельствъ, я нищъ, и неукоснительная необходимость заставляетъ меня жить въ городѣ, гдѣ есть хоть небольшія возможности заработка. Кто любитъ природу и живыя существа, нечеловѣческой жизнью живущія живыя существа, тотъ всегда въ городѣ томится, видя въ немъ мертвое сцѣпленіе камня и металла, пыльное торжище, безмѣрный погостъ живыхъ привидѣній. Непостижимо упорна преданность дѣтскихъ привычекъ. Если здѣсь, въ Парижѣ, иногда, какъ-будто чудомъ, я утромъ услышу, полупробужденный, звонкое пѣніе пѣтуха, я слышу этотъ звукъ, какъ благословеніе, какъ вѣсть изъ міра, въ которомъ только счастье и нѣтъ шатаній и колебаній, совершенно неизвѣстны сомнѣнія. Но услышать пѣтуха въ Парижѣ почти такъ же трудно, какъ услышать пѣніе Жаръ-Птицы. Легче услышать страстные вопли кошки ночью, и даже этому звуку радуешься, какъ природному звуку, непохожему на свистъ локомотива, на грохотъ трамвая, на уродливые шумы другихъ проѣзжающихъ экипажей. Живыя существа

исключены изъ городского обихода, или, если они возникаютъ, то возникаютъ въ ликѣ искаженномъ. Собака — въ намордникѣ. Птица — въ клѣткѣ.

Мнѣ было любопытно замѣтить собственное ощущеніе. Однажды какъ-то въ нестерпимо жаркій іюльскій день я шелъ одинъ по какой-то пустынной улицѣ. Прохожихъ не было. Всѣ спрятались отъ зноя, кто куда. Я шелъ, возвращаясь домой, послѣ нудныхъ бесполезныхъ хлопотъ о чемъ-то, и эта пустынная улица мнѣ скорѣе нравилась полнымъ отсутствіемъ людей на ней. Это уже походило на природу, весьма пустынную, конечно; но и пустыня хороша. Внезапно, изъ одного отверстія, одного изъ тѣхъ, что зіяютъ надъ скрытыми подъ улицей и тротуаромъ сточными трубами, выползла преогромная крыса, неторопясь прошлась около тротуара, по которому я шелъ, сажени двѣ, и скрылась въ слѣдующее отверстіе. Видно, что мало у меня радостей отъ живыхъ существъ, живущихъ не по-человѣчески, — а также и отъ существъ человѣческихъ, — если даже этой безобразной крысѣ я обрадовался по-настоящему. Хоть бы поговорилъ съ ней, если бы только умѣлъ. И врядъ ли она бы мнѣ сказала вещи, болѣе глупыя и болѣе злыя, чѣмъ кто-нибудь изъ человѣковъ. Вѣдь языкъ глупости и злости среди людей всегда имѣлъ успѣхъ, а нынѣ предпочтенъ передъ всѣми человѣческими нарѣчіями.

Кстати, о крысѣ и о злости. Здѣсь въ Парижѣ, однажды, — уже давно, — я видѣлъ такую сцену. Я жилъ тогда около храма Мадленъ, на улицѣ Бо-

аси-д'Англя, въ небольшомъ отелѣ, расположенномъ на широкомъ дворѣ за оградой, и каждое утро ходилъ въ Національную библіотеку, представляющую изъ себя столь изумительное книгохранилище, гдѣ душа можетъ знать безъ конца счастье испустаться во всѣхъ моряхъ и во всѣхъ эпохахъ. Выйдя разъ изъ дверей для ежедневнаго своего похода, я задержался на дворѣ, увидѣвъ странную группу. Нѣсколько людей, господа и ремесленники, стояли съ видомъ ликующимъ и заинтересованнымъ вокругъ отельнаго гарсона, который одной рукой держалъ клѣтку съ крысой, а другой держалъ за ошейникъ порывавшуюся изъ неволи небольшую собаку. Прежде чѣмъ я успѣлъ понять, въ чемъ тутъ дѣло, гарсонъ пріоткрылъ дверцу клѣтки, вѣрнѣе, западни. Крыса не хотѣла выходить. Онъ ее вытряхнулъ, — она побѣжала. Тогда онъ спустилъ собаченку, и та въ одно мгновеніе нагнала крысу, мѣткимъ движеніемъ схватила ее какъ-разъ посрединѣ спины и перехватила ей пополамъ спинной хребетъ, при громкомъ хохотѣ и гоготаньѣ этихъ собравшихся мерзавцевъ. Поблѣднѣвъ отъ негодованія, я быстро подошелъ къ ближайшему человѣку и хотѣлъ ему сказать рѣзкое слово. Но я увидѣлъ такую ликующую насмѣшку на такомъ нагломъ лицѣ, что, сцѣпивъ зубы, молча пошелъ прочь. Въ тотъ день ни одно изъ умственныхъ сокровищъ Парижской библіотеки не могло сдѣлать меня счастливымъ и яснымъ.

Миѣ, конечно, не неизвѣстно, что крыса очень вредное животное, и, если ее уничтожаютъ, это вполне естественно. Но дѣлать изъ этого истребленія

такую мерзостную забаву, поистинѣ же это занятіе — мерзавческое.

Я склоненъ думать, что женское сердце лучше мужского. Во всякомъ случаѣ, другая маленькая сцена, которую недавно я видѣлъ здѣсь, недалеко отъ моей улицы, очень выразительна и годится для сравненія, хоть настаиваю, что не сравненіе — путь познанія.

Въ началѣ лѣта, я шелъ однажды утромъ по сосѣдному бульвару Пастѣръ. То было время, когда у многихъ птицъ птенцы уже подросли и начали летать, перелетая съ дерева на дерево. Труднѣе птенцамъ, еще неопытнымъ, перелетать не съ дерева на дерево, а съ дерева на-земь и обратно. Такой неопытный воробьенышъ легко дѣлается добычей злого мальчишки, или кошки, или мимо бѣгущей собаки. И когда я шелъ, именно такой неискушенный птенецъ-воробей пытался, попавъ на землю, очутиться опять на деревѣ, гдѣ встревоженно покрикивали старые воробей и воробьиха, и никакъ не могъ достичь желаемого. Взлетѣвъ на половину должной высоты, онъ, трепеща слабыми крылышками, опускался или, точнѣе, падалъ на-земь. Это увидѣла изъ противоположнаго небольшого кафѣ служанка. Можетъ быть, впрочемъ, это была дочь хозяйки, и потому она рѣшилась, не боясь потерять кліентовъ, заняться воробышкомъ. Она выбѣжала изъ кафѣ, безъ труда поймала воробьеныша и посадила на нижнюю вѣтку ближайшаго дерева. Мало толку. Опять онъ свалился — земля его притягивала. Дѣвушка снова помогла пичугѣ: посадила на вѣтку

немного повыше. Къ птенцу слетѣлись старые воробей и воробыха и начали его по-воробыному бранить и усовѣщевать. Дѣвушка успокоилась, вернулась къ своему кафэ, но не вошла въ него, а стоя около входа, продолжала съ неотступной заботливостью смотрѣть на дерево, выжидая, что будетъ дальше. Дальше произошло страшное и прекрасное, настолько прекрасное, что позабыть это мудрено. Воробышекъ снова слетѣлъ, а слетѣвъ, перелетѣлъ на самую середину улицы и побѣдно усѣлся на мостовой. Въ это время бѣшено несущійся автомобиль сталъ быстро приближаться къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ воробыенышъ. Было видно, что онъ какъ разъ лѣвымъ колесомъ, болѣе далекимъ отъ кафэ, раздавить птицу. Вдругъ, — скорѣе, чѣмъ можно сказать «разъ, два, три», — дѣвушка, видѣвшая все это такъ же, какъ я, неподвижно стоявшій на бульварѣ, — отдѣлилась отъ порога кафэ съ такой стремительностью, какъ-будто она оттолкнулась отъ своего дома и, пробѣжавъ передъ самымъ автомобилемъ, уже вотъ-вотъ набѣгавшимъ, схватила воробышка и спасла его. Онъ былъ спасенъ, этотъ избранный воробышекъ, и пущенъ въ какой-то садъ. Но то, что эта дѣвушка не очутилась подъ автомобилемъ, я считаю безусловнымъ чудомъ. И когда черезъ минуту я прошелъ вплоть около этого кафэ, я увидѣлъ, что теперь уже не старые воробей и воробыха бранять и усовѣщеваютъ воробыеныша, а взрослая дама и нѣсколько посѣтителей кафэ взволнованно говорятъ что-то дѣвушкѣ, которая стояла смущенная и счастливая.

Пока я пишу, мнѣ приходитъ въ голову, что я

ни разу послѣ этого маленькаго событія не зашелъ въ кафэ и не попытался увидѣть эту дѣвушку и что-нибудь сказать ей. Но скажите мнѣ на милость, что бы я ей могъ сказать? Я сказалъ бы: «Если-бъ я былъ не нищимъ поэтомъ, а богатымъ сеньоромъ, я бы подарилъ вамъ прекрасный замокъ съ большимъ садомъ и подарилъ бы вамъ одновременно сто клѣтокъ съ разными птицами. Въ самый солнечный день, когда цвѣтутъ розы, отъ которыхъ падала бы розовая тѣнь на ваше лицо, мы съ вами вмѣстѣ цѣлый день выпускали бы изъ клѣтокъ птицъ на волю. А когда настала бы ночь, въ вашъ садъ стали бы съ неба падать звѣзды». И дѣвушка, конечно, отвѣтила бы: «Мосье хочетъ бѣлаго вина или краснаго?» И, быть можетъ, лукаво улыбнувшись, она сказала бы еще съ разстановкой: «Или, можетъ быть, мосье уже выпилъ довольно?»

Нѣтъ, я не буду искать случая испортить красиво совершившееся. Въ прекрасныхъ событіяхъ хороша нѣкоторая неоконченность.

И пока я пишу, уже настала ночь. Звѣзды не падаютъ въ мой садъ — у меня больше нѣтъ сада. Но въ расщелинахъ стараго сосѣдняго дома острымъ голосомъ поетъ сверчокъ, а въ сосѣднемъ чужомъ саду голосомъ болѣе мѣрнымъ и умягченнымъ поютъ цикады. Мнѣ хорошо отъ этихъ звуковъ: они мнѣ говорятъ, что жизнь еще не кончилась, что есть еще въ мірѣ существа, у которыхъ нѣтъ сомнѣній и которымъ весело дышать и бросать свой голосъ въ пространство.

Я смотрю на небо. Звѣзды разбросались. Звѣзд-

ный олень поднялъ свои рога и ведетъ мою мысль къ Сѣверу. Да пошлетъ Судьба той странѣ, которая дала мнѣ жизнь, многотравные луга, плодородныя нивы, счастливыхъ людей, правдивые дни, несчетныя стада коровъ съ тяжелымъ выменемъ, звонкіе табуны коней, что всегда такъ красивы были въ Россіи... «Это будетъ», отвѣчаетъ мнѣ одна звѣзда, которой захотѣлось упасть съ неба на землю.

ГДѢ МОЙ ДОМЪ?

Это было въ Москвѣ, въ 1920-мъ году, въ одинъ изъ тусклыхъ зимнихъ дней. И небо и земля были съ утра затянуты всеразлитой дымкой, той странной и жуткой бѣлесоватостью, которая чѣмъ-то напоминаетъ жуть бѣльма, лишаящаго человѣчскій глазъ нашего лучшаго дара — способности видѣть.

Снова я проснулся въ холодной постели, въ комнатѣ, издавна промерзлой, ибо давно уже намъ топить было нечѣмъ. Полураскрытыми глазами, чувствуя въ душѣ и въ тѣлѣ утомленіе безграничное, я смотрѣлъ, и все кругомъ было такъ, совершенно такъ же, какъ это установилось уже много недѣль и мѣсяцевъ. Я лежу на диванѣ, въ комнатѣ, которая когда-то была моимъ рабочимъ кабинетомъ, а теперь стала учрежденіемъ всеобъемлющимъ. Рабочимъ моимъ кабинетомъ эта комната не перестала быть. Шкафъ съ книгами, — поэты и философы, книги по исторіи религій, много книгъ по естествознанію, — стоитъ на своемъ мѣстѣ: этого у меня никто не отнялъ. На своемъ мѣстѣ и письменный столъ; на немъ тоже правильные ряды книгъ и вчера оконченная рукопись, которая никому не понадобится. Она никому и не нужна. Это — нѣчто о древнихъ мексиканцахъ. Противъ меня, у стѣны, гдѣ дверь, — моя кровать. Въ этой холодной постели, нѣсколько согрѣвая другъ друга тѣлеснымъ тепломъ,

спять два близкія мнѣ существа. Моя дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, изголодавшаяся, ослабѣвшая, много недѣль не рѣшающаяся выйти изъ постели въ холодный воздухъ комнаты, и вовсе не выходящая изъ дому, потому что выйти не въ чемъ, ея мать, дѣлящая со мною мою жизнь и, несмотря на свои лохмотья, каждое утро бѣгающая на Смоленскій рынокъ, чтобы раздобыть какой-нибудь съѣдобы. Но, кромѣ пшена, что же добудешь? Тутъ же, около кровати, и печурка, на которой это пшено будетъ изготовлено.

Даятельница пшена проснулась и начинаетъ кашлять. Она кашляетъ долго и съ надрывомъ. У нея чахотка, и докторъ говоритъ, что, если я не увезу ее за границу, она къ веснѣ умретъ. Но на что же и какъ же уѣхать за границу? Я слышу въ этомъ кашлѣ какой-то посторонній звукъ, онъ кажется мнѣ плачемъ. Я встаю, подхожу къ письменному столу, отпираю одинъ изъ выдвижныхъ ящиковъ и вынимаю оттуда квадратный кусочекъ сахара. «Съѣшь», говорю я. Она съ жадностью съѣдаетъ кусокъ сахара, и кашель прекращается.

Это вчера, проходя по Арбату, я купилъ за непомѣрные монеты, у какой-то алчной бабы, три кусочка сахару весьма грязноватаго цвѣта. Я знаю, что кусокъ сахара лучше всякаго лекарства помогаетъ отъ кашля. Я тайкомъ заперъ къ себѣ въ столъ эти три куса. Остальные два пригодятся ей же, когда она, проснувшись, опять будетъ задыхаться отъ кашля.

Даятельница пшена, ободрившись, встала, одѣлась и такъ какъ у нея нѣтъ ни валенокъ, ни боти-

ковъ, она свои ноги, обутыя лишь въ тонкія туфельки, съ тщаніемъ и съ большой находчивостью, начинаетъ обертывать въ какіе-то неправдоподобные обмотки. Я смотрю, и въ тускломъ свѣтѣ зимняго утра эта блѣдная женщина съ исхудалымъ лицомъ кажется мнѣ лунатическимъ призракомъ. Всѣ ея движенія — сомнамбулическія, и я сказалъ бы — нелогически прямолинейныя. Обмотки на ея ногахъ вызываютъ во мнѣ чувство необъяснимаго суевѣрнаго страха. Быть можетъ, это оттого, что маленькія женскія ноги стали непомѣрно большими? Нѣтъ, тутъ что-то другое. Я неотступно начинаю думать о томъ, какъ нѣкоторые убійцы, будучи не въ силахъ смотрѣть на свою жертву, тщательно укутываютъ ее, закрывая лицо убитаго простыней. Я вспоминаю также, что, передъ тѣмъ какъ человѣка вѣшаютъ, его голову просовываютъ въ какой-то, скрывающій его отъ міра, колпакъ, — говорятъ, похожій на капюшонъ инквизитора-монаха.

Дверь открылась и закрылась. Черезъ минуту, я слышу подъ окномъ хрустъ удаляющихся шаговъ.

— Мирра, ты спишь? спрашиваю я дѣвочку.

— Сплю, слышится вялый, медленный, тянуційся отвѣтъ. И каждая изъ четырехъ буквъ этого короткаго слова, съ непомѣрнымъ удлиненіемъ послѣдняго гласнаго звука, начертывается для меня въ холодномъ воздухѣ какимъ-то звуковымъ зацѣпленіемъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что мы гдѣ-то далеко на Сѣверѣ, мы отправились къ Полюсу, насъ затерло льдами, у насъ цынга, намъ не можетъ

помочь никто, мы забыты, и только мятель подаетъ свой голосъ, бросая комья и хлопья снѣга въ заледенѣвшее окно, съ его морозными узорами.

Я встаю. Я твердо знаю, что единственная возможность не погибнуть и не пригнуться до земли въ бѣдѣ, это — рѣшительное противоборство. Несмотря на то, что въ комнатѣ нѣсколько градусовъ ниже нуля, я снимаю съ себя рубашку и моюсь съ ногъ до головы. Я дѣлаю это каждый день и только этимъ поддерживаю въ себѣ бодрость и какое-нибудь жизнеподобіе. Да и оставаться дольше въ постели очень ужъ неудобно. Жители сосѣднихъ комнатъ, наглые жильцы, самовольно поселившіеся въ моей квартирѣ, люди весьма вульгарные, подняли свой гвалтъ и какъ-будто нарочно стараются быть тѣмъ болѣе громкими, чѣмъ менѣе они имѣютъ на это какія-нибудь логическія основанія.

«Мой домъ», говорю я про себя не безъ горькой веселости. «Хотѣлъ бы я отъ кого-нибудь узнать, гдѣ мой домъ, и гдѣ мои — могли бы быть со мной, не какъ собаки, которыхъ, за неимѣніемъ иного, загнали нѣсколькихъ въ одну холодную собачью конуру, и вотъ онѣ тамъ повизгиваютъ, не восхищенные идеальнымъ морознымъ воздухомъ».

А все-таки морозъ красивъ. Я весело иду по Борисоглѣбскому переулку, ведущему къ Поварской. Я иду къ Маринѣ Цвѣтаевой. Мнѣ всегда такъ радостно съ ней быть, когда жизнь притиснетъ особенно немилосердно. Мы шутимъ, смѣемся, читаемъ другъ другу стихи. И, хоть мы совсѣмъ не влюблены другъ въ друга, врядъ ли многіе влюбленные бы-

вають такъ нѣжны и внимательны другъ къ другу при встрѣчахъ.

Въ тотъ день наше свиданіе было не совсѣмъ обычнымъ. Проходя по переулку, я увидѣлъ лежащій на землѣ трупъ только-что павшей лошади. Я наклонился надъ ней. Она была еще теплая. Быть можетъ, всего часъ тому назадъ, всего полчаса, она перестала жить. Но кто-то ужъ успѣлъ отхватить отъ нея одну заднюю ногу, обезпечивъ себѣ не одинъ сегодняшній обѣдъ. А въ ожиданіи, что придутъ и другіе люди, нуждающіеся въ мясной пищѣ, тощая собака съ окровавленной мордой, пугливо озираясь и время отъ времени рыча, торопливо отгрызала отъ лошадиного тѣла кусокъ за кускомъ.

Вороны каркали, перелетали и перескокомъ приближались къ пиршеству, но не рѣшались приблизиться вплотъ.

Эта злая примѣта прогнала мою веселость, и, когда я постучался къ Маринѣ, я услышалъ, что за дверью кто-то бѣгаетъ, но не торопится мнѣ открыть. Я подивился и, обезпокоенный, постучался опять.

— Сейчасъ, сейчасъ, раздался веселый голосъ Марины. Дверь распахнулась, и моя поэтесса, съ мальчишески-задорнымъ лицомъ, тряхнула своими короткими волосами и со смѣхомъ сказала: «Вотъ что, Бальмонтикъ, идти ко мнѣ въ гости нынче опасно. Посмотрите».

Въ залѣ, которая находилась рядомъ съ пріемной и вела въ комнату Марины, былъ, частію, стеклянный потолокъ. Онъ былъ пробитъ въ нѣ-

сколькихъ мѣстахъ, а на полу валялись огромные куски штукатурки. Это въ верхнемъ этажѣ обвалился потолокъ, пробилъ стеклянный потолокъ залы, и тяжелые куски штукатурки отъ времени до времени еще продолжали падать.

— Я не боюсь, сказалъ я. И, взявшись за руку, какъ дѣти, мы со смѣхомъ быстро пробѣжали въ ея комнату, подъ угроžno-зіявшимъ обезображеннымъ потолокомъ залы. Головы наши остались цѣлы. Очевидно, онѣ еще зачѣмъ-то были нужны Судьбѣ. Можетъ быть, нужны еще и сейчасъ, — хотя я мало это чувствую, что до меня, не видя вообще рѣшительно никакого смысла во всемъ, что совершается на Землѣ.

Марина Цвѣтаева страстная курильщица. Но у бѣдняжки есть табакъ и нѣтъ гильзъ. Она лукаво подмигиваетъ мнѣ и говоритъ: «Хотите?». При этомъ отрываетъ отъ старой газеты, лежащей на столѣ, бумажную ленточку и начинаетъ изготовлять то, что называется цыгаркой или же козьей ножкой. Я предоставляю ей художественно свернуть козью ножку, но, когда она хочетъ закурить, я ласково удерживаю ее, и говорю: «Нѣтъ, сегодня не нужно. Я сегодня богатъ». Правда, у меня въ карманѣ цѣлыхъ семь папиросъ, и мы четыре изъ нихъ выкуримъ, можетъ быть, даже пять.

Марина добрая и безразсудная. Она не хочетъ остаться въ долгу. У нея въ домѣ нѣсколько картофелинъ. Она всѣ ихъ приноситъ мнѣ и заставляетъ съѣсть.

Марина живетъ одна съ своей семилѣтней дѣ-

вочкой Алей, которая видитъ ангеловъ, пишетъ мнѣ письма, самыя красивыя изъ дѣвическихъ писемъ, какія я только получалъ когда-либо въ жизни, и пишетъ стихи, совершенно изумительные. Припоминаю сейчасъ одно, которое могло бы быть отмѣчено среди лучшихъ японскихъ троестрочій: —

Корни сплелись,
Вѣтви сплелись.
Лѣсъ любви.

— Что новаго, Марина?

— Да что же новаго можетъ случиться? Какіе-то поляки у меня поселились. Очень вѣжливые. Говорятъ со мной по-французски и любезно сообщаютъ, что у меня очень много интересныхъ вещей въ домѣ, которыя, очевидно, мнѣ не нужны. Добрые такіе. Они освобождаютъ домъ отъ ненужныхъ вещей. Сегодня унесли и продали стѣнные часы. Говорятъ — мѣшаютъ спать своимъ боемъ. Деньги за нихъ не то потеряли, не то проиграли въ карты по дорогѣ.

Марина — героическая женщина. Уже болѣе двухъ лѣтъ ея мужъ, съ самаго начала присоединившійся къ Корнилову, потерялся гдѣ-то тамъ, за фронтомъ, и она не знаетъ даже, живъ онъ или убитъ. Но спокойно-благоговѣнно она вѣритъ, что онъ живъ, и ждетъ его, какъ невѣста ждетъ жениха. Ея сердце знало вѣрно. Она дождалась свиданья и соединилась съ любимымъ.

— А у васъ что новаго?

— Все то же. Помрутъ мои птицы.

— Увезите, увезите ихъ. Уѣзжайте отсюда.

— Какъ же уѣдешь, Марина, изъ этого Ада, который держать? И что я буду дѣлать, что мы стали бы дѣлать тамъ, въ чужомъ мірѣ? Какъ ни плохо здѣсь, Россія — мой домъ. Я не мыслю себя внѣ Москвы.

— Вы вернетесь потомъ. Нужно спасти ихъ.

Мнѣ хочется сказать: «Почему же вы сами не бѣжите и не ищете своего Сергѣя». Но языкъ мой отказывается выговорить эти слова, и я начинаю безсвязно рассказывать Маринѣ о павшей лошади, которую пожираютъ люди и собаки подъ карканье завидующихъ голодныхъ воронъ.

Я возвращаюсь домой, Аля идетъ со мною. «Я хочу навѣстить Миррочку». Мятель стихла. Въ потеплѣвшемъ и успокоенномъ воздухѣ медленно падаютъ и крутятся пушистые бѣлые хлопья и цѣлымъ дождемъ, но не влажнымъ, отдѣльные звѣздочки снѣжинокъ.

Снѣжинки выются и падаютъ на рѣсницы. Алѣ трудно смотрѣть. Ея маленькая ручка въ моей рукѣ. Она улыбается.

Вдругъ она поднимаетъ мою руку къ своему лицу и прижимаетъ ее къ своимъ губамъ.

— Каждый разъ, когда я васъ вижу, говорить она вполголоса, я вижу высокаго принца.

— Аля, отвѣчаю я, хотите выйти за меня замужъ?

— Этого не можетъ быть, говорить она.

— Почему?

— Я слишкомъ маленькая.

— А когда вы вырастете?

— Этого не можетъ быть, настаиваетъ она загадочно.

— Но почему же?

Она не хочетъ говорить.

— Потому что я буду тогда слишкомъ старый? Аля смотреть застѣнчиво и лукаво.

— Нѣтъ, вы, пожалуй, тогда не захотите.

Мы улыбаемся другъ другу очень довѣрчиво и ласково. Снѣжинки совсѣмъ опушили насъ, и дома кругомъ стали красивые и сказочные.

— И потомъ, добавляетъ Аля съ большой серьезностью, вы слишкомъ мало меня знаете. Вы не знаете, какая я въ домашнемъ быту.

Но мы уже пришли въ мой Николо-Песковскій переулокъ. Насъ угостятъ сейчасъ теплой пшенной кашей и даже еще чѣмъ то. Аля щебечетъ съ Миррой, у нихъ свой особенный языкъ, и много-много маленькихъ важныхъ тайнъ, больше, чѣмъ бываетъ цвѣтовъ въ саду и птичекъ въ лѣсу.

Почему, когда столько ласки и нѣжности въ душахъ человѣческихъ, столько слѣпой ярости и безумнаго уродства въ человѣческихъ дѣлахъ? И почему опять за стѣнами дома завертѣлась бѣшеная вьюга, — закружились, угашая преждевременно этотъ короткій зимній день, слѣпящія бѣлыя пелены, бѣлесоватые саваны незрячаго снѣга, который идетъ, идетъ безъ конца?

Не хочу я сидѣть дома. Каждый чужой домъ лучше, если въ душѣ неизбывная тоска. Я условился

съ Мариной встрѣтиться вечеромъ на Тверской въ Кафѣ поэтовъ. Но до этого слишкомъ долго ждать.

Я помню, я ушелъ въ тотъ व्यюзный день къ переводчику «Пѣсни пѣсней» Эфросу. Мнѣ нравилось время отъ времени бывать у него. Мнѣ нравилось, что онъ никогда не говорилъ тѣхъ бесполезныхъ словъ о неизбѣжномъ, которыя такъ любятъ говорить русскіе. Я выносилъ изъ каждой бесѣды съ нимъ освѣженіе, душевный отдыхъ. Я бралъ у него также французскія и итальянскія книги по искусству. Ихъ у него всегда было много.

Эфросъ напоилъ меня чаемъ. Не показывая, что онъ видитъ тоску, которая меня истязала, — «лучшее вниманіе — невниманіе», гласить древняя китайская поговорка, — онъ заговорилъ мое тоскованье умными словами, такими, которыя становятся почти нѣжными оттого, что они во-время и у мѣста умны. Онъ, кромѣ того, прочелъ мнѣ свой новый переводъ «Плача Іереміи», а прочтя, пропѣлъ это волшебное произведеніе по древнееврейски.

Эта пѣсня на красивомъ древнемъ языкѣ, донесенномъ благоговѣнно черезъ несказанно-трудныя тысячелѣтія, эта пѣсня-сказъ души, эта пѣсня-заговоръ и пророчество, сливаясь неуловимо съ пѣсней зимняго вѣтра въ трубѣ, исцѣлила израненное сознаніе, и когда я шелъ по улицѣ, простившись съ гостепріимнымъ, мое близкое и личное отошло отъ меня, но мнѣ казался близкимъ и живымъ ночной воздухъ бѣлесоватой зимы, казались враждебными, но не страшными, громады темныхъ домовъ.

Вотъ тогда-то, идя по темной Бронной и видя, что свѣтъ надъ Тверской красноватъ, какъ зарево далекаго пожара, я встрѣтился съ той, кого не знаю, какъ назвать и какъ опредѣлить.

На улицѣ не было ни одного прохожаго. Никого, кромѣ меня. Я шелъ и казался самому себѣ привидѣніемъ, идущимъ по древнему погосту, гдѣ когда-то протекла, какъ широкая полноводная рѣка, замкнутая въ цвѣтушіе и высокіе берега, цѣлая богатая жизнь, съ мыслями, красками, пѣснями, достиженіями, дерзаньями необманувшими, улыбками близкими, счастьемъ высокимъ и длительнымъ, съ вѣрными, до сердца доходившими, угаданьями. Протекла, истекла, разлилась, обмелѣла, изсякла, обнажила безводное дно, раскинула вправо и влево и повсюду песчаную равнину, безжизненное мертвое пространство. И только бѣлое облако вверху, бѣлое, какъ известка, и измятымъ комкомъ, криво повисшимъ бѣльмомъ, бѣлая Луна.

Вдругъ, какъ изъ-подъ земли, какъ изъ воздуха, предстала предо мной эта странная женщина. Я не видѣлъ, чтобы она вышла откуда-нибудь, я съ ней встрѣтился лицомъ къ лицу такъ сразу, какъ будто она стояла и ждала меня незримая, и стала видной, когда я подошелъ къ ней вплотъ.

— Дяденька, гдѣ мой домъ? спросила она меня, и я похолодѣлъ.

Она была одѣта, какъ крестьянка, которая собралась въ дальній путь. На ней были валенки, длинный темный кафтанъ, похожій на монашеское одѣяніе. Голова была укутана въ большой теплый

платокъ, и я мгновенно вспомнилъ обмотки на зябнущихъ маленькихъ ногахъ, которыя съ хрустомъ ушли по снѣгу, и вспомнилъ, что нѣкоторые убійцы укутываютъ въ простыню голову убитаго и что голова того, кому суждено быть повѣшеннымъ, должна предварительно быть отъединенной отъ міра, скрытая слѣпымъ колпакомъ.

Я не зналъ, красиво или некрасиво это лицо, но я зналъ, что я не могу не смотрѣть на него и что оно молодое.

— Дяденька, гдѣ мой домъ? повторила она голосомъ, въ которомъ была довѣрчивость и слышался упрекъ.

Она произносила всѣ слова такъ мягко и неясвенно, какъ-будто не всѣ звуки она могла произносить; что-то младенческое было въ этомъ говорѣ, точно это былъ ребенокъ, который еще не совсѣмъ овладѣлъ рѣчью. И первое слово у нея выходило «дяинька».

Онѣмѣвъ отъ изумленія и еще какого-то другого непонятнаго мнѣ чувства, я невольно продолжалъ свой путь, а она, слегка потрагивая меня правой рукой и тотчасъ же ее отнимая, пошла совсѣмъ рядомъ и упорно повторяла свой вопросъ.

— Я не знаю, сказалъ я съ безпричиннымъ отчаяніемъ.

— Ты знаешь, сказала она, и въ ея голосѣ была увѣренность. Ты знаешь, дяденька, онъ тутъ совсѣмъ близко. Покажи мнѣ, гдѣ мой домъ.

Ея лицо было странно, но совсѣмъ не безумно. И что было не странно въ тотъ часъ и въ томъ мѣстѣ,

въ обезумленномъ жестокомъ городѣ, гдѣ кто-то кого-то убивалъ и кто-то кому-то улыбался, въ этомъ бѣлесоватомъ сумракѣ ночи, подѣ измятымъ комкомъ бѣлой Луны?

Мы прошли мимо ряда домовъ. Никого кругомъ. Ищущая рука тихонько прикасалась къ моей и убѣгала тотчасъ же. Мнѣ казалось, что мы два лунатика и идемъ по закраинѣ крыши высокаго дома. Вотъ-вотъ мы сейчасъ сорвемся.

— Гдѣ мой домъ? Гдѣ мой домъ? повторяла невѣдомая, и дѣтская жалоба пробивалась черезъ ея неясственный говоръ, какъ черезъ снѣгъ пробивается иногда слишкомъ рано зазеленѣвшая былинка, которая черезъ минуту замерзнетъ.

— Я не могу тебѣ помочь, воскликнулъ я, схваченный тоской. Я не знаю.

— Какъ тебѣ не стыдно, дяденька, слышался упрекающій голосъ, и стыдъ и указаніе на пренебреженную отвѣтственность были въ этомъ женскомъ голосѣ, вмѣстѣ съ совершенно дѣтской довѣрчивостью.

И о чемъ-то сосредоточенно подумавъ, она добавила: «Вѣдь онъ не тамъ, куда ты идешь».

Какой-то вихрь закрутился у меня въ головѣ. Къ сердцу хлынула горячая волна, и мнѣ стало жутко отъ того чудовищнаго желанія, которое внезапно возникло во мнѣ. Чудовищное ли? Не святое ли? Я не могу этого теперь опредѣлить. Около насъ было много домовъ съ открытыми воротами. Мнѣ захотѣлось, — неотступно, — привести эту женщину на какой-нибудь дворъ, сѣсть съ ней рядомъ на

крыльцо и обнять ее. И обнять ее страстно. Само-забвенно.

Въ эту самую секунду изъ сосѣдняго двора вышелъ какой-то человѣкъ. Было темно, и я не видалъ, кто бы это могъ быть. Но знала ли она его или не знала, — только немедля, такъ же, какъ сразу она подошла ко мнѣ вплоть, сразу, точно меня не было больше на свѣтѣ, она, отвернувшись отъ меня, съ довѣрчивостью подбѣжала къ этому человѣку и начала что-то быстро говорить ему. Ея говоръ, неясственный, когда она говорила, идя рядомъ со мной, на разстояніи этихъ нѣсколькихъ шаговъ сталъ для меня совершенно невнятнымъ. Вышедшій человѣкъ, показавшійся мнѣ старикомъ, тихонько потрепалъ ее рукой по плечу, и они оба исчезли въ темномъ дворѣ.

Я постоялъ съ минуту. Я чего-то еще ждалъ. Все было тихо. Я пошелъ впередъ.

Да, я пришелъ въ Кафѣ поэтовъ. Но, увидѣвъ меня, Марина всплеснула руками и воскликнула: «Братикъ, что съ вами?»

Я рассказалъ ей подробно о встрѣчѣ. Лицо Марины сдѣлалось торжественнымъ, а глаза ея стали какъ-будто смотрѣть внутрь самихъ себя.

— Братикъ, сказала она, беря меня за руку. — Она должна была къ вамъ придти. Должна. Вѣдь это же къ вамъ приходила — Россія.

СОДЕРЖАНІЕ

Только.	7
Бѣлый сонъ.	9
Факель въ ночи.	18
Завтра.	24
Гдѣ правда?	29
Вѣтеръ.	33
Мысли Словацкаго.	41
О Достоевскомъ.	54
Малое приношеніе.	62
Страница воспоминаній.	65
Геніи охраняющіе.	70
Земля Смерти.	76
Огненные лепестки.	82
Къ молодымъ поэтамъ.	89
Горячій цвѣтокъ.	95
Золотая птица.	100
Поль Моранъ.	109
Народъ-художникъ.	117
Рознь.	124
Безъ русла.	130
Весна.	138
Гаданье.	146
Улица.	153
Воробѣйнышъ.	160
Гдѣ мой домъ?	169

„ПЛАМЯ“ издательство подь общимъ руковод-
ствомъ профессора Е. А. ЛЯЦКАГО

Вышли и поступили въ продажу:

Алексеев, Н. Н., проф. Основы философии
права.

Бальмонтъ, К. Д. Гдѣ мой дом?

Булгаков, В. Ф. Толстой-моралист.

Введенскій А. Философскіе очерки.

Дионео. Англия после войны.

Жорж Дюгамель. Цивилизация. Авторизован-
ный перевод М. Л. Слонима.

Лаппо, И. И., проф. Западная Россия и ее со-
единение с Польшею в их историческом про-
шлом. Исторические очерки.

Лаппин, И. И., проф. Философия изобретения
и изобретение в философии. Вып. I. (Введе-
ние в историю философии).

Лосский, Н. О., проф. Сборник задач по логике.
Учебное пособие.

Толстой, Л. Л., графъ. Въ Ясной Полянѣ. (Прав-
да объ отцѣ и его жизни).

Циммерман, М. А., проф. Очерки нового между-
народного права. (Мирные договоры. Лига
Наций. Постоянная палата международного
суда).

Форелундъ, К. Зунзунгъ и Зингилла (со швед-
скаго).

Печатаются и готовятся къ печати:

Аничковъ, Е. В., проф. Западная литературы
и славянство.

Бальмонтъ, К. Д. Мое — ей.

Вернадскій, Г. В., проф. Очеркъ исторіи права
русскаго государства XVIII—XIX в.

„ПЛАМЯ“ издательство подъ общимъ руковод-
ствомъ профессора Е. А. ЛЯЦКАГО

Водовозовъ, В. В., проф. Новая Европа.

Кизеветтеръ, А. А., проф. Три русскихъ рефор-
матора. (Иванъ Грозный, Петръ Великій
и Сперанскій).

Ланшин, И. И., проф. Философія изобретения
и изобретение в философіи. Вып. II.

Ляцкій, Е. А., проф. Романъ и жизнь. Біогра-
фія Гончарова по новымъ даннымъ.

Нидерле, Л. Быть и культура древнихъ сла-
вянь.

Пекарь, И., проф. Исторія Чехіи. Авторизо-
ванный переводъ съ чешскаго.

Платонов, С. Ф., проф. Смутное время.

Тэффи. Вечерній день.

Ученыя Записки, основанныя Русской Учебной
Коллегіей въ Прагѣ.

Ферреро Гульельмо. Трагедія міра. Авторизо-
ванный переводъ съ итальянскаго.

Хэриъ Лафкадіо. Японскія новеллы (пер. съ
англійскаго).

Цветаева М. Молодец (поэма).

Чапекъ Карлъ. R. U. R. Пьеса. Пер. съ чеш-
скаго Іосифа Каллиникова.

Шмелевъ, Ив. С. Разказы.

Серія «ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ТЕХНИКА»

Вып. I. Новиковъ, М. М., проф., и Шкаффъ, Б. А.,
пр.-доц. Невидимые друзья и враги жи-
вотнаго организма.

Вып. II. Лепешкинъ, В. В., проф. Организмъ
съ точки зрѣнія физики и химіи.

„ПЛАМЯ“ — издательство подь общимъ руковод-
ствомъ профессора Е. А. ЛЯЦКАГО

И з д а н і я

«ПЛАМЯ» — «ВАТАГА»

В ы ш л и и п о с т у п и л и в ъ п р о д а ж у:

«На чужой сторонѣ» — сборн., книга I, II, III под
ред. С. П. Мельгунова, при ближайшем уча-
стіи проф. Е. А. Ляцкаго и В. А. Мякотина.

Мельгунов, П. Первые уроки истории. Древний
Восток.

Лонатин, Л. М. Лекции по истории новой фи-
лософии.

Мякотинъ, В. А. А. С. Пушкинъ и декабристы.

П е ч а т а ю т с я и г о т о в я т с я к ъ п е ч а т и:

Каррикъ, В. Сказки. — **Мельгуновъ-Петрушев-
скій.** Разказы изъ русской исторіи. — **Лун-
кевичъ, В. В.** Чудеса живой природы. —
Лункевичъ, В. В. Какъ идетъ жизнь въ
человѣческомъ тѣлѣ.

На складѣ:

всѣ изданія К-въ «Сѣверные Огни», «Наша Рѣчь»,
«Русскаго кооперативнаго издательства въ
Прагѣ», «Ватаги» и др.

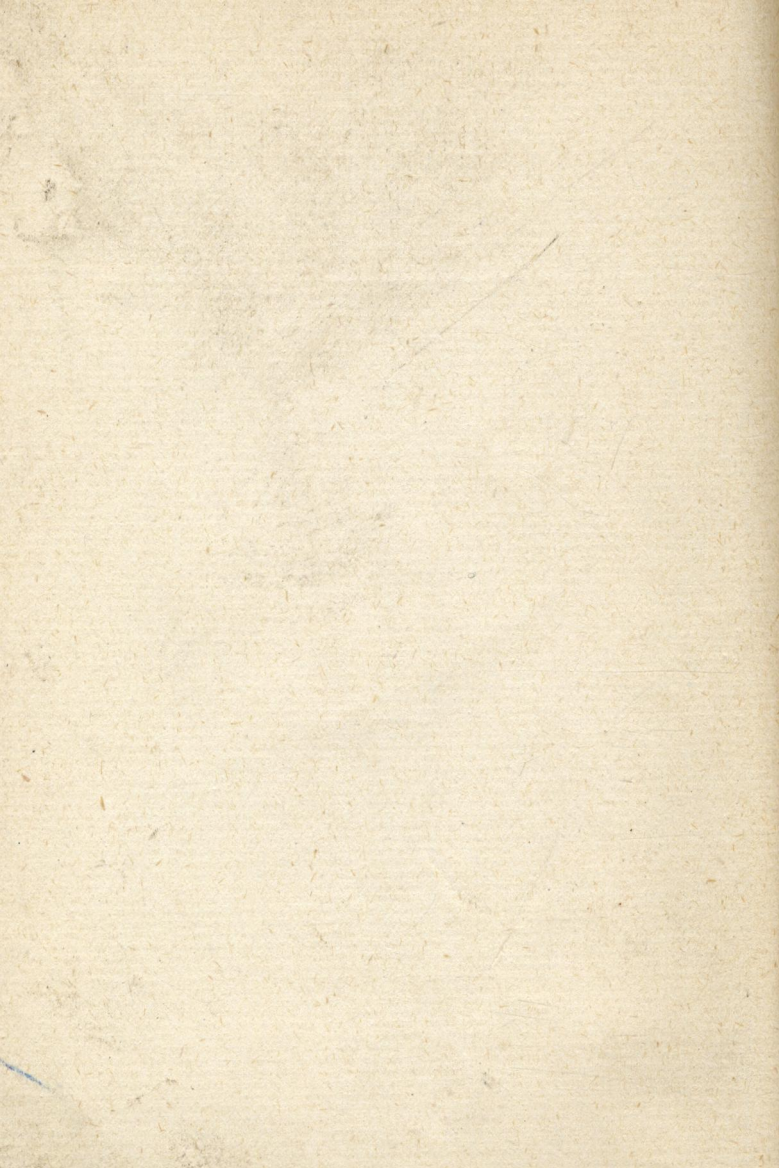
Центральные склады:

Прага — Книжный магазинъ **«Наша Рѣчь»**, Ječná,
32, Praha II.; Берлинъ — Книжный магазинъ
«Родина», Charlottenburg, Kantstrasse 24.

(28)

Брус 46 кон
— (1986)

PL 189

~~54092~~

~~30293~~

К. БАЛЬМОНТЪ

ГДѢ МОЙ ДОМЪ?

Центральные склады:
„Naša Rječ“ — PRAHA II., Ječná ul. 32;
„Rodina“ — BERLIN, Charlottenburg, Kantstrasse

ПРАГА

БАЛЬМОНТЪ — ГДѢ МОЙ ДОМЪ

~~87~~